

ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА», МОСКВА № 2 январь 1988

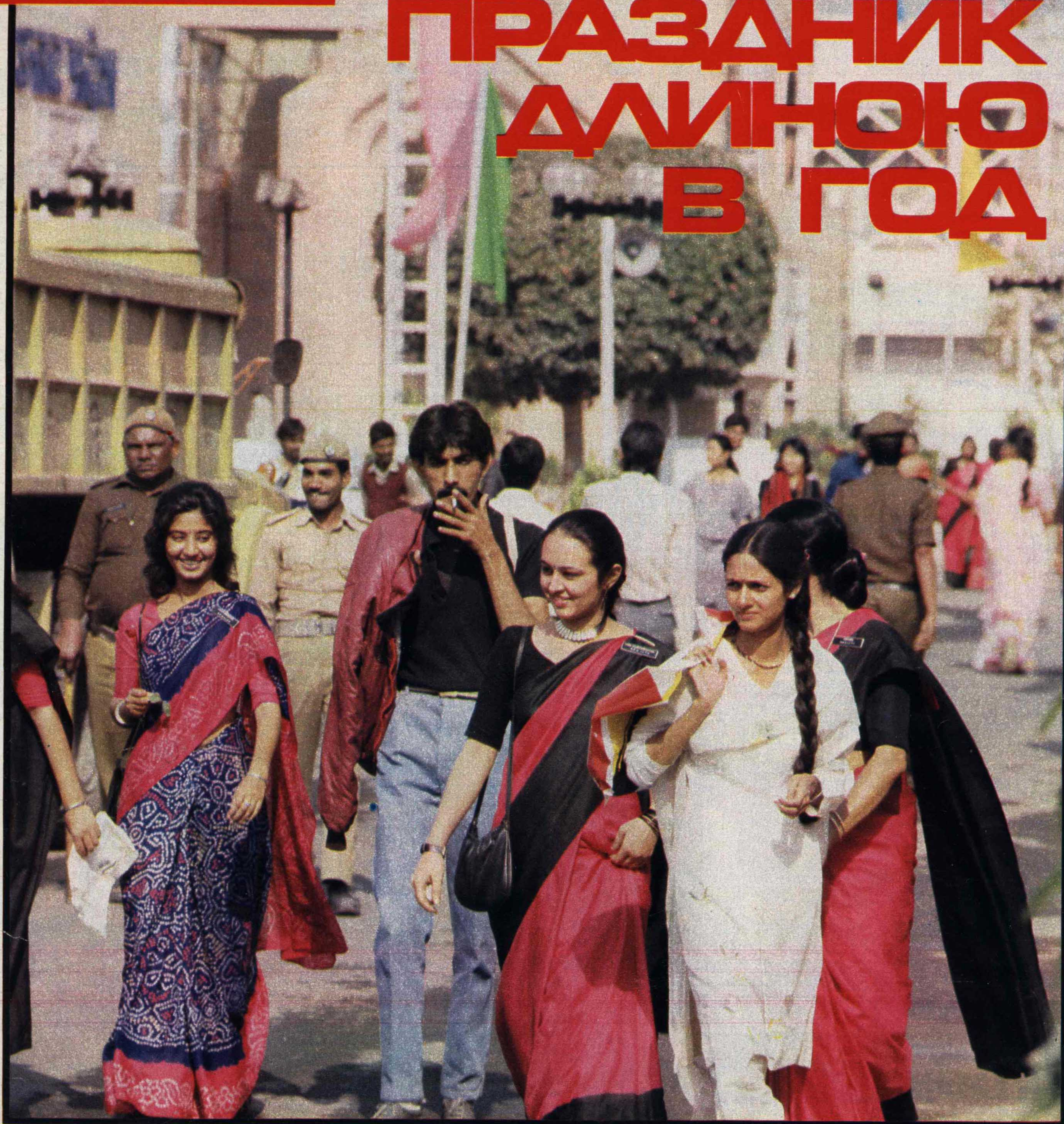
БЕСЕДА
С ЭЛЕМОМ КЛИМОВЫМ

МОЛОДЫЕ
И ИМЕНИТЫЕ

ХУДОЖНИК
КОНСТАНТИН ВАСИЛЬЕВ

ПРАЗДНИК ДЛИННОЮ В ГОД

84-18

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан
1 апреля
1923 года

№ 2 (3155)

9—16 ЯНВАРЯ

© Издательство «Правда», «Огонек», 1988.

Главный редактор
В. А. КОРОТИЧ.

Редакционная коллегия:

Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ,
Л. Н. ГУЩИН

(первый заместитель
главного редактора),

К. А. ЕЛЮТИН,
Н. А. ЗЛОБИН,
С. С. ЛЕСНЕВСКИЙ,
В. Д. НИКОЛАЕВ

(заместитель
главного редактора),

Ю. В. НИКУЛИН,
А. Г. ПАНЧЕНКО,
А. Б. СТУКОВ,
С. Н. ФЕДОРОВ,
Ю. Д. ЧЕРНИЧЕНКО,
В. Б. ЧЕРНОВ,
В. Б. ЮМАШЕВ.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:
*Молодежь индийской столицы. (См. в номере
очерк «Праздник длиною в год».)*

Фото Владимира НИКОЛАЕВА

Оформление **В. В. ВАНТРУСОВА**
при участии **О. И. КОЗАК**

**ПОДПИСКА НА «ОГОНЕК» ПРИНИМАЕТСЯ БЕЗ
ОГРАНИЧЕНИЙ ВО ВСЕХ ОТДЕЛЕНИЯХ СВЯ-
ЗИ ДО ПЕРВОГО ЧИСЛА ПРЕДПОДПИСНОГО
МЕСЯЦА**

Цена подписки на год — 20 руб. 76 коп.,
на полгода — 10 руб. 38 коп.,
на квартал — 5 руб. 19 коп.

Телефоны редакции: Секретариат — 212-23-27;
Отделы: Публицистический — 212-21-88; Между-
народный — 212-30-03; Литературы — 212-63-69;
Искусства — 212-15-39; Морали и писем —
212-22-69; Фото — 212-20-19; Оформления —
212-15-77; Литературных приложений —
212-22-13.

*Рукописи объемом более двух авторских листов
не рассматриваются.*

Сдано в набор 17.12.87. Подписано к печати
05.01.88. А 00489. Формат 70 × 108¹/₈. Глубокая
печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл.
кр.-отт. 16,80. Тираж 1 770 000 экз. Заказ № 1694.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции
типография имени В. И. Ленина издательства ЦК
КПСС «Правда», 125865, ГСП, Москва, А-137, улица
«Правды», 24.

Адрес редакции: 101456, ГСП,
Москва, Бумажный проезд, 14.

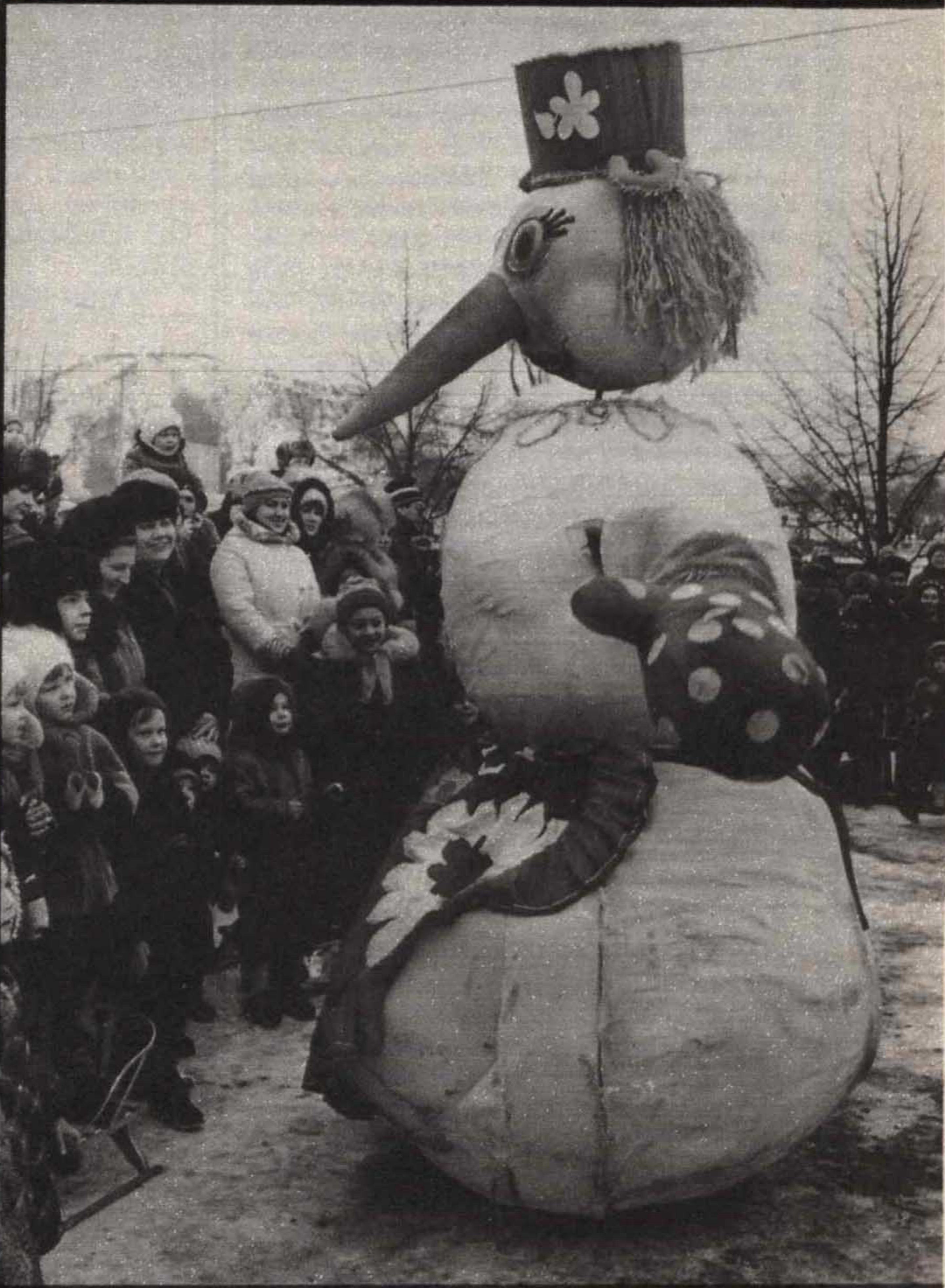

**В СТРАНЕ
ДЕТЕЙ**

ИЗ ГЛАЗ СЛЕЗЫ:
 ВЕТЕР СТУДЕНЬИЙ
 НАВСТРЕЧУ —
 И ВСЕ РАВНО ВЕСЕЛО.
 ДОМОЙ НЕ ХОЧЕТСЯ.
 МОЖЕТ,
 НА СТОЛБ ВЛЕЗТЬ?
 ТАМ НОВОГОДНИЕ
 ПОДАРКИ.
 ЭХ, ДОТЯНУТЬСЯ БЫ!
 И ОСЕНЬЮ, И ЛЕТОМ,
 И ВЕСНОЙ БЫВАЮТ
 КАНИКУЛЫ.
 ЗИМНИЕ СВЯЗАНЫ
 В СПЛОШНУЮ
 ПРАЗДНИЧНУЮ
 КАРУСЕЛЬ
 «ЕЛОК»,
 КАТАНИЙ С ГОР,
 ЛЫЖНЫХ ПРОГУЛОК.
 А ЕЩЕ НАДО УСПЕТЬ
 В ЛЕС,
 ПОЧИТАТЬ КНИЖКУ

И СХОДИТЬ
 НА МУЛЬТФИЛЬМЫ.
 СЛОВОМ, ДЕЛ
 НЕВПРОВОРОТ,
 УСПЕТЬ БЫ!
 ВОТ И ТОРОПИТ
 УПРЯЖКУ ДЕД МОРОЗ,
 ВТЯГИВАЕТ
 В ПОТЕШНЫЙ
 ХОРОВОД
 СНЕГУРОЧКА,
 ЗОВУТ
 В БЕЛУЮ КРЕПОСТЬ
 СНЕГОВИКИ.
 МЫ, ВЗРОСЛЫЕ,
 ТОЖЕ РЯДОМ
 С РЕБЯТИШКАМИ
 НА ЗИМНЕМ
 ТОРЖЕСТВЕ.
 ТОЛЬКО СТАРАЕМСЯ
 НЕ ПОПАДАТЬ В КАДР...

Фото
 Александра НАГРАЛЬЯНА

Работаю учителем в школе. Мне как члену общества «Знание» и депутату местного Совета поручили подготовить доклад на торжественном вечере к 70-летию Октября. Изучила доклад М. С. Горбачева «Октябрь и перестройка: революция продолжается», собрала материал о передовиках производства нашего села. В своем выступлении указала не только на успехи, но и на недостатки в селе, районе, школе. Доклад прочитала 6 ноября, а через неделю вызвали на исполком сельсовета. Меня обвинили в аполитичности, пригрозили, что впредь к трибуне Дома культуры не допустят. Сказали, что выступать перед всем селом у меня нос не дорос, так как выношу сор из избы.

На исполкоме я не согласилась с обвинениями, считаю себя правой. Но после такого разгона пропало желание говорить правду, тем более что пострадали из-за меня парторг совхоза «Черемховский» и председатель сельсовета. Они получили по выговору за то, что не проверили мой доклад и допустили на трибуну. Видимо, до нас еще гласность и перестройка не дошли.

З. И. КУПРИЯНОВА
с. Черемхово Читинской области

В последние годы наше кино, как мне кажется, переживает период бурных перемен: «Покаяние», «Фавориты луны», «Плюмбум...», «Взломщик», «Завтра была война» — разные, но неординарные фильмы. И вот на экранах «Огонька» еще одно имя — Сергей Бондарчук; он готов потрясти мир новым шедевром. Неужели опять мы будем отпущать огромные деньги на помпезные картины? Помню, как в школе нас водили в обязательном порядке на «Красные колокола», как мы убежали из полупустого зала: ни звезды западного кино, ни натурные съемки в Мексике не могли нас удержать. В фильме не было главного — романтической, страстной души Джона Рида.

Андрею Тарковскому не дали снять «Бориса Годунова», зато дали Бондарчуку. И вот под перезвон колоколов он явился перед нами, сверкая парчой, в соболях и камнях, со своими чадами и домочадцами, а на роль «иностранцев», конечно, пригласил звезд из-за кордона. Фильм оказался всего-навсего цветной иллюстрацией к Пушкину. И вот теперь Шолохов... Спросите нас, телезрителей, нужен ли телефильм «Тихий Дон» из 13 серий, с многомиллионной сметой, с Аксией «оттуда», югославским Григорием, подлинным китайцем, съемками в Югославии? А может быть, роман мы прочтем сами или послушаем в прекрасном исполнении М. Ульянова?

Марина ИВЛИЕВА,
студентка, 22 года
Реутово Московской области

Ехала я из Вильнюса поездом № 192 до Пскова, где мне нужно было сделать пересадку, чтобы добраться до Старой Руссы. Возвращалась с похорон брата. Чтобы как-то утешить меня, родственники подарили двухмесячного щенка от маленькой комнатной собачки. В вагоне он так быстро заснул, что соседи шутили: «Какой спокойный пассажир». Заметив спящего щенка, ревизор, как

и положено, потребовал справку. Я извинилась, объяснила причину отсутствия справки. Он меня строго предупредил и, пожалевав, даже не оштрафовал.

В три часа ночи проводница принесла билет и попросила, чтобы я вышла в тамбур: сейчас будет Псков. Поезд остановился, я сошла. Дверь вагона захлопнулась. Я осталась одна в темноте. Нет ни огонька, ни людей. И тут сообразила, что проводница сыграла со мной злую шутку из-за щенка. Мне седьмой десяток, больные ноги, тяжелая сумка на колесиках. Нести ее я не в состоянии, а по шпалам везти не получается. Дождь, грязь, темень. Заметила огонек, добралась, падая от усталости и отчаяния. Это оказалась будка. Дежурившая в ней женщина сказала, что меня высадили на турбазе. Отдохнув, добралась до второй будки. Спасибо сердечное дежурной: она помогла мне выбраться на дорогу. Падая, я растеряла вещи, ничего не видела из-за темноты, а из-за слез. Но щенка своего не бросила.

Вот как со мной поступила проводница вагона № 7 поезда № 192 Вильнюс — Ленинград. Место мое № 13. Поезд отходил в понедельник 30 ноября прошедшего года.

Евгения Сергеевна ШАПОШНИКОВА,
пенсионерка
Старая Русса
Новгородской области

И сегодня у нас немало «зон молчания», «зон вне критики» — я имею в виду организацию средств массовой информации. Мне думается, нужно в законе о средствах массовой информации предусмотреть, что работники этих средств не должны материально и социально зависеть только от местных властей. Быть может, следует создать Ассоциацию работников средств массовой информации при Совмине СССР и все органы информации сделать органами этой Ассоциации и общественных организаций, выведя их из прямого исключительного подчинения инстанциям на местах. И вот тогда местные власти будут находиться под прицелом и вниманием печатного органа.

Юрий Максимович КАРБОВСКИЙ,
инженер
Тернополь

У нас в стране все самое интересное, дефицитное, важное и т. д. сконцентрировано в Москве (слабо конкурируют с ней лишь Ленинград и некоторые столицы союзных республик). В Москву едут за финскими сапогами, французской косметикой и отечественным мясом. В Москву едут в «Третьяковку», на Таганку, на выставку «Сельское хозяйство Гренландии» или «Зубопротезирование в Бангладеш». Едут посмотреть панков, металлистов, фестивальные фильмы и т. д. И если иногда мы можем достать первое (по блату) у себя, то с последним дело обстоит гораздо хуже.

Есть, конечно, театр в Паневежисе, «Юморина» в Сочи, институт Илизарова в Кургане, но не маловато ли на 280 миллионов советских граждан? Откуда это стремление стягивать все кадры — научные, литературно-художественные, спортивные — в столицу? Наверно, поэтому не очень хорошо у нас с преимствен-

ностью, со «школами». Да и патриотизм, который, как известно, воспитывается с чувством «малой родины», получается перекошенным.

Предложения? Пожалуйста. Например, Адриано Челентано посещает Москву и Ленинград, а, скажем, Мирей Матье — Свердловск и Харьков. Выставки типа «Связь-87» проводить по графику: «Связь-88» в Киеве, «Связь-89» в Ташкенте и т. д. Принцип составления графика может быть различным, главное — решить проблему в целом. Что касается живописи, то в XIX веке были «передвижники», где же они теперь? Почему бы не отдать часть фондов Русского музея, «Третьяковки», Пушкинского в художественные музеи других городов для их укрепления? Мы думаем, что децентрализация духовности приведет к децентрализации перестройки.

Кира и Сергей СЕДЫХ,
психологи
Полтава

Ваш журнал методично топчет в грязь незаурядную личность И. В. Сталина. Подборкой писем, их содержанием вы не даете объективного взгляда на 30-е, 40-е годы. Однако мои мысли в основном по поводу письма Любовского в № 47, в котором он пишет, что не хочет жить на улице Жданова. Отвечаю ему.

А я хочу жить на улице имени А. А. Жданова. Считаю, что он был верным ленинцем по убеждению, по огромной работе, цель которой — служение народу. Побольше таких первых секретарей обкомов — и дело перестройки зашагало бы не черепашьими темпами.

Я жил бы на улице Жданова, потому что он дал правильную оценку Ахматовой и Зощенко. Потому что, глубоко уверен, при нем такого пацкиля, как «Дети Арбата», не появилось бы. Потому что Жданов не накладывал табу на книги А. Толстого, Горького, Н. Островского, Шолохова, Маяковского, Есенина.

Я жил бы на улице Жданова и потому, что не желаю, чтобы топтали в грязь руководителей, создавших великое социалистическое государство. Потому что вопреки усилиям внутренних и внешних врагов Советской власти был утвержден День Победы.

Хочу жить на улице Жданова, в г. Сталинграде, Молотове, не хочу жить на улицах Царской, Империи-листической, Сионистской...

Давайте не забывать главное: кто и для кого совершал Октябрьскую революцию. Народ!

Л. А. ЖДАНОВ (однофамилец)
Ворошиловград

Новые поколения должны знать правду о том, что пережили их отцы и деды. Между тем многое из истории и сейчас либо замалчивается стыдливо, либо, если о нем говорят, то вскользь. Вот о голоде 33-го года, например. О нем не могу вспомнить без содрогания. В то лето мне, тогда подростку, довелось пасти полуживых уцелевших коров. На лугу собирал цветочки клевера, сушил, мял, растирал в порошок. Клеверную мушкету мать смешивала с гречневой полóвой, ими и питались да еще баландой из крапивы. До конца дней своих не забуду глаза умирающих голодной смертью.

Когда подрос, стал спрашивать себя: как могло случиться, что Ле-

нин (его смерть первое острое впечатление моего детства) смог накормить народ вскорости после гражданской войны и разрухи, а спустя несколько лет напал на нашу землю настоящий мор? Ведь тогда, я хорошо помню, не было никаких стихийных бедствий.

Писатель М. Алексеев в повести «Драчуны» нарисовал леденящее сердце картины голода в Саратовской области. Источенные люди были не в силах хоронить умерших. Правдиво описав то, чему сам был свидетелем, писатель оказался бесильным дать этому сколько-нибудь убедительное объяснение, откровенно сказав, что пытается уразуметь происхождение этого голода.

Пытаюсь сделать то же самое и я. Был тот голод фатальной неизбежностью или он возник по чьей-то вине, и его можно было избежать? На этот вопрос, насколько мне известно, никто даже не попытался дать обстоятельного ответа. Замалчивать такое по меньшей мере безнравственно. Ведь 33-й год по своим жертвам превосходит все остальные жертвы сталинских репрессий.

М. Е. ГАЛУШКО
Сумы

Сейчас, когда мы всячески поощряем и приветствуем (и это правильно!) индивидуальную трудовую деятельность, мне бы хотелось поделиться своими впечатлениями о той «трудовой» деятельности, которая процветает близ Белорусского вокзала Москвы.

Не открою секрета, если скажу, что мы и раньше видели, как на столбчатых вокзалах нахальные женщины бойко торговали подозрительной «сатарной ватой» или сладкими «петушками», а безногий инвалид в подземном переходе предлагал «мышку-норушку, детскую игрушку». Тогда такая деятельность считалась незаконной и пресекалась работниками милиции.

Сегодня же, в связи с принятием Закона об индивидуальной трудовой деятельности, количество привокзальных торговцев (читай: туенядцев!) возросло раз в десять! Весьма помолодел и их состав.

Теперь это модно одетые парни от 20 до 35 лет. На трехногом столике табличка: кооператив такой-то. Но наивно думать, что они выращивают на своих дворах коров или свиней, чем вносят посильный вклад в Продовольственную программу, или оклеивают квартиры, ремонтируют телевизоры и холодильники. Молодые «кооператоры» торгуют фотографиями-схемами «Магазины Москвы», стоимость которых один рубль! Тут же фотографии с «Сонниками» для разгадывания снов, точные и прочие гороскопы, календари с фото Владимира Высоцкого и дуэта «Модерн Токинг»...

Совсем рядом члены другого «кооператива» вели торговлю кошечками, «самоукладывающимися деньгами», по цене 6 рублей за штуку! Знаки Зодиака, сделанные из эпоксидной смолы, по цене один рубль, в тот день спросом не пользовались. Скупали и торговцы дамскими ремешками, металлическими сережками и заколками для волос.

За метро, меж рядами торговцев цветными, привлекательная особа прогуливалась с подвешенным на нитках страусом, изготовленным из ярких шаров детской погремушки.

Но стоила-то птичка пять рублей! И девятикомный компаньон — бородатый парень стоял в стороне с ящиком нераспакованной продукции и нервно курил.

Еще дороже оказались «вазы-аквариумы для украшения квартиры» с плавающими внутри лебедями: маленькая — 7 рублей, большая — 10!

Конечно, мне могут возразить, что серьезные люди проходят мимо подобных торговцев, не останавливаясь, и вся их продукция рассчитана на тех, кому некуда девать деньги. Сомневаюсь. Дурной пример заразителен, и, видя, с какой легкостью можно вполне законно «зарабатывать» большие деньги, у замаскированных тунеядцев могут быстро найтись последователи. Только кому будет польза, если завтра не только на Белорусском, а на всех железнодорожных вокзалах от Москвы до Владивостока появятся торговцы страусами и вазами-аквариумами?

Олег ГОНОЗОВ,
худрук городского парка
Ишния Ярославской области

После XXVII съезда КПСС период нашей истории, связанный с деятельностью Л. И. Брежнева, почему-то стали называть периодом «застоя». Этот термин, на мой взгляд, абсолютно не соответствует положению дел в нашей стране того времени. «Застоем» можно назвать что-то неподвижное или по крайней мере не имеющее поступательного движения.

Уровень жизни, социальная и идеологическая сфера в этот период явно смещались в обратную сторону. Ни для кого не секрет, что раковая опухоль коррупции все шире поражала наше общество, включая самые высшие эшелоны руководящего звена государства. Называть этот отрезок нашей истории было бы более правильно «предкризисным».

Сегодня, если и названы конкретные виновники из руководящего звена государства (Щёлоков, Чурбанов, Трегубов и т. д.), то их вдохновители и ангелы-хранители до сих пор по-настоящему даже не развенчаны.

В журнале «Огонек» № 47 М. Катаев из Ленинграда предлагает обсудить вопросы, связанные с социальными гарантиями необратимости демократических преобразований в нашей стране. На мой взгляд, такой гарантией могли бы стать общенародные референдумы, которые можно было бы совмещать с кампаниями выборов в Верховный Совет СССР.

А. М. ШАРОВ,
член КПСС, пенсионер
Одесса

Недавно у нас в Петропавловске-Камчатском продавали детские комбинезоны. Очередь была, куда там винно-водочным магазинам. Вчера зашел в магазин-салон на Ленинской на выставку изделий, сшитых в ателье нашего города. Как я понял, приурочена она к 70-летию Октября. Среди прочего вижу детские комбинезоны, ничуть не хуже тех, за которыми давился народ. К изделиям прикреплена табличка с фамилией мастера и номером ателье. Каждый второй посетитель жаждет заказать понравившуюся одежду, спрашивает адреса ателье, получает их и мчится заказывать. Все, как в сказке! Но вот раздалась первая звонкая недовольная, тех, кому в ателье дали от ворот поворот — видите ли, нет ткани в ателье. Вернулись заказчики-неудачники с одним вопросом: зачем устраивать показу, да еще к такой знаменательной дате? Ведь не картины из Эрмита-

жа показывали... Испорчено настроение, не успел порадоваться за своих портных...

А. СЕМЕНОВ,
механик
Петропавловск-Камчатский

Хотелось бы узнать у наших уважаемых законодателей, почему нижняя граница алиментов — 25 процентов, а средняя — 33, ведь разница между ними мизерная. Деньги платят почти те же самые на одного ребенка и на двоих. Мое личное мнение: настало время дифференцировать нижнюю границу, она должна быть 16,5 процента, половина от 33. Посудите сами. Женищина, с которой я разошелся, вышла замуж. У нее и мужа на руках три зарплат, да еще и не подходит к ребенку. А ты крутись, корми новую семью. При этом надо учитывать, что на те проценты накладывается 13 процентов подоходного налога, и, как правило, женищинам при разводе достаётся все. Они знают, что закон охраняет их права в первую очередь, и поэтому чаще всего становятся инициаторами разводов.

Я за то, чтобы пересмотрели закон об алиментах, чтобы он стал гибче и гластее, а сейчас он слишком близорук. Государство несет миллионы убытка, потому что алиментники не хотят выкладываться на работе, с одной стороны, и часто прячутся от алиментов. А с другой — он давит на плечи мужиков, они двуязычны, все выдержат. Тех людей, кто принимал этот закон, думаю, уже и в живых-то нет, а вот заняться этим важным вопросом у соответствующих органов все нет времени.

Г. ЛЬВОВ
Комсомольск-на-Амуре

Хочу поддержать прозвучавшие на страницах «Огонька» мнения о необходимости перемен в области обеспечения советских людей информацией (как приходящей из-за рубежа, так и «внутренней»).

Практика ограничения доступа граждан к произведениям отечественной и зарубежной литературы и искусства прямо противоречит статье 46 Конституции, где говорится о праве граждан на пользование достижениями культуры. Когда же речь идет просто о зарубежной периодике, право граждан на информацию оказывается ничем не защищенным. Поэтому начинать, на мой взгляд, надо с включения в наш Основной закон новой статьи, устанавливающей, что граждане СССР имеют право на информацию по всем вопросам внутригосударственной и международной жизни. Гарантировать осуществление этого права нужно также в законодательном порядке — в планируемом законе о печати и информации. В законе следует четко определить круг вопросов, информация по которым не подлежит распространению или может быть ограничена. Здесь же должен быть установлен механизм обжалования со стороны организаций и граждан решений компетентных органов о запрете какой-либо информации.

Чтобы содержание закона о печати и информации отвечало современным настроениям общественности, необходимо всенародное обсуждение его проекта.

Михаил ИВАНОВ,
научный работник, 25 лет
Ленинград

Я — далекий от литературы человек, и мне «Огонек» читать трудно. Но очень люблю кроссворды.

И вот после одного кроссворда случайно прочитал про движение времени в № 46. Мне понравилось, что пишет Анатолий Иванов. Я выписал много лозунгов и призывов, главные мысли писателя.

Иванов — настоящий патриот. Он здорово пишет про борьбу за наши идеалы с оружием в руках, «героический и драматический материал жизни», про «спекулятивные сочинения юрких дельцов от литературы» и о том, что чистота нашей идеологии оплачена «в основном кровью человеческой». Но не пустили ли мы ее в какой-то мере на самотек? Тут я не очень согласен про «самотек»... А Иванов не согласен, что после Октября «в Советском государстве царил террор, лилась кровь, царили несправедливость, неразбериха и руководителей-то порядочных после Ленина в стране не было». И он правильно спрашивает: «Есть ли еще в мире такая страна, где бы так очерняли, так односторонне трактовали, если хотите, так втаптывали в грязь свою историю?» И поэтому, когда молодой человек задал «страшный вопрос»: «Как мне жить дальше?» — А. Иванов правильно отвечает, что если мы и «впредь будем так фальсифицировать и очернять свою историю», то услышим и не такие вопросы.

Товарищ Сталин никого не боялся называть врагами народа, диверсантами, шпионами, убийцами и агентами иностранных государств. А сейчас мало осталось таких, кто не боится смело, как Иванов, писать правду. И правильно А. Иванов хочет, чтобы было «ясное, целенаправленное и крепкое идейно-политическое обеспечение всякого дела». Правильно. Зачем народу Мандельштам, Пастернак, Зощенко, Цветаева, Платонов?

И еще я выписал у А. Иванова, что «мы еще пристальнее должны всматриваться в нашу революционную героическую историю» и тогда мы будем «все отчетливее видеть и понимать те грандиознейшие победы и достижения людей всех послеоктябрьских поколений».

У Каверина я ничего не нашел выписать. А враги вокруг нас. А если бы не было таких патриотов, как А. Иванов, у нас бы не было таких успехов во всем.

В. В. РАЗБУХАЕВ
Ульяновск

В отличие от многих авторов откликов на интервью А. М. Яковлева (№ 33) я не возмущен, а удивлен тем, что так примитивно трактует сложнейшие вопросы исправительной практики ученый-юрист.

Ну кто же против смягчения наказаний, если бы после этого нам спокойнее стало жить?!

Мягкость или строгость наказания зависит от двух факторов: условий содержания осужденных и сроков наказания.

Если говорить об условиях содержания, то смягчать дальше некуда: осужденные в подавляющем большинстве содержатся у нас не в тюрьмах, как это принято на Западе, а в колониях, многим из них дана возможность проживать на правах вольных поселенцев и даже с семьями. А что такое колония? Это городок по типу рабочего поселка с примыкающим к нему заводом, фабрикой, леспромпхозом. Во всех колониях имеются центральное отопление, водопровод и канализация, клуб и школа, ПТУ, прачечная, баня, поликлиника, больница, магазин, есть телевизоры, кино. Осужденным предоставляется возможность трудиться. Причем труд здесь не изнурительный, не предназначен для эксплуатации, а нацелен на профессиональную подготовку.

Гуманность этой акции трудно переоценить, имея в виду, что чуть ли не половина поступающих в места исполнения наказания на воле не трудились и не учились.

Что здесь можно еще смягчать? Не надо забывать, что речь-то идет об уголовных преступниках.

Резерв смягчения, как я уже сказал, имеется только в сроках наказания. И этот резерв частично уже использован: почти для одной трети осужденных введены условное осуждение, условно-досрочное освобождение, широко практикуется отсрочка исполнения приговоров. А. М. Яковлев почему-то не упоминает, что между сроками наказания и сроками его фактического отбывания имеется существенная разница: в среднем они почти в два раза короче назначенных судами.

В своих смягчительных порывах мы часто обращаем свой взор на Запад — там сроки наказания ниже, чем у нас. Но ведь не надо забывать, что осужденные там содержатся не в колониях и поселениях, а в тюрьмах.

Дело в последнем счете состоит не в том, чтобы смягчать или ужесточать наказания, а в том, чтобы с помощью какой-то реформы выйти, наконец, на дорогу неуклонного снижения преступности.

Теперь об отмене смертной казни. Смертную казнь, конечно же, можно было бы отменить, если бы у нас были не колонии, а тюрьмы. Неужели это непонятно? Вводить отмену смертной казни в условиях колоний, когда осужденные имеют возможность свободно передвигаться по территории и общаться друг с другом, — это полный абсурд. Зачем нам повторять собственные трагические уроки?!

И. Г. Константинов,
кандидат юридических наук
Москва

«ОГОНЬКУ» ОТВЕЧАЮТ

По письму В. А. Стрижака, опубликованному в № 47 журнала, проведена служебная проверка. За невыполнение указаний о приеме граждан после 18 часов и в субботу начальнику паспортного отделения Управления внутренних дел Свердловского горисполкома В. А. Исаеву объявлено дисциплинарное взыскание. Установлен новый график работы паспортного отделения, предусматривающий прием граждан три дня в неделю до 20 часов и в субботу до 18 часов. За нарушение установленного 10-дневного срока решения вопроса о выдаче пропуска В. А. Стрижаку на право въезда во Владивосток начальнику паспортного стола Кировского райотдела УВД Свердловска Т. А. Ширинкиной объявлено дисциплинарное взыскание. Приняты меры к сокращению сроков решения этих вопросов.

В. ФРОЛОВ,
заместитель начальника
управления внутренних дел
МВД СССР
Свердловского облисполкома

Наш адрес:
101456, ГСП,
Москва,
Бумажный проезд, 14.

ГОРЬКИИ ПЛОД

ИЗ ИСТОРИИ
СОВРЕМЕННОСТИ

Валерий СОЙФЕР

Это письмо, без сомнения, было шедевром. Лысенко мог быть разным в жизни — веселым с друзьями, беспощадным и саркастическим с врагами, оптимистом-бодрячком в общении с вождями. Но сейчас наступил особый час. Все прежние маски не годились, их надо было отбросить. И он нашел единственно верный тон: приниженный, извиняющийся, даже какой-то блеклый по форме и несгибаемо жесткий, нетерпимый по содержанию. Он понимал всю сложность тягостной этой минуты, а понимая, находил единственно верные слова.

Выступая первый раз перед Сталиным в 1935 году, он упивался своими достижениями. В этом же письме он, напротив, силился представить себя в виде несчастного ягненка, на которого точат клыки реакционные волки-генетики, а с другой стороны, талантливо использовал созданный им самим миф о волках, сваливая на них ответственность за то, что ему трудно было продвигать в практику свои предначертания.

Лысенко не нападает на Ю. Жданова. Немного-словно он сводит критику младшего Жданова к его излишней доверчивости. Дескать, по молодости тот доверился старым волкам, вот они и наговорили. Весь жалостный тон, при минимальном количестве слов, потраченных на главного обидчика, все это самоуничижение были метко рассчитаны на то, чтобы, показав свою покорность и готовность к выполнению беспрекословно любых приказов, получить карт-бланш на расправу с потенциальными и явными врагами, сумевшими даже Юрию Жданову наговорить много неправды.

Показательно, что Лысенко не скрывает своего желания учинить именно расправу, когда жалуется, с одной стороны, на то, что его «неоднократно обвиняли... в административном зажиме другого, противоположного направления», а с другой стороны, на то, что «это, по не зависящим (от него) причинам, к сожалению, далеко не так». Эта мысль выступает в письме на первый план.

С тонким пониманием сталинских устремлений он жалуется на то, что ему предъявляли неправильное (он подчеркивает — «по моему глубокому убеждению») требование: «обеспечить развитие разных направлений», кроме его собственного.

И здесь же он не стесняется намекать на тех, кто, борясь с «мичуринцами», все еще продолжал занимать ведущие позиции в ВАСХНИЛ. Жалуясь на это обстоятельство, упоминая, что его сторонники до сих пор «в явном меньшинстве в Академии», он надеется, что и в этом вопросе ему помогут.

Лысенко не без оснований рассчитывал, что придется Сталину по вкусу и последняя сентенция его письма:

«Я могу способствовать развитию самых разнообразных разделов сельскохозяйственной науки, но лишь мичуринского направления... Я был бы рад, если бы Вы нашли возможным предоставить мне возможность работать только на этом поприще».

Как только, дескать, мне не придется разрываться между необходимостью бороться с научными противниками и мичуринское учение развивать, я на радостях горы сворочу и принесу «пользу нашей советской науке... нашей колхозно-совхозной практике».

Приписка с извинениями за «нескладность письма» и ссылка на любому человеку понятную причину — расстроенные чувства — была, возможно, излишней: письмо он написал блестяще. Вряд ли можно было более ясно изложить приниженными фразами клокошущую страсть и буйное желание остаться среди сталинских любимцев.

К письму он приложил краткую справку о том, как понял выступление Ю. А. Жданова. Это приложение также весьма интересно, поскольку оно позволяет понять основу критики, прозвучавшей в докладе.

**«Приложение к письму академика Т. Д. Лысенко
Часть моих отрывочных записей
из заключительной части доклада
«СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ ДАРВИНИЗМА»**

1. Лысенко ставит препоны для развития науки (отрицание гормонов, витаминов и т.п.).
2. Лысенко отстаивает лишь некоторый круг работ из необходимых, а именно биологический, но он отрицает физику, химию в биологии.
3. Безобразие, когда имеются люди, которые из узких интересов опорочивают работы других. Один из школы Лысенко, Андреев, в журнале «Селекция и семеноводство» говорит против ростовых веществ (зачитывает).
4. Лысенко отрицает существование гормонов.
5. Лысенко задержал на 13 лет внедрение у нас гибридной кукурузы.
6. Нет критического отношения к Лысенко, а ошибки у него есть. Пример — его обещание вывести морозостойкий сорт для Сибири. Из этого ничего не вышло. А в статье, помещенной в «Известиях», он уже сдает свои позиции, но нигде не сказал о том, что ошибся.
7. Лысенко пытается оклеветать, зажать много нового в науке. Это уже чем-то отличается от новатора, которым Лысенко раньше был, и то, что, например, говорил Жданов Андрей Александрович в своем выступлении о лженауках (зачитал цитату), я от себя говорю, что это к Вам относится, Трофим Денисович Лысенко. (Т. Лысенко)».

Хотя выступление Ю. А. Жданова наделало много шума, никаких реальных неприятностей сразу оно Лысенко не принесло. Но и ответа на письмо И. Сталину и А. А. Жданову также быстро не последовало.

Тогда Лысенко решил поторопить события и прибег к другому решительному шагу. С помощью министра сельского хозяйства СССР И. А. Бенедиктова он добыл стенограмму лекции Ю. А. Жданова. Возвращая ее Бенедиктову 11 мая 1948 года, он присовокупил к ней еще одно заявление, теперь уже с решительной просьбой об отставке с поста президента ВАСХНИЛ:

**«МИНИСТРУ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА СОЮЗА ССР
ТОВАРИЩУ БЕНЕДИКТОВУ ИВАНУ АЛЕКСАНДРОВИЧУ**

Возвращаю стенограмму «Спорные вопросы дарвинизма».

Считаю своим долгом заявить, что как в докладе, так и в исправленной стенограмме (где ряд мест немного сглажен против того, что, на слух мне казалось, было в докладе), докладчиком излагаются лично от себя давние наговоры на меня антимичуринцев-морганистов-неодарвинистов.

Такая критика делается в секрете от меня, с тем, чтобы я не смог — ни устно, ни в печати — возразить и опровергнуть.

Для характеристики уровня научной критики моих научных работ прилагаю выписку с 30 стр. стенограммы, где разбирается одно из моих положений. Просьба сравнить данную выписку с тем, что написано в моей статье по этому вопросу. Соответствующая страница моей статьи подклеена к выписке. На таком же научном уровне построена и вся остальная критика.

В исправленной стенограмме не указывается ни названия моих работ, ни страниц, из которых берутся цитаты. Поэтому читатель не имеет возможности сопоставить высказывания докладчика по тому или иному вопросу с моими высказываниями. Я уже неоднократно заявлял, что в тех условиях, в которые я поставлен, мне невозможно работать как президенту Всесоюзной Академии сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина.

Для пользы сельскохозяйственной науки и практики прошу поставить вопрос об освобождении меня от должности президента и дать мне возможность проводить научную работу. Этим самым я смог бы принести значительно больше пользы как нашей сельскохозяйственной практике, так и развитию биологической науки мичуринского направления в различных ее разделах, в том числе и для воспитания научных работников.

Академик Т. Д. Лысенко».

Это письмо было написано уже иным тоном, что позволяет высказать осторожное предположение, что в данный момент Лысенко имел некоторую информацию о реакции Сталина на первое письмо и хотел подстегнуть события. Об этом можно говорить, имея в виду категоричность обвинений Юрия Жданова и в некомпетентности, и даже в нечистоплотности.

А поторапливать события стоило. К этому времени в составе ВАСХНИЛ набралось много вакансий для членов академии. На места, освободившиеся после гибели в тюрьмах и лагерях многих членов ВАСХНИЛ, так же, как и после естественной смерти кое-кого из них, были объявлены выборы новых членов. Это были первые в истории ВАСХНИЛ выборы, и на свободные места было выдвинуто много научных противников Лысенко. Если бы они оказались избранными, Лысенко окончательно потерял бы контроль над ВАСХНИЛ.

«СТАЛИНСКАЯ ВЕТВИСТАЯ»

Наиболее впечатляющими для слушателей лекции Ю. А. Жданова были его слова о провале многих обещаний Лысенко — то вот-вот создать чудо-сорта, то разом поднять урожайность всех культур в стране. Жданов ничего не сказал о новом увлечении Лысенко, увлечении, еще не проверенном, но уже зажегшем надежду у самого Сталина. Вроде бы появилась возможность вывести пшеницу, способную давать в пять — десять раз больше зерна, чем обычные сорта. Ю. А. Жданов знал об этой затее, как и о том, что Сталину обещание Лысенко очень понравилось. Пока еще идея была в стадии разработки, и говорить о ней на публике было преждевременно. Но Ю. А. Жданов уже не раз просил генетиков, и в их числе Жебрака, дать материалы об этой пшенице, естественно, не раскрывая перед ними того, зачем ему понадобились эти данные. Генетики же, в том числе и неторопливый Жебрак, выполнять просьбу не спешили.

Всплеск в СССР внимания к этой пшенице и неожиданный интерес к ней самого Сталина были типичными для того времени. Снова замаячила перспектива решения сложной и очень актуальной проблемы снабжения населения продовольствием самым простым и дешевым способом — внедрением всего-то одного чудо-сорта.

Интерес к ветвистой пшенице разжегся еще перед войной, когда на всю страну разнеслась весть о том, что простая колхозница из Средней Азии Муслима Бегиева получила диковинный урожай, посеяв ветвистую пшеницу. Но после войны у самой Бегиевой дело разладилось, пшеница перестала ветвиться, а зато в Грузии семена ее пшеницы были якобы обновлены и улучшены.

В 1946 году из Кахетии в Москву был отправлен снопок ветвистой, и без всякой проверки в Государственную сортовую книгу была внесена запись о сорте, названном теперь «кахетинская ветвистая». Спешка объяснялась очень просто: снопок показали Сталину — ему, грузину по национальности, было приятно, что сородичи сделали важное дело.

Сталин вызвал к себе Лысенко и передал ему пакетик с 210 граммами «кахетинской ветвистой», высказав пожелание, чтобы чудесная пшеница была проверена и, если чудо подтвердится, была размножена и перенесена на поля как можно быстрее. Лысенко пакет с семенами взял.

Вот именно этот момент исключительно важен для оценки личности Лысенко. Близкие к нему люди неизменно распускали слухи о безграничной честности Лысенко в Одессе, рассказывали даже о некоторой застенчивости молодого агронома.

Но годы меняют человека, жизнь многому учит и от многого отучивает. Не мог не меняться и Трофим Денисович, особенно оказавшись на верхах. Возможно, раньше он бывал настырен по незнанию, ожесточен вовсе не из злобы, а просто потому, что душа горела и искала выхода. Однако теперь настал миг, когда жизнь подкинула ему задачу, решить которую человеку с принципами было бы непросто.

Момент, когда Сталин не погнушался им и вызвал к себе в то время, когда другие люди наверху от него отвернулись, был не просто многозначительным. Это был с учетом всех обстоятельств решающий момент жизни.

В просьбе Сталина ничего зазорного не было. Даже наоборот, интерес к ветвистой говорил о нем как о рачительном хозяине.

И столь же естественным было на первый взгляд поведение Трофима Денисовича. Вождь приказывает — как не выполнить. Но естественным это было только на первый взгляд, да и то на взгляд человека несведущего. Лысенко же про ветвистую все знал. И наверняка сам к ней не раз примеривался, да понял: овчинка выделки не стоит. Пустяковое это, зряшное дело.

Могли про это знать и генетики, особенно те, кто занимался пшеницами, так как даже в русской литературе о ней писали на протяжении более ста лет, и надо было засесть в библиотеке на месяц, покопаться и дать толковую справку об этой красавице — красавице только по виду, а в массе — неурожайной пшенице. Ведь еще в 1828 году Н. Щеглов, в 1837 году М. В. Спафарьев, а в 50-е годы прошлого века еще более двадцати русских ученых описывали неудачи с этой пшеницей, а такой авторитетный знаток пшениц, как профессор А. М. Бажанов, в книге «О возделывании пшеницы с описанием пород, разводимых в России» (издание Московского Императорского университета, 1856) писал:

«...многоколосная пшеница, как изнеженное чадо, требует, кроме тучной земли, редкого сева, она не переносит даже легкого морозу и терпит более других простых пород от голови и ржавчины. Хотя каждый отдельный ее колос приносит более зерен, нежели колосья простых пород, но при соображении общего умола всех колосьев с известной меры земли всегда открывается, что многоколосная пшеница не прибыльнее простых».

Значит, надежды Сталина были безосновательны, и специалист по пшеницам должен был честно и толково это Сталину объяснить.

Могли генетики найти аргумент совсем уж убойный. Конечно, трудно их за это сегодня корить, но если бы они знали своих научных противников получше, если бы они следили за их саморекламой, то могли бы припомнить одну старенькую фотографию отца Трофима Денисовича, сделанную во второй половине 30-х годов. Был изображен Денис Никанорович вместе с другим колхозником... и держал в руках колосья этой самой ветвистой пшеницы. Значит, прицеливались лысенковцы к ней еще до Муслимы Бегиевой, хорошо ее изучили, и уж если можно было бы за нее ухватиться — с радостью бы это сделали. Фотография эта хранилась не в домашнем альбоме Лысенко, а была опубликована в газете «Социалистическое земледелие». Подпись под ней гласила: «Отец академика Лысенко — Денис Никанорович Лысенко, заведующий хатой-лабораторией колхоза «Большевикский путь» (Карловский район Харьковской области), посеял на 60 опытных участках разные сорта зерновых и овощных культур. На снимке: Лысенко (слева) показывает председателю колхоза новый сорт пшеницы. Каждый колос пшеницы имеет более 100 зерен. Фото Я. Сапожникова (Союзфото)».

Дай генетик в руки Юрию Жданову эту фотографию — что могло бы быть лучше для последующей судьбы генетики в СССР!

Было и второе свидетельство лысенковских познаний о ветвистой. Еще в 1940 году в редактируемом им самим журнале «Яровизация» Ф. Куперман опубликовала статью «О ветвистых формах озимых пшениц, ржи и ячменя», в которой описала условия

появления этих форм. Если бы даже он ничего другого не читал, то уж журнал, где он был главным редактором, наверняка просматривал. И вообще вопрос о ветвистых пшеницах так часто рассматривался в научной литературе, разбирался и учениками Н. И. Вавилова, и другими учеными, что Лысенко, даже не следя специально за научными публикациями, но занимаясь собственноручно селекцией пшениц в 30-е годы, не мог не знать или хотя бы не слышать об этом. Поэтому, будь он на самом деле кристально честным или просто честным, как большинство людей, он от выполнения такого поручения сразу бы отказался. Ему было заведомо ясно, что, беря из рук Сталина пакет с семенами, он идет на обман.

Доводить ветвистую до кондиций Лысенко поручил своим самым исполнительным сотрудникам — А. А. Авакяну, Д. А. Долгушину и И. Д. Колеснику. От них требовалось быстро ее размножить, изучить, улучшить и вывести на бескрайние массивы колхозных полей. Работа с ветвистой закипела. Как писал один из трубадуров лысенкоизма, Геннадий Фиш:

«...и только теперь, когда своим гениальным провидением товарищ Сталин разглядел возможности этой пшеницы и предложил академику Лысенко заняться ею... Трофиму Денисовичу удалось во многом разгадать тайны ветвистой пшеницы и вопреки всему, что до сих пор говорилось и о чем писалось в «мировой литературе», вывести ее с грядок, с мелких делянок, из теплиц на поля совхозов. Уже на втором году работы с нею удалось сделать ее самой урожайной из всех знакомых человеку сортов».

Сталин дал Лысенко всего 210 граммов «кахетинской ветвистой». В первый год А. А. Авакян и отец Лысенко — Денис Никанорович посеяли семена, как того и требовали старые рецепты, разреженно. С полученными колосьями И. Д. Колесник поехал на родную Украину — «завлекать колхозы». С весны 1948 года в газетах уже началась шумиха по поводу новой пшеницы. По словам корреспондентов, прекрасные результаты были получены и в колхозе имени Сталина в Ростовской области, и в других местах. В это же время Д. А. Долгушин с помощью «брака по любви» принялся «переделявать» яровую пшеницу в озимую.

Никаких реальных успехов еще не было, а Сталину уже успели доложить, что работа идет полным ходом, что первые результаты просто фантастические и что скоро чудо-сорт выйдет на необозримые просторы социалистических полей. Вокруг еще совершенно не решенного вопроса была начата кампания восхваления. Сам Лысенко высказался следующим образом:

«...ветвистая пшеница даст... по пятьдесят, семьдесят пять, по сто и даже больше центнеров с гектара; урожай сам-сто должен стать в ближайшие годы для нас средним!»

Журналист Е. Мар шел дальше Лысенко и заявлял:

«Стахановцы полей уже получили и 150 и даже 200 центнеров с гектара». А Г. Фиш восклицал, сообщая, что А. А. Авакян в 1948 году будто бы вырстил из стакана семян шесть мешков потрясающего по свойствам зерна: «Как будто я побывал на поле уже при коммунизме».

Достоверно известно, что в тот момент, когда А. А. Жданов критиковал Лысенко при Сталине, последний возразил ему, сославшись на то, что товарищ Лысенко сейчас делает важное для страны дело, и если он даже увлекается, обещая повысить урожайность пшеницы в целом по стране в 5 раз, а добьется увеличения только на 50 процентов, то и этого для страны будет вполне достаточно. Поэтому надо подождать и посмотреть, что из этого получится.

В сталинском окружении так и не нашлось никого, кто развеял бы преувеличенный оптимизм вождя (возможно, Сталин и не захотел бы никого слушать: ведь грандиозные обещания были ответом на задачу, поставленную им самим, да и за работу взялся самый крупный, по его мнению, специалист — академик Лысенко. Кто же лучше его мог знать пшеничное дело!). А младший Жданов, хотя и знал со слов А. Р. Жебрака, что ветвиться некоторые виды пшениц способны только при изреженном посеве, когда «от колоса до колоса не слышно голоса», и никогда не дают урожая больше, чем обычные пшеницы, видимо, не имел достаточно сил, чтобы разоблачить «новатора» в глазах И. В. Сталина. А тем временем начатая шумиха позволила Лысенко не просто выйти сухим из воды, но и утопить всех критиков.

БЕСЕДА СО СТАЛИНЫМ

Как согласно рассказывают близкие к Лысенко люди, в июле 1948 года он был вызван на беседу к Сталину. Во время разговора с ним Лысенко внутренним чутьем уловил, что отношение к нему лично Сталина не такое уж плохое, и решил этим воспользо-

зоваться. Он пообещал в кратчайшие сроки исправить положение в сельском хозяйстве. Но поставил одно условие: чтобы его не травили, не позорили, а хотя бы немного помогали, и чтобы всякие там критиканы, всякие теоретики и умники, не о благе Отечества пекущиеся, а лишь на Запад ежеминутно оглядывающиеся, больше ему не мешали. Лысенко назвал несколько иностранных фамилий, особенно часто упоминаемых этими критиканами, — Вейсмана, Моргана, Менделя — и настойчиво повторил, что если вместо мичуринского учения по-прежнему основывать биологические исследования на той, формальной генетике, то страна потерпит огромный ущерб. А вот если формальную генетику отменить как науку идеалистическую, буржуазную, крайне вредную для дела социализма, то мичуринцы смогут воспрянуть, быстро свое дело развернуть и пойти в бой за повышение урожайности всех культур. Сообщив о прекрасных результатах с переданной ему ветвистой пшеницей, Лысенко заодно попросил разрешения назвать новый сорт «Сталинская ветвистая».

Такой подход показался Сталину правильным. Падение Лысенко было предотвращено, и, напротив, ему было дано право безжалостно расправиться с научными оппонентами. Для этого Сталин отменил выборы, объявленные на свободные места в ВАСХНИЛ, а вместо этого распорядился заполнить вакансии людьми, нужными Лысенко, и приказал провести сессию ВАСХНИЛ, на которой объявить от лица партии запрет на генетические исследования.

28 июля 1948 года в газетах появилось информационное сообщение о включении в состав ВАСХНИЛ тридцати пяти новых членов и о созыве сессии ВАСХНИЛ. В числе назначенных академиков большинство составляли ставленники Лысенко: либо непосредственно работавшие с ним А. А. Авакян, И. С. Варунцян, Д. А. Долгушин, И. Д. Колесник, М. А. Ольшанский, И. И. Презент, либо безграмотно ему преданные, такие, как П. П. Лукьяненко, Н. Г. Беленький и другие, В. П. Бушинский. В числе назначенных был И. Д. Лаптев, выступивший со статьей против А. Р. Жебрака, и кадровый офицер НКВД С. Н. Муромцев, начальник специальной тюрьмы, так называемой «шарашки», лично глумившийся над находившимися в ней в заключении академиками П. Ф. Здродовским и Л. А. Зильбером.

Через два дня после опубликования этого сообщения Лысенко поднялся на трибуну спешно созванной сессии ВАСХНИЛ (ее стали называть августовской) и зачитал доклад, текст которого просмотрел сам Сталин*.

Основу лысенковского доклада составили утверждения о несовместимости выводов генетики и коммунистических доктрин о классовости биологии. Самой характерной чертой изложения была безапелляционность, доказательств не приводились, потому что больше они были не нужны: буржуазная сущность генетики и ее вредность декларировались отныне навсегда. В центральной части доклада, озаглавленной «Два мира — две идеологии в биологии», Лысенко заявлял: «Возникшие на грани веков — прошлого и настоящего — вейсманизм, а вслед за ним менделизм-морганизм своим острием были направлены против материалистических основ теории развития... Ныне, в эпоху борьбы двух миров, особенно резко определились два противоположные, противостоящие друг другу направления, пронизывающие основы почти всех биологических дисциплин... Не будет преувеличением утверждать, что немощная метафизическая моргановская «наука» о природе живых тел ни в какое сравнение не может идти с нашей действенной мичуринской агробиологической наукой».

Заканчивая доклад, Лысенко сказал: «В. И. Ленин и И. В. Сталин открыли И. В. Мичурину и сделали его учение достоянием всего народа. Всем своим большим отеческим вниманием к его работе они спасли для биологии замечательное мичуринское учение».

На следующее утро — это было воскресенье, 1 августа — участников сессии повезли на автобусах

* По словам Глуценко, текст доклада был написан В. Н. Столетовым, И. И. Презентом, А. А. Авакяном, И. С. Варунцян, Н. И. Фейгинсоном и им, Глуценко. Машинописный текст доклада, а затем его фотокопия несколько лет лежали на маленьком столике в кабинете Лысенко на Б. Калужской улице (сейчас Ленинский просп., 33). Краткие замечания Сталина, сделанные красным карандашом на полях (в основном отчеркнутые фразы с восклицательными знаками), приводили в трепет посетителей, допускавшихся на прием к Лысенко, и этот эффект особенно ценился хозяином кабинета. Естественно, что слухи об этих сталинских пометах широко распространились в последующие годы в среде советских биологов. Среди замечаний, о которых говорил мне И. Е. Глуценко, было, например, и такое: «а дважды два четыре — тоже буржуазное измышление? И. Ст.». Но, естественно, ни в момент сбора сессии ВАСХНИЛ, ни в ходе ее никто из лысенковцев даже не заикался о личном вмешательстве Сталина в биологические споры.

в Горки Ленинские, чтобы те воочию увидели могущество лысенкоистов, воплощенное в посевы. Страна так никогда и не увидела плодов этого могущества, но в те дни услужливые борзописцы разливались соловьем, рисуя картину благоденствия, которую якобы могли лицезреть участники исторической августовской сессии. Так, В. Сафонов в книге «Земля в цвету» (через год он получит за нее Сталинскую премию) писал:

«И они увидели стеной стоящую пшеницу, пшеницу, незнакомую земледельцам, с гроздьями ветвистых колосьев на каждом стебле. Пять граммов зерна было в каждом колосе, кулек семян дал урожай шесть мешков: это сто, может быть, даже сто пятьдесят центнеров с гектара,— и рядом текла простая подмосковная речка Пахра, а невдалеке белел дом, где 24 года назад умер Ленин.

Над этой пшеницей, по сталинскому заданию, работает сейчас Лысенко со своими сотрудниками академиками А. А. Авакяном и Д. А. Долгушиным. И когда заколосится она не на опытных, а на колхозных полях, не будет такой области... на широте Москвы, которая не сможет прожить своим хлебом...

Да, всем было видно, с чем пришли мичуринцы на сессию».

На следующий день начались прения по докладу Лысенко. Особенно изощрялись новоиспеченные академики.

И. В. Якушкин — главный лжесвидетель по «Делу Н. И. Вавилова», человек, оклеветавший многих ученых, утверждал на сессии, что гибридная кукуруза в США — это «загадки, курьезы и фокусы, которые применяют американские капиталистические семенные фирмы». (Следует указать, что американцы не делали в те дни секрета из того, что дополнительное зерно, полученное от замены обычных сортов кукурузы гибридными межлинейными семенами, принесло прибыль, превышавшую затраты на «Манхэттенский проект» — американскую программу по созданию атомного оружия.)

Н. Г. Беленький уверял, что «никакого особого вещества наследственности не существует, подобно тому как не существует флогистона — вещества горения — и теплорода — вещества тепла».

Им вторил С. С. Перов, не раз критиковавшийся за ненаучные упражнения, но зато славный другим: в его квартире как-то останавливался В. М. Молотов, помогший позже Перову стать и сотрудником в аппарате ЦК партии, и заведующим белковой лабораторией АН СССР, не взирая на полное отсутствие знаний о белках. Перов с пафосом восклицал: «Додуматься до представления о гене, как органе, железе, с развитой морфологической и очень специфической структурой, может только ученый, решивший покончить с собой научным самоубийством. Представлять, что ген, являясь частью хромосомы, обладает способностью испускать неизвестные и ненайденные вещества — ... значит заниматься метафизической внеопытной спекуляцией, что является смертью для экспериментальной науки».

«Менделизм-морганизм... есть носитель идеалистического агностицизма в биологии (аплодисменты), признающей принципиальную непознаваемость биологических законов», — твердил бывший лысенковский аспирант, а теперь директор Института генетики АН Армянской ССР Г. А. Бабаджанян.

Наряду с этим раздавались и чисто полицейские призывы. Е. И. Ушакова возмущалась тем, что в вузах еще продолжают преподавать законы Менделя, рассказывают о работах Вейсмана, Моргана и других генетиков: «Студенты — наши будущие советские специалисты, идеологически воспитываются в духе, чуждом советскому обществу, нашей науке и практике! Как могли дойти до этого? Не пора ли за это отвечать и отвечать по-серьезному? В наших вузах преподается история партии, курс ленинизма и рядом — моргановская генетика!»

А С. Н. Муромцев без обиняков пугал ученых: «Можно не сомневаться в том, что, если представители менделеевско-моргановской школы не поймут необходимости творческого подхода к разрешению задач, стоящих перед биологической наукой, не осознают своей ответственности перед практикой, они не только останутся за бортом социалистической науки, но и за бортом практики социалистического строительства в нашей стране».

Обстановка на этой сессии качественно отличалась от всех предшествовавших дискуссий. Лысенкоисты и раньше могли себе позволить говорить так, как говорил сейчас Н. В. Турбин, ставший заведующим кафедрой генетики Ленинградского университета: «Надо очистить... институты от засилия фанатических приверженцев морганизма-менделизма, лиц, которые, прикрываясь своими высокими учеными званиями, подчас занимаются, по существу, переливанием из пустого в порожнее». Но раньше эти слова можно было отнести к разряду безответственных выкриков, желания взвинтить обстановку, сейчас же это был ясный призыв к действию. Решающим показателем серьезности отношения властей к биологическим дискуссиям стало то, что ежедневно в газе-

тах отводилось целиком две или даже три страницы для публикации речей, звучавших на сессии. Так что вроде бы уже и никакие доводы против открытой обструкции науки не могли быть произнесены.

И тем не менее смело и принципиально выступили на сессии в защиту науки академики А. Р. Жебрак (которого все время репликами из рядов перебывали, доходя до оскорблений), Б. М. Завадовский, П. М. Жуковский, В. С. Немчинов и доктор биологических наук И. А. Рапопорт. Еще двое — С. И. Алиханян и И. М. Поляков — выступили с критикой отдельных частностей в докладе Лысенко.

Особо следует остановиться на выступлении Иосифа Абрамовича Рапопорта, показавшего, к чести ученых, что не все они поддались поголовному диктату. Ученик Н. К. Кольцова, всю войну проведывавший на фронте, израненный и овеянный славой за свою ставшую легендарной смелостью, Иосиф Абрамович попросил слова сразу же после того, как Лысенко закончил свой доклад, но выступить ему позволили только в середине вечернего заседания 2 августа. По сути дела, Рапопорт первым пошел в бой против лысенкоизма, как шел в бой на фронте. Перед лысенкоистами стоял молодой, сильный духом боец. На его голове белела узкая марлевая повязка, прикрывавшая пустую глазницу (на фронте он получил 18 ранений, но остался в строю), его манера говорить — быстро и страстно — была убедительной и впечатляющей. (Кстати, в опубликованной стенограмме его выступления были опущены наиболее острые места его речи.)

Рапопорт начал с перечисления успехов генетики: познания природы гена, мутаций, выяснения способов повышения темпов мутирования, установления природы вирусов и изучения их свойств, создания гибридной кукурузы и т. п. Он сказал, что стыдно не использовать генетику в интересах практики на благо социалистической Родины, что «нужно осваивать все созданное за границей». «Только на основе правдивости, на основе критики собственных ошибок можно прийти в дальнейшем к большим успехам, к которым призывает нас наша Родина».

В этом месте стенограммы значится «редкие аплодисменты», что свидетельствует о том, насколько мощным оказалось воздействие этого худенького, ничем внешне не выдающегося человека на аудиторию. Его, как свидетельствует стенографический отчет о сессии, ни разу не перебили, ему не устроили обструкцию по окончании выступления, как это случилось со всеми, кто набрался смелости выступить в защиту генетики. Его слушали, затаив дыхание, а в конце речи ему даже аплодировали.

Но уже следующий оратор — директор Института генетики Академии наук Армянской ССР Г. А. Бабаджанян начал кампанию травли Рапопорта. Он отверг всякую пользу изучения хромосом, обругал мутагенез (то есть направление в генетике, которым с блеском занимался Рапопорт), заявил, что все мутации непременно вредны, а «организмы, полученные таким путем, — один лишь брак, уроды!».

«Ведь Рапопорт не мог здесь доказать, что вновь полученные мутанты чем-нибудь принципиально отличаются от бесчисленных мутаций, полученных ими раньше, — утверждал Бабаджанян. — Наоборот, есть все основания думать, что они той же природы. Наконец, допустим, что на самом деле получено небольшое количество не вредных и не летальных... мутаций. Кому они нужны? Кому нужны по своей природе бесполезные дрозофилы?»

Это говорилось в то время, когда в США генетики под руководством Милислава Демереца вели работу по получению мутантов плесневых грибов, которые бы давали в сотни тысяч раз больше антибиотиков; когда на десятках миллионах гектаров кукурузного пояса США высевали гибриды кукурузы, каждая из линий которых была мутантом; когда генетики вместе с вирусологами учились получать на основе мутантов всевозможные вакцины против вирусных болезней, таких, как полиомиелит. Директор армянского Института генетики Бабаджанян делал вид, что ничего этого нет и быть не может, что все эти успехи — фикция, обман со стороны тех, кто вознамерился обвести вокруг пальца все человечество.

Рапопорт стал возражать ему с места. Бабаджанян не нашел ничего лучшего, как перейти к оскорблениям (в частности, он договорился до того, что указал инвалиду войны на отсутствие у него одного глаза, отчего-де он и не видит вредности и гнилой сути формальной генетики). Вот часть этой дискуссии, как она была отражена в стенограмме:

«И. А. Рапопорт. — Но есть полезные мутации, и их много. Почему вы на них закрываете оба глаза?»

Г. А. Бабаджанян. — Во-первых, это — полезные мутации на бесполезном объекте. (Аплодисменты.)

И. А. Рапопорт. — У нас есть средства против туберкулеза и других болезней.

Г. А. Бабаджанян. — Вы только даете обещания.

И. А. Рапопорт. — А вы даете обещания выводить сорта в два года, но не выполняете этих обещаний и своих ошибок не признаете.

Г. А. Бабаджанян. — Мы несем нашу теорию

в практику, говорит Рапопорт. Какую теорию вы несете в практику? Ваша теория по своей внутренней природе направлена против практики. Ваша «теория» относится к практике не только безразлично, не только нейтрально... Менделисты — противники не только установленных, доказанных успехов, но и потенциальные противники всех будущих успехов. (Аплодисменты)».

Другим ученым, продемонстрировавшим пример гражданского мужества и непродажной совести, был директор Тимирязевской сельскохозяйственной академии В. С. Немчинов. Он поднялся на трибуну в последний день прений по докладу Лысенко. Сессия уже фактически закончилась, полная победа лысенкоистов, победа мракобесия над наукой была закреплена. И в эту минуту лысенкоисты услышали нечто такое, чего они никак не ожидали. Немчинов без колебаний сказал, что «хромосомная теория наследственности вошла в золотой фонд науки человечества», что он не согласен с Лысенко в его оценке законов Менделя, которые, конечно же, «не являются какой-то реакционной, какой-то идеалистической теорией», что он поддерживал и поддерживает замечательные работы А. Р. Жебрака. В ответ он услышал:

«Голос с места. — Вам нужно уйти в отставку. В. С. Немчинов. — Возможно, что мне нужно уйти в отставку. Я за свою должность не держусь. (Шум в зале.)

Голос с места. — Это и плохо. В. С. Немчинов. — Но я считаю свою точку зрения правильной, и агрессивный характер выступлений и действий, направленных на запрещение работ А. Р. Жебрака, я считаю неправильным...

Голос с места. — Скажите о ваших отношениях к установкам доклада (Лысенко).

В. С. Немчинов. — Мое отношение к докладу Т. Д. Лысенко таково. Основные его положения и основные идеи, которые заключаются в том, чтобы мобилизовать агробиологическую науку на нужды колхозного производства и методы его работы перенести на все массивы колхозных полей, я считаю правильными.

Голос с места. — Теоретически. В. С. Немчинов. — В теоретической основе я считаю, что в отношении к хромосомной теории наследственности Трофим Денисович не прав».

Услышав такое, лысенкоисты стали перебивать его еще более яростно. Однако, ни на йоту не изменив позиции, Немчинов завершил выступление словами: «Я несу моральную и политическую ответственность за линию Тимирязевской академии. Я морально и политически ответствен за ту линию, которую я провожу, и считаю ее правильной, и буду продолжать проводить. Если эта линия окажется неправильной, то мне подскажут, или выполнят те надежды и чаяния, которые здесь раздаются, чтобы я освободил место. Недопустимо, на мой взгляд, закрыть в Тимирязевской академии работу профессора Жебрака.

И. И. Презент. — Типа Моргана, да? В. С. Немчинов. — Я несу за это моральную и политическую ответственность и буду нести ее, пока она на меня возложена».

Конечно, даже по сегодняшним меркам, поведение В. С. Немчинова было героическим. Ему, крупнейшему администратору и проницательному ученому, несомненно, было ясно, к чему идет сессия и что ему лично грозит. Но честь была для него дороже постов, а ответственность за чистоту своего имени рождала личную отвагу. (Замечу в связи с этим, что такая позиция П. Н. Константинова, Н. К. Кольцова, Д. Н. Прянишникова, В. С. Немчинова порой охраняла жизнь лучше всего и в самые лихие сталинские времена: Немчинов до конца жизни оставался в числе активно работавших ученых, воспитал школу учеников, был окружен до последних дней почтительным вниманием. Сегодня в центре Москвы, на доме № 9 по ул. Горького, где Василий Сергеевич жил с 1950 года до смерти, наступившей в 1964 году, установлена мемориальная доска с барельефом ученого.)

Завершая выступления ораторов на сессии, И. И. Презент, переставший выбирать выражения и буквально глумившийся над оппонентами, заявил, что «вооруженные мичуринским учением, наши советские биологи уже разгромили морганизм». Он утверждал: «Сейчас у нас в стране открытых и откровенных морганистов остается уже немного. Для этого действительно, может быть, надо быть дубинными (аплодисменты)».

Позволил себе Презент высокомерно отозваться и о работах своего давнего противника, академика П. Н. Константинова, сорта которого, не в пример лысенковским, продолжали десятилетиями занимать миллионы гектаров и в буквальном смысле слова кормить народ России. Говоря о том, что такие селекционеры, как Шехурдин и Константинов, использовали основанный на законах генетики метод отбора лучших форм, Презент развязно поучал с трибуны: «Правда, академик Константинов, нынче,

в мичуринские времена, во времена планомерной селекции, включающей воспитание, старый метод отбора уже недостаточен... Морганисты пытаются приобщить достижения работ наших селекционеров, ваши достижения, академик Константинов. Благодаря тому, что вы временно не вооружились ненавистью к такой лженауке, какой является морганизм. Это еще придет к вам, академик Константинов, я верю в вас, вы — настоящий селекционер. (Продолжительные аплодисменты.)

— К сожалению, — продолжал Презент, — тлевающее влияние морганизма проникло и в среду небиологов... если даже академик Немчинов, не генетик, а статистик, если даже он имеет свою точку зрения по вопросам морганизма. (Смех, аплодисменты.)

Немчинов с места возразил: «А почему я не должен ее иметь?», на что услышал от Презента: «Я говорю не в упрек, а в похвалу тому, что вы имеете свою точку зрения, хотя в упрек тому, что вы имеете именно такую точку зрения. (Смех)».

В том же стиле он «проехался» в адрес Б. М. Завадовского, П. М. Жуковского, И. М. Полякова и других. Последнему он адресовал такие слова: «Дарвинизм сейчас не тот, который был во времена Дарвина... но вы, профессор Поляков, его знать обязаны. Ведь вы обязаны быть умнее Дарвина, уже по одному тому, что птичка, сидящая на голове мудреца, видит дальше мудреца. (Смех)».

С явным удовольствием Презент теперь называл генетиков ретроградами и объявлял о наступающей с этого дня расправе: «Мы не будем дискутировать с морганистами (аплодисменты), мы будем продолжать их разоблачать как представителей вредного и идеологически чуждого, привнесенного к нам из чуждого зарубежья лженаучного по своей сущности направления. (Аплодисменты)».

По-видимому, были готовы смириться со своим поражением и кое-кто из тех, кто выступал под знаменами генетики. Скорее всего, этим объясняется желание отмежеваться от «вейсманизма-морганизма», проявленное академиком И. И. Шмальгаузом, смещение И. М. Полякова.

Но все-таки многие генетики, особенно в первые дни работы сессии, не могли понять, что происходит. Ведь совсем недавно лысенкоисты терпели поражение за поражением, совсем недавно Ю. А. Жданов открыто критиковал Лысенко. На следующий день после публикации в прессе информационного сообщения о назначении новых членов академии без выборов и о предстоящей сессии ВАСХНИЛ один из тех, кто передал в ЦК партии материалы об антинаучной деятельности Лысенко и ждал результатов их проверки, В. П. Эфроимсон, позвонил в отдел науки ЦК ВКП(б) и сказал сотруднице отдела В. Васильевой: «Я совершенно не понимаю, что происходит, но имейте в виду, — все, что я написал, святая правда». В ответ он услышал: «Неужели вы думаете, что мы хоть на минуту в этом сомневаемся». Слухи о таком ответе быстро распространились среди генетиков, поддержав уверенность, что правда все-таки восторжествует.

Способствовало такому ожиданию и неясное объяснение Трофимом Денисовичем в его первом докладе того, из каких сфер он получил сейчас поддержку. Факт предварительного ознакомления Сталина с его докладом обнародован не был, а в «Заключительном слове» Лысенко сказал: «Меня в одной из записок спрашивают: каково отношение ЦК партии к моему докладу. Я отвечаю: ЦК партии рассмотрел мой доклад и одобрил его».

После этого в стенограмме значится: «Бурные аплодисменты, переходящие в овацию. Все встают». (В дни, когда Сталина хоронили, в газете появилась короткая заметка Лысенко «Корифей науки», в которой говорилось: «Сталин... непосредственно редактировал проект доклада «О положении в биологической науке», подробно объяснил мне свои исправления, дал указания, как изложить отдельные места доклада. Товарищ Сталин внимательно следил за результатами работы августовской сессии...»)

Но до последнего дня сессии Лысенко и его приближенные об этом помалкивали и даже пытались вызвать генетиков на более откровенные разговоры, даже сетовали, что они неохотно включаются в дискуссию, как это сделал А. А. Авакян. А ведь ссылка на «одобрение ЦК партии» яснее ясного всем бы все объяснила.

И только в последний день работы сессии произошло событие, открывшее глаза генетикам. В то утро в прессе все могли прочитать покаянное письмо Сталину главного критика Лысенко — Ю. А. Жданова, в котором он отказывался от своих взглядов и пытался провести водораздел между личными взглядами химика и философа Юрия Жданова и партийными позициями заведующего Отделом науки ЦК ВКП(б) Юрия Андреевича Жданова. Он начал с того, что признал «ошибочной саму постановку доклада» на семинаре лекторов. Он не отказался от своей негативной оценки деятельности

Лысенко и даже в этом письме дал объяснение ошибкам Трофима Денисовича:

«Я не согласен с некоторыми теоретическими положениями академика Лысенко (отрицание внутривидовой борьбы и взаимопомощи, недооценка внутренней специфики организма), считаю, что он еще слабо пользуется сокровищницей мичуринского учения (именно поэтому Лысенко не вывел сколько-нибудь значительных сортов сельскохозяйственных растений), считаю, что он слабо руководит нашей сельскохозяйственной наукой. Возглавляемая им ВАСХНИЛ работает далеко не на полную мощность».

Но он очень ясно продемонстрировал, что личные взгляды человека, особенно руководителя, должны отбрасываться, когда руководители высочайшего ранга имеют иное мнение. Он отметил, что полученные «формальными генетиками» «новые сорта полезных растений (гречиха, кок-сагыз, герань, конопля, цитрусы), обладающие повышенными качествами, не внедряются в производство и наталкиваются на сопротивление сторонников академика Лысенко». Однако на деле он постарался объяснить, почему эти положительные примеры работы генетиков больше не должны приниматься во внимание:

«Я явно недооценил... свою ответственность, не сообразил, что мое выступление будет расценено как официальная точка зрения ЦК. Здесь сказалась «университетская привычка», когда я в том или ином научном споре, не задумываясь, высказывал свою точку зрения. Поэтому, когда мне предложили сделать доклад на семинаре лекторов, я и тут решил высказать свои соображения... Несомненно, что это «профессорская» в дурном смысле, а не партийная позиция...»

Ленин неоднократно указывал, что признание необходимости того или иного явления таит в себе опасность власти в объективизм. В известной мере этой опасности не избежал и я».

Окончание письма Ю. А. Жданова Сталину звучало следующим образом:

«Ошибки мои проистекают от того, что я недостаточно разобрался в истории вопроса, неправильно построил фронт борьбы за мичуринское учение. Все это из-за неопытности и незрелости. Делом исправлю ошибки. Юрий Жданов».

Публикация такого письма за день до закрытия сессии ВАСХНИЛ значила слишком много. Упоминания Ю. А. Жданова о важных ошибках Лысенко уже не звучали остро. В который раз объективная истина была принесена в жертву политиканству. И если уж каяться заставили Юрия Жданова, то что же было ожидать от людей менее значительных.

О предстоящей публикации письма Жданова Сталину вечером 6 августа узнал кто-то из близких к академику П. М. Жуковскому, те передали сразу роковую весть самому Жуковскому, а от него круги разошлись шире. Поздним вечером двое из тех, кто пусть не очень сильно, не так, как Рапопорт или Немчинов, но все-таки довольно определенно говорили на сессии в защиту генетики, — П. М. Жуковский и С. И. Алиханян, — испугавшись, решили срочно объявить о своем раскаянии.

Это был, пожалуй, один из самых показательных публичных примеров самоунижения человеческих душ под напором диктата!

ТОТАЛЬНЫЙ ЗАПРЕТ ГЕНЕТИКИ

Объявленное Лысенко от имени ЦК партии решение о допустимости отныне только одного направления в биологии развязало руки для расправы со всеми учеными, на всех уровнях. Те, кто раньше был замечен лысенковцами как явные или потенциальные противники, теперь получали кличку вейсманисты-морганисты-менделисты. Наиболее грамотных и творческих специалистов теперь вызывали по всей стране в партийные бюро и комитеты с требованием покаяться в ошибках и отказаться от прежних взглядов. Тех, кто соглашался на эти условия, по одиночке выставляли на прошедших повсюду собраниях на общее обозрение, их называли врагами науки и под улюлюканье лысенковской толпы и примкнувших к ним повсюду самых ничтожных, но и самых горластых «середнячков в науке» заставляли каяться публично и самоубиваться. Тех, кто этого не делал, — гнали из научных учреждений. (Впрочем, самых заметных специалистов часто гнали и после публичной экзекуции; счеты сводили, что называется, по-черному.)

Труднее всего было руководителям: кары следовали по возрастающей, в зависимости от ранга должности. Если простые научные сотрудники с покладистым характером могли отделаться относительно легким испугом, то руководителям выкручивали руки бесцеремонно, не щадили ни больных, ни стариков, ни героев войны.

Масштаб проработок и изощренность моральных пыток были тем сильнее, чем дальше было от центра. Так, в Киеве 30 августа — 2 сентября провели республиканское совещание, на котором заставили

каяться бывшего ученика С. С. Четверикова — С. М. Гершензона. Он, казалось бы, сделал все, что от него требовали (признал вредной свою прежнюю научную деятельность, осудил учителей, заявил о «своем полном отречении от формальной генетики» и о «безраздельном переходе на позиции мичуринской науки»). Но и после такого заявления его принял добывать М. А. Ольшанский, обвинивший Гершензона в том, что он напрасно пытался представить свои работы как мешанину разных взглядов — от мичуринских до морганистских. Вся деятельность Гершензона, заявил Ольшанский, — это «последовательный вейсманизм».

Конечно, очень тяжелым было положение членов партии. От них по партийной линии требовали непрямого покаяния, и подавляющее большинство членов партии пошли по пути вынужденного признания ошибок. Так, в письме, датированном девятым августа и опубликованном в печати, А. Р. Жебрак признал свои прежние взгляды ошибочными. Но вместе с тем он не осуждал людей, не бичевал себя и уж, разумеется, ни на кого свои ошибки не сваливал. Он заявил: «...я, как член партии и ученый из народа, не хочу, чтобы меня считали отщепенцем, не хочу быть в стороне от выполнения благородных задач ученых своей Родины. Я хочу работать в рамках того направления, которое признается передовым в нашей стране, и теми методами, которые предложены Тимирязевым и Мичуриным».

Такое заявление не удовлетворило руководящих теперь товарищей. Под заявлением было напечатано почти такое же по размеру заявление «От редакции», в котором прежде всего было сделано важнейшее уточнение: было сказано, что Жебрак ошибается, когда упоминает о будто бы имевшем место признании партией двух направлений в генетике. Редколлегия газеты объявляла, что партией признается и признавалось только мичуринское учение. Затем было заявлено о пяти «неверных» утверждениях Жебрака, а заканчивался весь этот разнос тем, что редакция приняла заявление Жебрака к сведению, а «последующая работа профессора А. Р. Жебрака покажет, насколько это заявление является искренним». Ждать чего-либо хорошего после такой реакции было нечего.

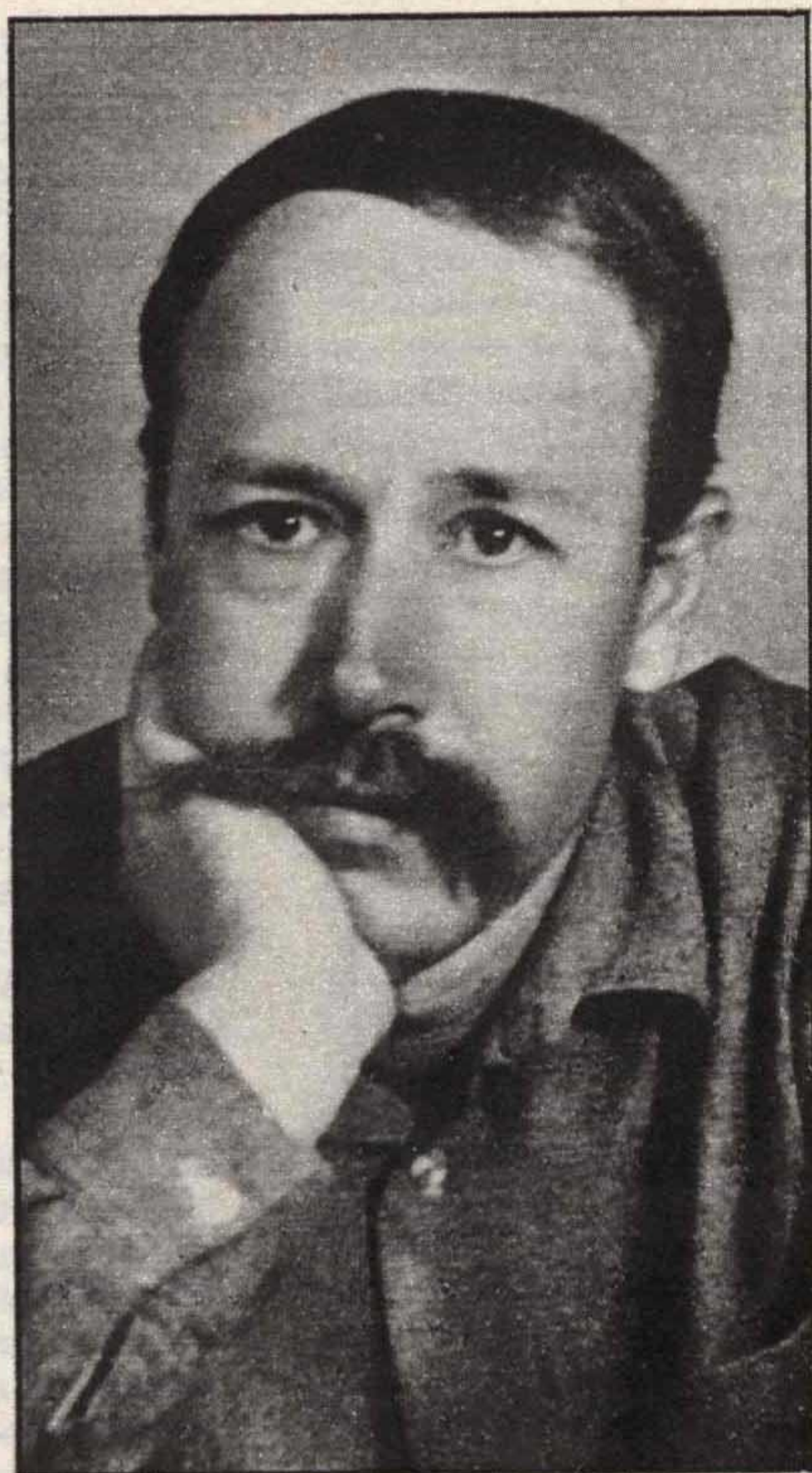
Иосиф Абрамович Рапопорт, тоже член партии, решил поступить не так. Он явился в райком партии, выложил партбилет на стол и объявил, что выходит из партии, так как не может состоять в партии в то время, когда она поддерживает обманщиков и мракобесов. Поступок Рапопорта был, конечно, уникальным.

Подавляющая же часть биологов, не говоря уже о работниках низового звена сельскохозяйственной науки, выступили в роли соглашателей. Одни из них не только не видели, но и видеть не хотели антинаучности лысенковских предложений, его авантюризма. Многие просто не могли разобраться в деталях споров и шли по пути наименьшего сопротивления. Для многих из тех, кто вошел в число научных сотрудников без достаточных знаний, Лысенко был прекрасным защитником от критики настоящими учеными.

Оставались те, кто обладал знаниями, понимал и ситуацию, и корни лысенкоизма, и его тактику, и воплощение тактики в жизнь, но тем не менее решил переметнуться в лагерь победивших. Эти люди, частью из страха, частью из стремления к добыванию средств любыми путями, в том числе и сомнительными, частью из маниакальной тяги к пребыванию на виду при любых обстоятельствах (из тех, кто любит поговорить о том, что «Париж стоит мессы»), шли на любые махинации, сделки с совестью. Они писали восторженные рецензии на эпохальные труды Лысенко и его клевретов, выискивали ошибки у своих же бывших коллег, клеймили тех, чье имя вошло в сокровищницу мировой науки, приписывали классикам русской биологии мысли, в которых те будто бы предвосхищали лысенкоизм и заранее его благословляли, или принимались доказывать, как это было одно время при Сталине, что все достигнутое человеческой мыслью вышло из России, или, наконец, уснащали свои труды ссылками на статьи Лысенко и цитатами из этих статей, полагая, что этим они обезопасят себя от нападков лысенкоистов.

В те годы шел отбор среди деятелей науки, вербали типы отрицательные, а непокорившихся ученых ждала печальная участь — их выгоняли с работы, доводили до инфарктов и самоубийств, как случилось с выдающимся физиологом растений Дмитрием Анатольевичем Сабининым, много лет самоотверженно боровшимся с лысенкоизмом, выгнанным в конце концов из Московского университета, перебранным на работу в Крым, но не выдержавшим травмы и застрелившимся 22 апреля 1951 года.

И если легко понять действия политиканов, официальных философов или второстепенных специалистов, не способных оценить в полном объеме ситуа-

ВОЛЖСКИЙ САМОРОДОК

Анатолий ДОРОШИН

3 сентября 1987 года Константину Алексеевичу Васильеву исполнилось бы 45 лет. Для художника, пожалуй, самый расцвет творческих сил, пора дерзаний и свершений. Но Васильеву не суждено было вступить в эту пору жизни. Прошло уже одиннадцать лет со дня его трагической гибели...

Мальчишкой он был непростым: худенький, среднего роста, голубоглазый, с вьющимися светлыми волосами, он, казалось, всегда был погружен в себя. Очень редко видели его в кругу сверстников. Но никто из ребят волжского поселка Васильево, что под Казанью, не держал на него обиды. Они с уважением признавали, что Котька Васильев — художник: может срисовать из книжки богатыря или танк — не отличишь!..

Заметили это и Клавдия Парменовна с Алексеем Алексеевичем — его родители. А потому, собрав однажды рисунки сына, отправили их в Москву, в художественную школу-интернат при институте имени Сурикова, а вскоре проводили туда и самого Костю.

Оправившись от первых впечатлений, мальчик не потерялся в непривычном для него пространстве. Третьяковка и Пушкинский музей, Большой театр и консерватория — вот ставшие для него главными воротами в мир классического искусства. С недетской серьезностью читает он «Трактат о живописи» Леонардо да Винчи, «Наполеона» Тарле, со всем пылом юной души погружается в музыку Бетховена, Чайковского, Моцарта и Баха...

В своих странствиях по стране Живописи юноша познакомился с искусством импрессионистов и был очарован. Увлечение сопровождалось для него открытиями в музыке, кино, литературе, философии — Стравинский, Прокофьев, Хемингуэй...

Между тем и в школе-интернате Васильев захотел работать в новой, ув-

лекшей его манере импрессионистов. А курс обучения требовал строгого академического стиля. Свойственная Константину еще тогда бескомпромиссность, а еще больше — юношеская запальчивость круто повернули судьбу художника: он оставляет Москву и едет домой.

Поступив сразу же на второй курс Казанского художественного училища, Константин окунулся в мир свободного творчества. Диапазон его увлечений, казалось, не имел границ. Он впитывает все новое в современном искусстве. В основном это, конечно, живопись, но очень интересуют его и музыка, и литература.

Васильев хотел слышать звуки в их чистом, первозданном виде, расчленил на простые составляющие и жонглировал ими, хотя при его исключительной природной музыкальности увлечение конкретной музыкой многим в то время казалось странным. Ведь он настолько тонко воспринимал музыку, что преподаватели Казанской консерватории (а у Кости были друзья в этой среде) не хотели верить, будто у него нет специального образования. Самостоятельно он научился разбираться в нотах, партитурах. По клавирам он запомнил всю оперу и потом мог ее цитировать.

Музыкальные эксперименты находили отражение и в эскизах художника. Это абстракции, где ярчайшая белизна контрастирует с черными пятнами, которые располагаются так, что все поля вокруг кажутся беспредельными, необъятными, подобно световому заоблачному разливу. Но если присмотреться, проступают тона: серый, перламутровый, поражают удивительные сочетания черного с оттенками нежно-серого.

По-видимому, именно тогда уже подошел художник к своей находке — свинцово-серебристому цвету, который неизменно привлекает зрителя.

Окунувшись с присущей ему серьезностью в разработку новых направлений, художник создает целую серию интересных произведений в сюрреалистическом ключе, таких, как «Струна», «Атомный взрыв», «Колизей».

Позже, вспоминая о былых своих поисках, он говорил друзьям: «Я толь-

ко сейчас вижу, что все это было лабораторией для моей работы: абстракционизм — для четкой конструкции и противодействия цвета и линии, сюрреализм — для нахождения цветовой гаммы и световых оттенков». Но жонглирование формами его, все более взрослого, уже не могло удовлетворить, он переживает тяжелый творческий кризис: формальный поиск самовыражения привел его в тупик, выхода из которого он не видел. Осенью 1962 года Константин оставляет живопись.

Возникшая пауза явилась, по сути, продолжением поиска, когда шло глубокое переосмысление установившихся в сознании понятий и критериев, и потому должна была рано или поздно закончиться рождением новых художнических и идейно-нравственных установок. Через год Константин снова взялся за кисть, и в этом трудном, но благотворном для художника процессе духовного созревания сыграла чудесную, поистине животворящую роль окружавшая художника природа...

Решительно отвергнув все направления и ветви авангардизма, Константин возвращается к строгой реалистической манере и работает в ней всю оставшуюся жизнь — до осени 1976 года. Именно в это время была создана подавляющая часть полотен Константина Васильева, сформировался особый «васильевский» стиль — тонкой, поэтической образности.

Строго говоря, свою тему, исподволь прораставшую в душе, Константин нащупывал еще во время учебы в Казанском художественном училище. Его дипломной работой стали эскизы к пьесе Островского «Снегурочка», где художнику удалось мастерски соединить в одно целое сценическую условность с тонкой лирической достоверностью пейзажа, ароматом сказочности.

Художнику непременно хотелось, чтобы лес был живым, ведущим активный разговор с человеком. Пейзажи этого периода редко делаются с натуры; конечно, в них широко используется этюдный материал, но в целом картины выполняются как свободные импровизации на заданную тему.

Огромна роль пейзажа и в его фольклорно-исторических, былинных, ска-

зочных, мифологических картинах. Но Васильев пытается открыть для себя главное — нравственную природу человека. Его влекут яркие исторические образы разных эпох, те проявления величия духа, которые делают человека личностью.

Сюжетно все эти работы связаны с летописными или народными преданиями и легендами, со сказочным или песенным фольклором. В них художник проявляет не только богатство воображения, но и вполне конкретные познания в области истории и археологии. Отображая героев народного эпоса в цикле картин «Русь былинная», Васильев не ограничивается былинными сюжетами, а создает ряд работ, посвященных персонажам языческого славянского пантеона, изображая Перуна, Свентовита, Сварога, и завершает этот грандиозный цикл поразительным и загадочным полотном «Человек с фильмом».

Кроме разработки эпического наследия русской мифологии, Константин Васильев много работал и в области мифологических сюжетов других народов, он разрабатывал пласты скандинавского, немецкого, ирландского эпоса, прекрасно знал мифологию Древней Греции, Рима, библейские сказания, индийскую эпическую поэзию и задумывал большие циклы, но успел создать только значительную серию работ по мотивам древнесеверных сказаний и немецкого эпоса «Песнь о Нибелунгах».

Не обошел художник в своем творчестве и военную тему. В диптихе «Парад 41-го» и «Нашествие» в мощном символическом контексте сталкиваются в исполинской борьбе два извечных противоборствующих начала — Добро и Зло, которые имеют конкретную земную форму: Мы и Они. Борьба показана не только и не столько на земле или в небе, борьба идет в сердцах, в душах.

Разрабатывая военную серию, Константин стремился реализовать свои самые смелые замыслы. Одним из них была идея написать полотна на темы любимых военных маршей, всегда имевших в русской воинской жизни большое значение.

Из-под его кисти выходят работы

«Прощание славянки» и «Тоска по Родине». Писал он их под соответствующее музыкальное сопровождение на больших холстах — до двух метров в длину каждый. Для Константина, всегда крайне ограниченного в средствах, такая непозволительная роскошь была редким исключением. Но, очевидно, творческий замысел потребовал от художника именно такого решения. Чувство гармонии никогда не отказывало ему: зритель невольно воспринимает мощные звуки духовых оркестров, которые словно растекаются по всей площади картин. Кстати, почти все свои полотна Васильев планировал показывать зрителю с соответствующим музыкальным сопровождением.

Художник задумал также создать галерею героев и полководцев Великой Отечественной войны, как бы в продолжение известной галереи героев Отечественной войны 1812 года. Такой большой цикл работ требовалось связать единым художественным решением, и Васильев остановил свой выбор на традиции парадного портрета, столь распространенной в прежние века. Со всем тактом, не злоупотребляя дозволенными художественными средствами этого направления, начал он серию с портрета маршала Жукова. Ранняя смерть не позволила ему завершить тему, и у нас остались только эскизные наброски некоторых из задуманных полотен...

В его комнате вдоль стен сиротливо остались стоять незавершенные работы: «Отечество», портрет сестры Людмилы, детский групповой портрет племянниц. Никогда уже не претворятся в жизнь планы художника: написать грандиозное полотно «Битва», посвященное сражению на Курской дуге, закончить всю военную серию по разработанным эскизам, и в том числе большой портрет маршала К. Рокоссовского...

В октябре 1976 года в Зеленодольске была организована объединенная выставка художников района и города, на которую Константин представил три свои работы: «Нечаянная встреча», «Ожидание» и «Портрет Лены Асеевой». Судя по многочисленным записям в книге отзывов, картины его очень

понравились зрителям. После закрытия выставки, 29 октября, в 18.00 часов решено было устроить обсуждение работ с участием художников.

...Константин в этот вечер, собираясь на встречу, приводил в порядок свой парадный коричневый костюм и напевал в такт военному маршу, гремевшему с пластинки. Когда все было готово и Константин направился к выходу, к нему неожиданно зашел казанский знакомый Аркадий Попов. Узнав, что Васильев едет на выставку, захотел присоединиться к нему.

Уходя, Константин сказал Клавдии Парменовне: «Я долго не задержусь, после обсуждения — сразу домой...»

Только через три дня сообщили матери о его гибели. В тот вечер на железнодорожном переезде обоих друзей сбил проходящий поезд. Смерть эта потрясла многих.

Похоронили Константина в березовой роще, недалеко от Волги, в том самом лесу, где он любил бывать, где в пору прежних увлечений конкретной музыкой находил неожиданные, поражающие его звуки, а возмужав, открывал для себя мир красоты...

Жизненный путь художника измеряется оставленным им творческим наследием. И оно у Васильева внушительно — 400 живописных, графических работ и эскизов! До сих пор, на протяжении почти десяти лет, в Москве и Подмосковье устраивались выставки картин Константина Васильева, которые проводились энтузиастами на общественных началах (в том числе и последние московские выставки). Трудности в организации полнокровной экспозиции его работ с привлечением искусствоведов и других специалистов возникали оттого, что Васильев не был членом Союза художников: он попросту не успел вступить в эту организацию, хотя формально имел для этого все основания. Именно поэтому картинам Васильева закрыт доступ в крупные выставочные залы, и за десять лет ни один искусствовед не высказал о нем своего мнения официально, хотя все эти годы имя Константина Васильева не сходило со страниц центральной прессы, а издательства «Правда» и «Изобразительное искусство»

СЕВЕРНЫЙ ОРЕЛ. 1969.

ЧЕЛОВЕК С ФИЛИНОМ. 1976.

К. А. ВАСИЛЬЕВ.
1942—1976.
ОЖИДАНИЕ.
1976.

ство» выпустили наборы открыток — репродукций его картин.

Да, работы его воспринимаются зрителями далеко не однозначно. Часть людей страстно и безоговорочно принимает его манеру, другая часть столь же однозначно ее отрицает.

«Сколько в картинах Васильева поэзии, любви к природе, изумительной музыкальности, и с каким чудесным живописным мастерством он умел все это выразить! Я совершенно очарован творчеством этого большого истинного художника!» — так написал в книге отзывов известный художник Н. А. Бенуа.

А вот цитата из письма в газету «Советская культура» А. Федорова: «Могу представить себе, что кому-то его картины искренне нравятся. Но ведь если не поддаваться всеобщему гипнозу и трезво оценивать его искусство, оно, на мой взгляд, страдает чрезмерной красотой, в нем очевиден налет салонности, а томные героини и кудрявые герои мало напоминают истинно русские исторические типы». Красивость, а не красота — главный аргумент тех, кто, подобно Федорову, не принимает художника.

Что ж, у каждого человека свое понимание красоты, и критерии эти очень различны. По-видимому, давая оценку художнику, нужно прежде всего понять, какие задачи решал он в своем творчестве и смог ли справиться с ними.

В один из переломных этапов своей биографии К. Васильев говорил друзьям: «Внутреннюю силу всего живого, силу духа — вот что должен выражать художник!» Поставив перед собой именно такую цель и обратившись за фактическим материалом к мифологии, он вынужден был искать и соответствующую этой идее живописную форму. И такую форму Васильев находит. Он устраняется от слепой натуры и смело моделирует человеческие типы. Позволяет, например, в картине «У чужого окна» необычным образом развернуть плечи девушки, сконструировать мощные складки на ее платке, дать непривычный поворот головы. Ни одна живая модель не смогла бы, наверное, повторить подобную конструкцию художника, отвечающую его замыслам. Но ему это требуется, чтобы выразить мысль, наполнить содержанием образ. По сути, он пишет декорационные образы к исторической судьбе своего народа.

И еще одна особенность работ К. Васильева. Его мифологические сюжетные композиции пронизывает разнообразная символика, идущая от сердца, от души человеческой, как сгустки устоявшихся народных понятий. Мифотворчество и символизм органически слились в его художественном методе.

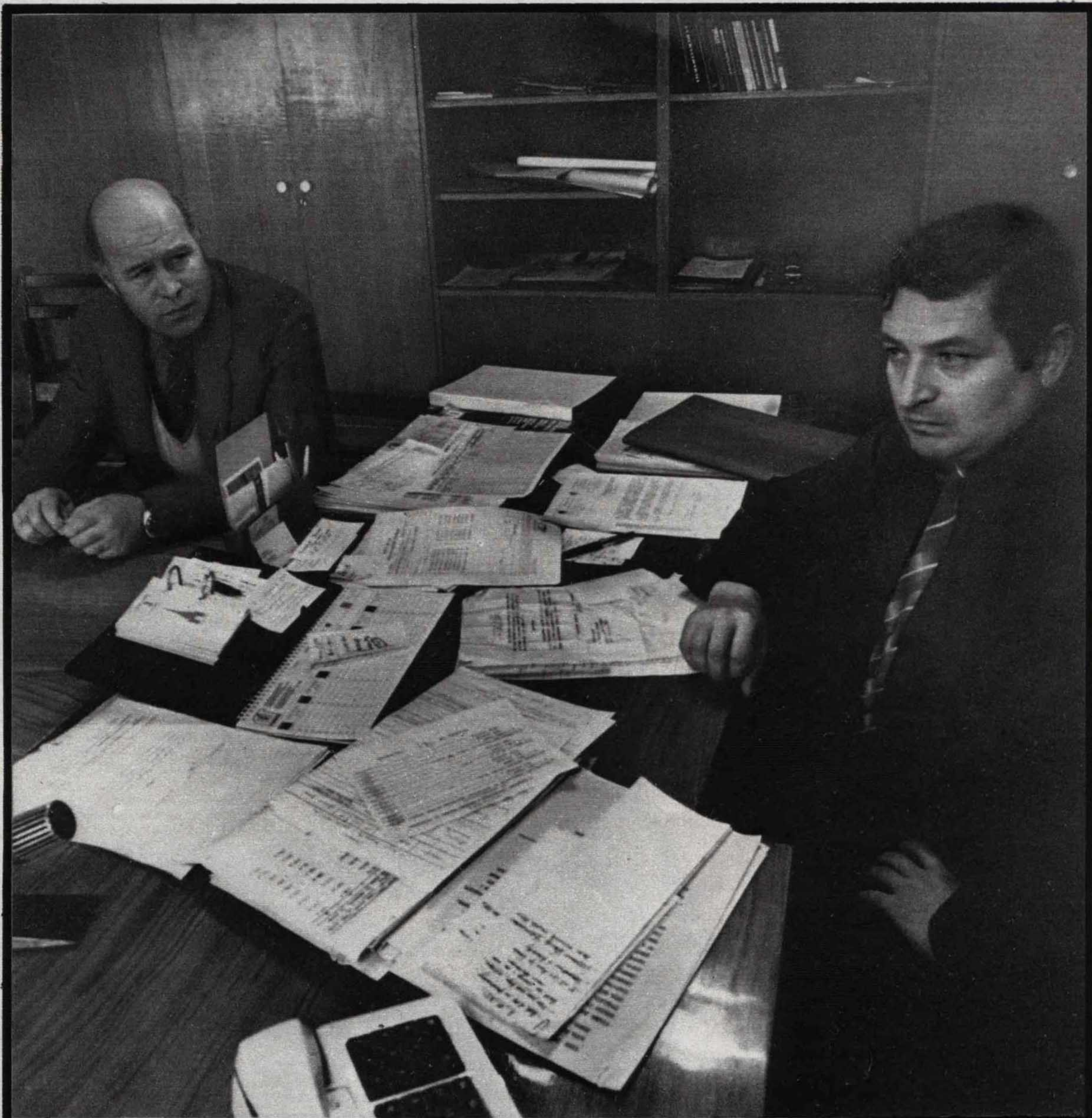
Многие созданные Васильевым образы — это синтез его наблюдений, огромного духовного напряжения и работы мысли. Приходится только удивляться: как мог молодой человек схватить, понять не пережитое им самим состояние духа героев и донести его до зрителя?

Его мифологические картины — как бы самодовлеющие символы, проникающие в душу непосредственно, без логического осмысления. Поверив в реальность образов, зритель искренне радуется общению с ними, наслаждается их сказочной красотой.

Но у многих профессионалов-художников и у тех зрителей, кто привык воспринимать картины через призму устоявшихся живописных канонов, знакомство с полотнами К. Васильева вызывает раздражение: отказ от натуры, повышенное эмоциональное напряжение картин.

Да, идея доминирует на полотнах К. Васильева. Да, он поэтизирует, поднимает над землей своих героев. Плохо это или хорошо — рассудит время.

ХИРУРГОМ СТАЛА ГОСПРИЕМКА

ТЯЖЕЛЫЙ РАЗГОВОР. РУКОВОДИТЕЛЬ ГОСПРИЕМКИ В. Г. ПАЦУКОВ (СЛЕВА), ДИРЕКТОР ЗАВОДА Е. Н. ПАЛЫГА.

ПЕРЕСТРОЙКА: ПРОВЕРКА ДЕЛОМ

Борис ЕРМАКОВ.
Фото
Эдуарда ЭТТИНГЕРА

ал» наматывал брак в такой прогрессии, что заводская территория оказалась им завалена, как говорят, под завязку. А он все вытекал из цехов, возвращался из магазинов. Торговля поставила прочный шлагбаум — товар и дорог не в меру, и скверного качества. Авторитет львовских мопедов и детских велосипедов не то чтобы упал — на нет сошел. Добились рекорда: 50 процентов негодной продукции! Впору было закрывать предприятие. Тем более, что у его кормила

ПРОРАБ СУ-55
БОГДАН САВКА
ПОПРОСИЛ
ЗАПЕЧАТЛЕТЬ
ЕГО НА ФОНЕ
ГОТОВОГО
ЗДАНИЯ,
ХОТЬ
И «ЧУЖОГО».
СОБСТВЕННЫЕ
ЕГО ТРУДЫ
НЕФОТОГЕНИЧНЫ,
ОНИ
ПОД ДЕРЕВОМ,
СПРАВА:
ЭТО
НАЧАТЫЙ
ПОЛТОРА ГОДА
НАЗАД
ФУНДАМЕНТ
ДОМА-ОБЩЕЖИТИЯ.

несла свои плоды. Индикатором стал возросший спрос на «Карпаты» — торговля требует все больше мопедов.

И все же полному выздоровлению завода мешают смежники. И одним из самых неисправимых нарушителей поставок является Харьковский велозавод, который обязан присылать львовянам

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ДИРЕКТОРА ЗАВОДА Ю. С. АБРАМЯН:
«ГОЛОВА КРУГОМ! ПЛАН ПОД УГРОЗОЙ! ИЗ ШЯУЛЯ ОПЯТЬ ПРИШЕЛ БРАК!»

одно время не стало ни директора, ни ведущих специалистов. Спасти Львовский мотозавод могло только чудо. Или срочное хирургическое вмешательство. Ничто менее радикальное, никакие подпорки ему бы не помогли.

Но прежде требовалось установить диагноз «болезни» предприятия, чтобы «лечение» стало наиболее эффективным. Хворь оказалась известной и распространенной — полная атрофия творчества, анемия добросовестного труда. И плюс ко всему — хронические подножки смежников.

Работать плохо — противно природе человеческой. И не вправе даже предполагать, что на заводе

работают сплошь злостные бракоделы. Но ведь не само собой упало качество мопедов, которые попадали в магазины без колес или других узлов и деталей. Как ни парадоксально, виной тому... была известность предприятия — весьма зыбкое основание для чести фирмы, если оно постоянно не подкрепляется.

Избаловала слава львовян. И еще — нетребовательность к собственному труду. Катилось под уклон качество, но «вал» позволял дважды в месяц беззастенчиво подходить к заветному окошку с ведомостью. Словом, срочно требовалась операция.

Хирургом стала госприемка.

Было время — и заводом, по существу, она руководила. И не безуспешно, как теперь выясняется. Тяжкие месяцы пережил завод. Но выздоравливать всегда нелегко. День за днем, однако, самочувствие предприятия улучшалось. И самое важное — менялось сознание людей, которые начали понимать, что плохо работать не только безнравственно, но и невыгодно. Вот и дом, один лишь фундамент которого полтора года не могли заложить, начал строиться. А дом — на те деньги, что всем миром, сообща в цехах заработали!

В последние месяцы подняли планку плана, пошло в гору качество — строгость госприемки при-

втулки. Но не присылает. И за узлами, без которых у мопедов не закрутятся колеса, приходится гонять грузовик. Это обходится в немалую копеечку. А их уже научились считать в цехах. Кстати, по искреннему убеждению нового директора Е. Палыги, будущее завода в том, чтобы каждый работник был сопричастен заводской экономике.

СБОРЩИЦА
ОЛЬГА
ПАРАЩИНЕЦ
НАЧАЛЬНИКУ
ЦЕХА
Д. У. ЛАВРИКУ:
«КАКАЯ ЖЕ
РАДОСТЬ
ОТ РАБОТЫ,
КОГДА
ДЕТАЛЕЙ
НЕТ?»

ЗАМЕСТИТЕЛЬ
ДИРЕКТОРА
ЗАВОДА
П. С. ЗАТУРЖИНСКИЙ:
«КАЖДЫЙ ДЕНЬ —
ПРОВЕРЯЮЩИЕ!
ВОТ,
ЗНАКОМЬТЕСЬ:
ЭКОНОМИСТ
ГОСКОМТРУДА
ИЗ КИЕВА
ЛЮБОВЬ
ИВАНОВНА
ШЕВЧУК».
НО
ЛЮБОВЬ
ИВАНОВНА
ЗНАКОМИТЬСЯ
НЕ ЗАХОТЕЛА:
«ЧТО ЗА
СЪЕМКИ?
УБЕРИТЕ
ФОТОРЕПОРТЕРА!»

ИДЕТ ГОСПРИЕМКА.

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ФАКТОР

Дежурный приглашает Касла, который работает в одном из отделов английской разведки, к генералу Томлинсону. Там его знакомят с полковником Дейнтри, новым шефом, занимающимся вопросами внутренней безопасности. Полковник расспрашивает Касла о сослуживце Дэвисе и о нем самом, интересуется содержимым его портфеля. Возвратившись в отдел, он узнает, что во время проверки у Дэвиса обнаружили в кармане плаща присланное агентом сообщение, которое он собирался перечитать за ленчем. После работы Касл отправляется домой вечерним поездом. Он живет в небольшом городке неподалеку от Лондона в собственном домике с садом. Сара, жена Касла, — африканка. У них есть сынишка Сэм, но окружающие не знают, что он неродной Каслу. Вечером — и это уже не впервые — раздается странный звонок, словно кто-то проверяет, дома ли они.

Глава III

Прекрасная выдалась охота сегодня утром, — несколько наигранно обратился полковник Дейнтри к леди Харгривз, вытирая ноги о коврик перед тем, как войти в дом. — От дичи прямо не было отбоя.

Другие участники охоты подъезжали к дому и выходили из машин. Вместе они напоминали довольных игроков одной футбольной команды, всем своим видом стараясь показать, какое большое удовольствие от охоты они получили, хотя на самом деле все чертовски устали от холода и грязи.

— Напитки ждут вас, — объявила леди Харгривз. — Прошу угощаться. Ленч через десять минут.

По парку в гору двигалась еще одна машина. При виде автомобиля компания разразилась громким хохотом, и кто-то прокричал:

— Ну вот, наконец, и Баффи. Успел, конечно, к самому ленчу.

— И к вашему знаменитому пудингу из мяса и почек, — добавил Дейнтри. — Я так много слышал о нем.

— Вы имеете в виду, наверно, мой пирог. Полковник, вы в самом деле хорошо поохотились сегодня?

Леди Харгривз говорила с легким американским акцентом. Особая прелесть была в том, что ее акцент, подобно аромату дорогих духов, был едва уловим.

— Не так уж много фазанов удалось подстрелить, — ответил Дейнтри, — но в целом охота прошла просто чудно.

— Харри! — окликнула она кого-то, затем позвала: — Дикки! А где же Додо, он что, потерялся?

Никто не называл Дейнтри по имени просто потому, что никто его здесь не знал так близко. С чувством отреченности он наблюдал за тем, как грациозная и элегантная хозяйка дома спустилась по ступенькам и расцеловала в обе щеки некоего «Харри». Дейнтри в одиночестве прошел в столовую, где на буфете были выставлены напитки.

Несколько полноватый, розовощекий мужчина небольшого роста в твидовом костюме делал себе коктейль с водкой и сухим martini. «Я где-то встречал этого человека», — подумал полковник. Очки незнакомца в тонкой серебряной оправе поблескивали на солнце.

— Пожалуйста, сделайте мне тоже коктейль, — обратился к нему Дейнтри, — при условии, что он получится действительно сухим.

— В пропорции десять к одному, — парировал невысокий мужчина. — Не желаете ли добавить еще что-нибудь для аромата? Я лично всегда экспериментирую. Вы ведь Дейнтри, не так ли? А меня вы забыли. Я Персивейл. Я как-то мерил вам давление.

— Ну, да, конечно, доктор Персивейл. Мы ведь работаем в принципе в одной и той же конторе, верно?

— Именно так. «С» хотел, чтобы мы встретились в спокойной обстановке — здесь, скажем, не надо суетиться с этими дурацкими аппаратами экранирования. Я, например, никак не могу со своим сладить. А у вас получается? Хотя проблема тут в другом, понимаете, я не охотник. Рыбалка — совсем другое дело. Вы здесь впервые?

— Да, впервые. А вы сюда когда приехали?

— Чуть раньше, чем полагалось. Где-то днем. Я ведь под стать своему «ягуару». Не могу двигаться медленнее, чем со скоростью сто миль в час.

Дейнтри оглядел стол. Рядом с каждым прибором стояла бутылочка пива. Пиво он не любил, однако по традиции пиво считалось тем напитком, который лучше всего подходит к пиршеству на охоте. Очевидно, эта традиция родилась так же легкомысленно, как и правило подавать игристое пиво во время игры в крикет. Дейнтри не был человеком легкомысленным. Он серьезно относился к охоте как состязанию по четко установленным правилам, а в прошлом даже участвовал в настоящих соревнованиях на Королевский кубок.

Посреди стола он заметил небольшие серебряные вазы, наполненные его шоколадными «молтизерзми». Накануне вечером он смутился, когда преподнес леди Харгривз огромный сверток с этими сладостями. Она, несомненно, плохо себе представляла, как с этим подношением поступить. Полковник подумал тогда, что противный Касл умышленно подшутил над ним. Сейчас же он с удовлетворением отметил, что его подарок гораздо элегантнее смотрелся в серебряных вазах, нежели в пластиковой упаковке.

— Вам нравится пиво? — спросил он Персивейла.

— Я вообще неплохо отношусь к спиртному, — заметил Персивейл, — правда, за исключением горьких ликеров.

В этот момент комната наполнилась веселым го-

моном. Молодые люди — Баффи, Додо, Харри, Дикки и другие подошли к столу. Послышался легкий перезвон серебра и бокалов. Дейнтри был рад, что среди приглашенных оказался и Персивейл, к которому никто из гостей тоже, вероятно, не обращался по имени.

К разочарованию полковника за столом их не посадили рядом. Персивейл быстро осушил первую бутылочку пива и принялся за вторую. Дейнтри почувствовал, что его предали, так как, судя по всему, Персивейл без особого труда нашел общий язык с соседями по столу, словно они тоже были их сослуживцами. Доктор стал что-то рассказывать Дикки про рыбалку, отчего тот заливался смехом. Сам Дейнтри сидел между гостем по имени Баффи и опрятным пожилым человеком, чем-то напоминавшим судью. Полковник представился, и в ответ услышал знакомую фамилию. Его соседом оказался то ли генеральный прокурор, то ли генеральный стряпчий — Дейнтри точно не мог припомнить, — что несколько затрудняло беседу за столом. Баффи неожиданно воскликнул:

— Боже мой! Клянусь, это «молтизерзы»!

— Вам они нравятся? — поинтересовался Дейнтри.

— Не пробовал их уже целую вечность. Раньше, в детстве, всегда покупал эти сладости в кино. Они прямо тают во рту. Мне, правда, казалось, что здесь поблизости нет кинотеатров?

— В общем-то, я привез их из Лондона.

— А вы ходите в кино? Лично я лет десять как не был. И там по-прежнему продают «молтизерзы»?

— Да их можно купить и в магазине.

— Вот не знал. А в каком магазине, если не секрет?

— В «Эй-би-си».

— «Эй-би-си»?

Дейнтри несколько нерешительно повторил название кондитерской, расшифрованное ранее Каслом «Азрейтед брэд компани», или «воздушные хлебцы».

— Потрясающе! А что такое «воздушные хлебцы»?

— Да я и сам толком не знаю, — ответил Дейнтри.

— Ну и наизобретали! Черт знает что! Я, право, не удивлюсь, что и хлеб там выпекает компьютер. Он наклонился вперед, взял «молтизерз» и поиграл оберткой над ухом, как обычно поступают с сигарами.

Леди Харгривз окликнула его с другого конца стола:

— Баффи! Сладости после мясного пирога.

— Извините, дорогая. Не мог удержаться. Не пробовал эту роскошь с самого детства. — Затем он добавил, обращаясь к Дейнтри: — Поразительная вещь, эти компьютеры. Однажды я даже раскошелся, заплатил им пятерку, чтобы они подыскали мне невесту.

— А вы разве не женаты? — удивился Дейнтри, вопросительно взглянув на обручальное кольцо Баффи.

— Нет. А кольцо ношу всегда, знаете ли, для подстраховки. Конечно, попытка найти себе жену таким образом была шуткой. Но я обожаю разные новшества. Так вот, я заполнил длинную анкету. Все о моем образовании, интересах, профессии, ну, в общем, обо всем на свете. — Баффи взял еще одну конфету. — Обожаю сладкое, — заметил он в свое оправдание. — Всегда был сластеной.

— Так компьютер подыскал вам невесту?

— Да, они нашли мне девушку. Девушку, представьте себе! В возрасте тридцати пяти лет. И я уго-

стил ее чаем. Я и чая-то не пил с тех пор, как умерла мама. Я предложил ей: «Дорогая, вы не против, если мы остановим свой выбор на виски? Я хорошо знаю официанта, и он нам все устроит!» — Так она ответила, что не употребляет. Не употребляет спиртного!

— Так что же, выходит, компьютер ошибся?

— В принципе она была образованна, окончила экономический факультет Лондонского университета. Носила большие очки, не отличалась пышными формами. Еще сказала, что хорошо готовит. На что я ей ответил, что всегда питаюсь в своем клубе «Уайтсе».

— И вы встречались с ней еще?

— Ну что вы! Впрочем, однажды она помахала мне рукой из автобуса в тот момент, когда я как раз выходил из клуба. Это было так некстати, поскольку я был с Дикки. Вот какие вещи могут произойти из-за того, что открыли автобусное движение по Сент-Джеймс-стрит. Никто теперь не застрахован от неожиданностей.

Вслед за мясным пудингом подали сладкий торт и сыры. Сэр Джон Харгривз предложил гостям портвейн. За столом воцарилась какая-то неловкость, которая обычно возникает, когда застолье слишком затягивается. Гости стали поглядывать по сторо-

нам, посматривали в окно на серое небо, скоро должно было уже смеркаться. Охотники спешили допить портвейн, испытывая некое чувство вины — ведь они были приглашены сюда не просто для праздного пиршества. Одного лишь Персивейла будто ничего не касалось. Он продолжал рассказывать очередную рыбацкую байку, четыре пустые бутылочки пива стояли рядом.

Генеральный прокурор — или это все же был генеральный стряпчий? — громко произнес:

— Кажется, нам уже пора. Вот-вот зайдет солнце.

Он, несомненно, прибыл сюда не для развлечения, а с серьезным намерением поохотиться. Дейнтри искренне симпатизировал ему. Настало время принять решение хозяину — сэру Харгривзу. Однако, судя по всему, Харгривз задремал. После длительного периода службы в английских колониях — в свое время он начинал еще молодым комиссаром провинции на тогдашнем Золотом побережье — он приобрел завидную привычку засыпать в самых неуместных для отдыха ситуациях, к примеру, даже в окружении враждующих между собой племенных вождей, шума от которых было гораздо больше, чем от Баффи.

— Джон! — леди Харгривз окликнула мужа с другого конца стола. — Проснись!

Он приоткрыл голубые, спокойные до невозмутимости глаза и произнес:

— Немного вздремнул.

Рассказывали, что, будучи молодым человеком и находясь где-то в Ашанти, он по неосторожности съел человечину, однако, никакого расстройств у него, к счастью, не было. Губернатору же он это происшествие объяснил следующим образом: «Мне вряд ли стоит на них обижаться, сэр. Они ведь удостоили меня большой чести, пригласив разделить с ними трапезу».

— Итак, Дейнтри, — проговорил Харгривз, — полагаю, что и нам пора заняться настоящим делом. — Он осторожно выбрался из-за стола и зевнул. — Твой мясной пирог с почками, дорогая, — просто объедение.

Дейнтри наблюдал за сэром Харгривзом с завистью. Прежде всего он завидовал его положению. Харгривз был одним из немногих лиц, не принадлежавших к секретным службам, кого назначили «С», другими словами, главой разведслужбы. Никто в их фирме толком так и не знал, почему выбор пал именно на Харгривза. На этот счет существовало немало суждений и тайных домыслов, поскольку весь опыт Харгривза в области разведдеятельности ограничивался его работой в Африке во времена

войны. Дейнтри также завидовал его женитьбе. Леди Харгривз была настолько богата, настолько очаровательна... безукоризненная американка. Женитьба на американке, по всей вероятности, не могла рассматриваться как женитьба на иностранке. Существовало правило, согласно которому для того, чтобы жениться на иностранке, сотруднику разведслужбы требовалось специальное разрешение, причем зачастую такое разрешение не выдавалось. Женитьба же на американке была лишь дополнительным подтверждением особых отношений с данной страной. И все же полковник был уверен, что леди Харгривз прошла доскональную проверку в МИ-5, и ФБР ее тоже, видимо, как следует просветило.

— Сегодня вечером, — продолжил Харгривз, — мы потолкуем с вами, Дейнтри, если вы не против. Вы, я и Персивейл. Когда вся толпа разъедется по домам.

Сэр Джон Харгривз, прихрамывая, выполнял роль хозяина: угощал сигарами, наливал виски, поддерживал огонь в камине.

— Я сам не слишком люблю охотиться, — заявил он. — Да и в Африке я не очень любил охоту. Больше предпочитал фотоаппарат. Тем не менее моей жене нравятся старые добрые английские традиции. Если вы владеете землей, значит, вы должны разводить дичь. Боюсь, Дейнтри, что фазанов на охоте было недостаточно.

— Сегодня охота удалась, — ответил полковник, — в общем и целом.

— А вот я бы предпочел, чтобы у вас водилась форель, — заметил доктор Персивейл.

— Ну, как же, ведь рыбалка — ваша страсть, не так ли? Правда, можно сказать, что у нас появилась возможность проявить себя в этой области.

Харгривз кочергой разломил сгоревшее полено.

— Нет, не получилось, — посетовал он, — и все же мне нравится смотреть на искры. По всей вероятности, мы имеем дело с утечкой информации где-то в секторе 6.

— Здесь, в Лондоне, или за границей? — спросил Персивейл.

— Не уверен до конца, однако меня не покидает мерзкое предчувствие, что утечка здесь, у нас. В одном из африканских секторов — секторе 6А.

— Я только что закончил проверку сектора 6, — добавил Дейнтри. — В принципе это была рутинная проверка, чтобы поближе познакомиться с людьми.

— Совершенно верно. Мне об этом сообщили. Поэтому я и попросил вас приехать сюда. Само собой разумеется, мне было приятно, что вы здесь заодно и поохотились. Так вы обратили на что-нибудь внимание во время проверки?

— Вообще с безопасностью дела у нас обстоят не ахти как. Правда, это в равной мере касается и всех других секторов. Я провел, к примеру, простую проверку того, что люди выносят из здания в портфелях, отправляясь на ленч. Ничего серьезного, честно говоря, не обнаружил. Однако был весьма удивлен количеством портфелей, которые выносили из здания... Это должно послужить просто предостережением и ничем другим. Хотя такое предостережение вполне может вывести из себя неуравновешенного человека. Вы понимаете, что мы не можем просить их раздеваться перед нами догола.

— На алмазных копиях так и поступают, но, по правде, я согласен с вами, что подобная процедура в центре Лондона выглядела бы несколько неуместной.

— Но хоть кто-то там все же отличился? — поинтересовался Персивейл.

— В общем-то, ничего серьезного. Дэвис, тот, что из сектора 6А, вынес из кабинета отчет одного агента, сказав, что хотел почитать его за ленчем. Я его, конечно, как полагается, предупредил и распорядился, чтобы он оставил документ у бригадира Томлинсона. Я посмотрел все старые связи сотрудников. После дела Блейка проверки проводились весьма и весьма эффективно, однако в нашей конторе по-прежнему работают несколько человек, которые были с нами в былые и не совсем добрые времена. Некоторые из них застали и Бургесса, и Маклина. Мы могли бы при желании поднять и старые архивы, но вы ведь знаете, как трудно идти по остывшему следу.

— Вполне вероятно, даже вполне возможно, — продолжил «С», — что утечка информации произошла за границей и что данные об этом нам подбросили сюда. Другими словами, нас стремятся сбить с толку, нанести моральный ущерб и посорить с американцами. Сам факт того, что произошла утечка информации, если он станет достоянием гласности, может нанести гораздо больший ущерб, чем сама утечка.

— И я того же мнения, — вставил Персивейл. — Сразу пойдут запросы в парламент. Всплывут старые имена — Вассалл, дело Портленда, Филби. Но в том случае, если они действительно сделали ставку на шумиху в прессе, в наших силах мало что изменить.

— Я даже допускаю, что будет назначена Королевская комиссия, чтобы свести все на нет, — добавил Харгривз. — И все же давайте на время предположим, что добиваются не скандала, а охотятся за информацией. Сектор 6 — вроде бы самое неподходящее для этого занятия место. Ведь никаких ядерных секретов в Африке нет, правда, там есть партизаны, племенные распри, наемники, марионеточные правители, неурожаи, строительные аферы, даже кровати из золота, но особо секретной информации там просто-напросто нет. Вот почему я выдвигаю версию, что главным образом добиваются скандала, чтобы доказать, что они вновь внедрились в британскую секретную службу.

— А насколько серьезна утечка информации, шеф? — поинтересовался Персивейл.

— Утечка, скажем, совсем небольшая, она носит в основном экономический характер. Однако интересно и то, что, помимо экономики, тут затронут Китай. Возможно, русские, ведь они, по существу, новички в африканских проблемах, захотят воспользоваться услугами нашей разведки, чтобы получить информацию о китайцах.

— Не так-то много они от нас и узнают, — заметил Персивейл.

— Но вам хорошо известно, как это бывает в разведцентрах. Никто не может терпеть, когда на карте существует хоть одно белое пятно.

— А не лучше ли тогда просто послать им копии той информации, которую мы направляем американцам, сопроводив их нашими добрыми пожеланиями? Ведь наступили времена разрядки, не так ли? И это всем сэкономит силы.

Персивейл вынул из кармана очечник, достал очки и начал аккуратно протирать их чистым белым платком.

— Наливайте себе виски, — предложил «С». — Мне пошевелиться и то трудно после этой дурацкой охоты. Дейнтри, у вас есть какие-нибудь соображения на сей счет?

— Большая часть сотрудников сектора 6 пришла в организацию после дела Блейка. Если и с ними что-нибудь не в порядке, тогда вообще ни за что нельзя поручиться.

— И тем не менее источник утечки связан с сектором 6, точнее, даже с сектором 6А. Либо здесь, в Англии, либо за границей.

— Сектором 6 руководит Уотсон, он прошел тщательнейшую проверку. Еще там работает Касл — он в фирме уже давно, его вернули из Претории семь лет назад, поскольку полагали, что он нужен именно в секторе 6А, кроме того, были причины и личного характера — проблемы с девушкой, на которой он собирался жениться. Конечно, он поступил к нам на службу, когда сотрудников проверяли не так скрупулезно, как сейчас, тем не менее могу сказать, что он чист. Немного, правда, скучноват, но, безусловно, незаменимый и исполнительный работник. Ведь чаще всего наиболее опасны люди амбициозные, любящие блистать в обществе. Касл — хороший семьянин, женат второй раз, первая жена скончалась. Имеет одного ребенка. Дом в пределах большого Лондона приобретен под закладную. Жизнь застрахована — взносы вносит регулярно. Достаток имеет средний, особо не шикует, нет даже машины. Каждый день с вокзала домой добирается на велосипеде. Окончил Хаус с дипломом третьей степени. Внимательный и осмотрительный. Кузеном ему доводится Роджер Касл из Казначейства.

— И что же, по-вашему, он абсолютно чист?

— Вообще-то Касл не лишен оригинальности, но мне кажется, это не опасно. Например, именно он предложил мне преподнести шоколадные «молтизеры» леди Харгривз.

— «Молтизеры»?

— Да, это слишком длинная история, и к нашему делу отношения не имеет. Итак, в секторе работает еще Дэвис. Сам не знаю почему, но я не в особом восторге от молодого человека, хотя все проверки он прошел удовлетворительно.

— Налейте мне еще виски, Персивейл, будьте так добры. Достаточно, большое спасибо. Каждый год я даю себе обещание, что с охотой будет покончено раз и навсегда.

— Да, но мясные пироги с почками, которые готовит ваша жена, — просто прелесть. Мне так их будет не хватать! — воскликнул Персивейл.

— Не стоит волноваться, можно встречаться и по другому поводу.

— Вы могли бы, например, разводить у себя форель...

Дейнтри снова остро ощутил, что завидует своим собеседникам, поскольку был здесь чужаком. Ведь, помимо служебных обязанностей, связанных с безопасностью, у него с ними ничего общего не было. Даже на охоте он чувствовал себя профессионалом. Говорили, что Персивейл коллекционирует картины, а чем, интересно, увлекался сам «С»? Ведь благодаря богатой жене-американке перед ним в обществе были открыты все двери. Пресловутый мясной пудинг — вот все, до чего был допущен Дейнтри в их компании, причем в первый, но не исключено, что и в последний раз.

— Расскажите мне о Дэвисе поподробнее, — попросил «С».

— Окончил университет в Рединге. Изучал математику и физику. Одно время воинскую службу проходил в Олдермастоне. Никогда не поддерживал, по крайней мере открыто, разных бунтарей. Разумеется, член лейбористской партии.

— Как и сорок пять процентов населения страны, — прокомментировал «С».

— Ну да, конечно. Тем не менее... Дэвис — холостяк, живет один. Транжирит направо и налево. Увлекается дорогими марками портвейна. Играет на тотализаторе. Это, как известно, классический пример, чтобы позволить себе, например...

— И что же он себе позволяет? Помимо портвейна?

— Видите ли, у него шикарный автомобиль «ягуар».

— У меня тоже «ягуар», — возразил Персивейл. — Полагаю, беспредметно интересоваться тем, как обнаруживали утечку информации?

— Напротив, я не стал бы собирать всех здесь, если бы хотел утаить от вас информацию. Уотсон также в курсе, другим сотрудникам сектора 6А ничего об этом не известно. Источник информации несколько необычен: это русский перебежчик, который все еще работает у них.

— И все же не могла ли утечка произойти из сектора 6 где-нибудь за границей? — вновь поинтересовался Дейнтри.

— По идее могла, но сомневаюсь. Хотя до них действительно дошел один доклад, который можно было бы принять за оригинальное сообщение от агента в Лоренсу-Маркише. Доклад слово в слово повторял то, что передал нам агент 69300. Чуть ли не фотокопия подлинника, и можно было бы считать, что утечка идет именно оттуда, если бы не несколько изменений и пропусков в тексте. Неточности в тексте были устранены здесь, в центре, после того, как кто-то сверил данные из доклада со сведениями в досье.

— Может быть, секретарша? — предположил Персивейл.

— Дейнтри начал проверку именно с них, не так ли, полковник? Их просветили даже более тщательно, чем всех остальных. Так что остаются Уотсон, Касл и Дэвис.

— Меня весьма смущает то обстоятельство, — вставил Дейнтри, — что именно Дэвис попался, когда выносил из кабинета отчет. Правда, это был отчет нашего агента из Претории, причем не такой уж важный. Тем не менее там было кое-что, связанное с китайцами. В свое оправдание Дэвис сказал, что хотел еще раз перечитать документ. Они вместе с Каслом должны были обсуждать данный вопрос у Уотсона. Уотсон подтвердил это.

— И как вы в данном случае предлагаете поступить? — задал вопрос «С».

— Мы можем провести самую строжайшую проверку с помощью контрразведки и нашей спецслужбы. Проверку всех, кто связан с сектором 6. Взять под контроль переписку, телефонные разговоры, поставить записывающую аппаратуру на квартирах, установить наружное наблюдение.

— Если бы все было так просто, как вы только что обрисовали, Дейнтри, я не стал бы беспокоить вас и приглашать сюда. Тем более что охота здесь весьма посредственная и вы, наверняка, не в восторге от фазанов.

Харгривз обеими руками приподнял больную ногу и передвинул ее поближе к камину.

— Допустим, мы докажем, что виноват Дэвис, или, скажем, Касл, или Уотсон. Как нам следует поступить?

— Ну, уж тогда, конечно, дело за судом, — ответил Дейнтри.

— Заголовки на первых полосах газет. Еще один судебный процесс за закрытыми дверями. И никто так и не узнает, насколько мизерной и незначительной была утечка информации. Кто бы ни оказался виновным, он не потянет на сорок лет тюрьмы, как

в деле Блейка. Может быть, он и отсидит лет десять в каталажке, если не совершит побега.

— Честно говоря, это уже не наша с вами забота.

— Да, не наша. Однако, Дейнтри, мне очень не нравится возможность огласки... Судебный процесс. О каком таком сотрудничестве с американцами мы можем тогда говорить? Кроме того, не стоит забывать и о нашем агенте. Как я уже сказал, он действующий агент. Естественно, нам бы не хотелось жертвовать им, поскольку он нам еще пригодится.

— Некоторым образом,— предположил Персивейл,— нам даже было бы выгодно закрыть на все глаза, как, скажем, поступает снисходительный супруг. Можно сбавить этого типа в какой-нибудь заштатный отдел. И дело с концом.

— И содействовать преступлению,— возразил Дейнтри.

— О, преступлению! — воскликнул Персивейл и заговорщицки улыбнулся «С». — Мы ведь все так или иначе не безгрешны, не правда ли? Такая уж у нас работа.

— Проблема, с которой мы столкнулись,— продолжил «С»,— действительно несколько напоминает неудачный брак. Брак, в котором любовнику начинает надоедать снисходительный супруг. Тогда он может устроить скандал. Все козыри у него в руках. Он сам может выбрать удобный для него момент. Но дело в том, что я совершенно не хочу скандала.

Дейнтри терпеть не мог прозорливость, поскольку дар предвидения был для него неким секретным кодом, ключа к которому он не знал. Полковник имел доступ к телеграммам и документам с грифом «совершенно секретно», тем не менее комбинации, подборманные этой, казались ему настолько заумными, что он не в силах был их разгадать. Он проговорил:

— Лично я скорее уйду в отставку, чем стану это скрывать.

Дейнтри с силой поставил бокал на столик, так что от него отскочил кусочек хрусталя. Ну, вот опять леди Харгривз. Наверняка именно она настояла на хрустальных бокалах.

— Простите,— пробормотал полковник.

— Конечно, вы правы, Дейнтри,— успокоил его Харгривз. — Не обращайтесь на бокал внимания. И, пожалуйста, не подумайте, что я заставил вас добираться сюда лишь затем, чтобы убедить вас не давать делу ход, если у нас окажется все же достаточный улики... Тем не менее судебный процесс вряд ли будет разумным решением. Русские, например, обычно не доводят дело до суда, попадая в аналогичные ситуации. Суд над Пеньковским оказался для нас очень выгодным, а они, правда, как и ЦРУ, преувеличили его значение. Лично я по-прежнему не понимаю, зачем затеяли этот процесс. Жаль, что я не играю в шахматы. А вы увлекаетесь шахматами, Дейнтри?

— Нет, вот бридж, пожалуйста.

— Ну, а русские, насколько я понимаю, в бридж не играют.

— А это так важно?

— Ведь все мы здесь, Дейнтри, играем в разные игры. И нужно воспринимать игру не слишком серьезно, иначе мы просто можем проиграть. В игре необходима гибкость, но не менее важно, естественно, играть в одну и ту же игру.

— Прошу прощения, сэр,— ответил Дейнтри,— но я не понимаю, о чем вы...

Теперь только полковник осознал, что выпил слишком много, а также то, что «С» и Персивейл сознательно стараются не обмениваться взглядами, чтобы не обидеть его. «Должно быть, у них головы прямо-таки из гранита,— подумал он,— не иначе как».

— Может быть, выпьем еще виски,— предложил «С»,— или хватит? День сегодня выдался дождливый и нудный. Персивейл, вы как?

— Я бы не отказался,— проговорил Дейнтри.

Персивейл обошел их с графином.

Дейнтри продолжил:

— Я не хотел бы выглядеть настырным, но все же хорошо бы как-то в этом разобраться перед тем, как лечь спать. Иначе просто не заснешь.

— Схема довольно проста,— начал «С». — Хотите, начинайте самую строжайшую проверку. И не исключено, что вы отловите птичку без особого труда. Этот человек сам поймет, что происходит, конечно, если он чувствует за собой вину. Можете даже организовать какую-нибудь утечку информации — старая добрая техника редко дает сбой. И когда мы будем располагать неоспоримыми доказательствами вины агента, тогда, мне кажется, нам просто надо будет его убрать. Без суда и следствия, без шума в прессе. Если нам удастся разузнать что-либо о его сообщниках, тем лучше. Однако никоим образом нельзя рисковать и допустить, чтобы он скрылся,

а потом выступил на пресс-конференции в Москве. Арест нас тоже никак не устраивает. Учитывая, что агент работает в секторе 6, он вряд ли сможет передать информацию, которой нанесет нам больший ущерб, чем судебный процесс.

— Убрать? Вы имеете в виду...

— Знаю, что техника устранения — для нас довольно новое дело. Это скорее в духе ЦРУ. Именно поэтому я попросил Персивейла встретиться с вами. Возможно, потребуется помощь наших ученых мужей. В принципе ничего особенного. Обычное медицинское заключение. И никаких расследований в таком случае. Самоубийство, конечно, гораздо более простой способ, но самоубийство всегда предполагает расследование, а это, в свою очередь, приведет к вопросам в парламенте. Всем теперь хорошо известно, что означает «Управление министерства иностранных дел». А не связано ли это дело с вопросами безопасности? — такими вопросами, представьте себе, нас наверняка закидают заднескамеечники. И, конечно, никто теперь не верит уже официальным ответам и версиям. Тем более американцы.

— Да,— проговорил Персивейл,— понимаю. Бедняге надлежит уйти в мир иной спокойно, мирно, без боли. Ведь физические страдания отражаются иногда на лице покойного, надо будет подумать, чтобы родственники ничего не заметили. Смерть должна наступить естественно...

— Дело, разумеется, нелегкое, знаю, а тут еще эти новые антибиотики,— продолжил «С». — Предположим, это Дэвис. Ведь ему лишь немногим больше сорока. Мужчины в расцвете сил.

— Полностью с вами согласен. Можно, конечно, попробовать выдать это за сердечный приступ. Если только... Кто-нибудь в курсе, много ли он пьет?

— Вы упоминали о портвейне, не так ли, Дейнтри?

— Я не считаю, что он виновен,— ответил Дейнтри.

— Никто из нас так не думает,— возразил ему «С». — Мы лишь в качестве примера рассматриваем Дэвиса... Чтобы лучше представлять себе всю картину.

— Наверное, надо изучить его историю болезни,— сказал Персивейл. — И вообще мне стоит с ним каким-то образом познакомиться. В принципе ведь он мой пациент, не так ли? Другими словами...

— Вместе с Дейнтри вы все сможете организовать, не сомневайтесь. Особой спешки тут нет. Главное — быть до конца уверенным, что это именно он. Ну, что же, день был долгим — слишком много зайцев и совсем мало фазанов. Желая вам приятных сновидений. Завтрак вам подадут в постель. Что вы хотите? Яичницу с ветчиной или колбасой? Чай или кофе?

— Столовые приборы, кофе, ветчину, яичницу с колбасой, если можно,— ответил Персивейл.

— В девять утра устроит?

— Да, в девять.

— А вам, Дейнтри?

— Только кофе с жареным хлебом. В восемь часов, если не возражаете. Я встаю рано. К тому же у меня очень много работы.

— Вам следует чаще расслабляться,— посоветовал «С».

Полковник Дейнтри любил быть чисто выбритым. Он брился уже перед ужином, тем не менее решил пройтись по подбородку «ремингтоном» еще раз. Очистив бритву над раковиной, он с удовлетворением провел рукой по гладкой коже. Затем Дейнтри включил электрическую зубную щетку. Из-за приглушенного шума щетки он не услышал стука в дверь, поэтому несколько удивился, увидев в зеркале, как распахнулась дверь и в комнату неуверенно вошел доктор Персивейл.

— Простите, что побеспокоил вас, Дейнтри.

— Проходите, проходите. Забыли что-нибудь взять с собой? Может быть, я могу быть вам чем-то полезен?

— Да нет. Мне хотелось переговорить с вами перед тем, как лечь спать. Забавная у вас штукавина. Вошла в моду. Видимо, действительно лучше, чем обычная зубная щетка?

— Вода хорошо прополаскивает зубы,— объяснил Дейнтри. — Мне посоветовал это мой зубной врач.

— А я всегда ношу с собой зубочистку,— продолжил Персивейл, вынимая из кармана небольшую коробочку фирмы «Картье». — Прелесть, верно? Проба — высшая. Этим пользовался еще мой отец.

— Мой аппарат более гигиеничен,— возразил Дейнтри.

— Не совсем с вами согласен. Мою зубочистку тоже легко сполоснуть. Знаете, до того, как я попал в нашу контору, мне довелось работать главным консультантом на Харли-стрит, так что я немного

в этом разбираюсь. А вообще я и сам не знаю, зачем им понадобился,— может быть, для того, чтобы подписывать свидетельства о смерти.

Персивейл стал прохаживаться по комнате, живо интересуясь всем, что ему попадалось на глаза.

— Надеюсь, вы не поддались на эту шумиху вокруг зубной пасты с фтором?

Он остановился перед фотографией в складном футляре, которая стояла на комод.

— Ваша жена?

— Нет, дочь.

— Прелестная девушка.

— Мы с женой разошлись.

— А я так и не был женат,— заметил Персивейл. — Честно говоря, никогда особенно и не интересовался женщинами. Но поймите меня правильно, мальчиками тоже. Другое дело быстрая река с форелью... Вам доводилось бывать на Обе?

— Нет.

— Небольшая речушка, но рыба там отменная.

— Не могу сказать, что испытываю большое пристрастие к рыбной ловле,— пояснил Дейнтри, промывая электрощетку.

— Вот так всегда я уклоняюсь от темы, верно? — переспросил Персивейл. — Никогда не могу сразу заговорить о деле. Как на рыбалке. Иногда раз сто приходится забрасывать удочку, пока нажива не окажется в нужном месте.

— Но я же вам не рыба,— заметил Дейнтри, — и уже за полночь.

— Дорогой коллега, искренне извиняюсь. Обещаю, что задержу вас не более чем на минуту. Мне просто не хотелось бы, чтобы вы легли спать несколько встревоженным.

— Разве я выгляжу встревоженным?

— Мне показалось, что вы были несколько шокированы подходом «С», я имею в виду его отношении к проблемам в целом.

— Да, видимо, так.

— Собственно говоря, вы ведь не так давно работаете вместе с нами, не правда ли? Иначе бы вы хорошо знали, каково нам всем жить в своих ячеечках. Вы понимаете меня? В индивидуальных ячейках!

— Нет, я по-прежнему вас не понимаю.

— Да, да. Вы ведь уже об этом говорили. А понимать — не самое важное в нашей профессии. Так, оказывается, вас разместили в комнате Бена Николсона.

— Я не...

— А я попал в комнату Миро. Отличные литографии, верно? Кстати, это ведь моя идея. Леди Харгривз хотелось повесить здесь картины на темы охоты, чтобы они лучше смотрелись с фазанами.

— Я совсем не разбираюсь в современной живописи,— ответил Дейнтри.

— Нет, вы только всмотритесь в полотно Николсона! Как прекрасно и точно все выдержано: квадраты различного цвета, но как они гармонируют друг с другом. Одно не противоречит другому. У художника просто изумительное видение. Попробуйте поместить какой-то тон или размер квадрата, и вся гармония картины будет нарушена. — Персивейл показал на желтый квадратик. — Вот ваш сектор 6. С настоящего времени это именно ваш квадрат. Вам нет нужды заботиться о голубом или красном. Ваша задача состоит лишь в том, чтобы найти нужного человека и сказать мне об этом... И вы совершенно не отвечаете за то, что происходит в голубых или красных квадратиках. Да, по существу, и за то, что творится и в желтом квадратике тоже. От вас требуется только докладывать обстановку. И не испытывайте угрызений совести. Или чувства вины.

— Действие, таким образом, не имеет никакого отношения к своим последствиям. Вы именно это хотите мне внушить?

— Решения о последствиях принимаются не нами и не здесь, Дейнтри. И не стоит слишком серьезно относиться к нашему сегодняшнему разговору. «С» обожает жонглировать идеями и наблюдать за эффектом, который они производят. Иногда он любит шокировать людей. Вы ведь слышали эту историю о людоедах. Насколько я знаю, преступник, если мы действительно имеем дело с преступником, будет передан полиции в установленном порядке. Так что можете спать совершенно спокойно. Просто постарайтесь повнимательнее присмотреться к этой картине. Особенно к желтому квадратику. Если вы только сможете взглянуть на все моими глазами, то вы наверняка прекрасно выспитесь сегодня.

Перевела с английского
Мария ОСИНЦЕВА.

Продолжение следует.

...А ПАМЯТНИК НЕ НАДО...

Элем КЛИМОВ о времени, о кино, о себе
в беседе с корреспондентом «Огонька»
Феликсом МЕДВЕДЕВЫМ

Однажды, это было лет семь тому назад, Элем Климов, будучи за рулем, нарушил правила. Сотрудник ГАИ остановил машину, проверил документы, а потом спросил: «Где вы работаете?» «На «Мосфильме», — ответил задержанный. «Кем?» «Режиссером». «Такого режиссера на «Мосфильме» нет». И автоинспектор перечислил фамилии многих известных именитых режиссеров, назвал фильмы, которые были тогда «на кону», то есть оказался настоящим знатоком официально признанного кинематографа. Свою тираду он закончил фразой: «Так что не надо обманывать, товарищ водитель. Нехорошо».

Элем Климов стал широко популярен в последние годы, и не все знают о его нелегкой и необычной творческой биографии. Споткнуться можно уже на имени, редкостном, таинственном и намертво привязанном, как мне, во всяком случае, казалось, к своему времени. Элем — Энгельс, Ленин, Маркс.

— Вы ошибаетесь, — начал свой рассказ Элем Германович, — здесь другая история.

Я родился в 1933 году, когда повсюду звучали новые советские имена Марлен, Стален, Индустрий, Детектор... Однажды, уже будучи режиссером, я получил два письма. Одно от женщины, брат которой Элем, молодой лейтенант, погиб на войне. Она засомневалась: не остался ли он в живых, уж очень редким именем он обладал. А во втором письме мне сообщили, что фашисты под Псковом расстреляли мальчика за то, что его звали Элем. В этих случаях, по-видимому, имена связаны своим происхождением с вашей версией.

Так вот, в ожидании моего появления на свет мама увлеченно читала Джека Лондона. Герой романа «День пламенет» — золотоискатель, человек мужественный и цельный, носил имя Элем Харниш, очевидно, от французской фразы «Эль эм» — «Она любит», а Харниш по-немецки «броня», и им увлекались многие женщины, но он никого к себе не подпускал. Лишь потом полюбил единственной и сильной любовью. Вот и назвала меня мама именем своего любимого героя.

А широко известными стали в последнее время и другие режиссеры: Кира Муратова, Алексей Герман, Александр Сокуров. Скоро на экраны выйдет фильм «Комиссар» Александра Аскольдова. А ведь эти люди жили и работали не на другой планете, а здесь, рядом с нами, в нашей стране.

Да, странные для нашего искусства переживали мы времена. Печатали лагерные повести, антисталинскую «Тишину», а Пастернака исключали из Союза писателей, предлагали покинуть Родину. Показывали «Чистое небо», а рядом истязали «Заставу Ильича», закрывали «Андрея Рублева». А погромы так называемых «абстракционистов»?

— В это же время родились «Современник» и «Таганка», появилась и проявилась целая когорта молодых поэтов, прозаиков, кинематографистов.

— Я как раз принадлежу к довольно малочисленному поколению режиссеров кино, которое заявило о себе тогда, в начале шестидесятых: Тарков-

ский, Шукшин, Шепитко, Иоселиани, братья Шенгелая, Параджанов, Кончаловский, Муратова, то есть те, кто успел сделать свои первые и вторые фильмы, успел, как мы говорим, пролезть в узкую историческую «щель» — во времена такого кратковременного и странно противоречивого нашего «ренессанса».

Одна из моих первых картин называлась «Похождения зубного врача», фильм о судьбе таланта, извечно сложной судьбе. «Разве может быть в нашей стране сложная судьба у талантливого человека?» — заявляли нам. — Это опорочивание, оскорбление нашего общества, нашего строя». Тогда же я познакомился с еще одним выражением — «киноконтра». Так уже окончательно, не успев еще твердо встать на ноги, я попал в «черный список», где пребывал отнюдь не в гордом одиночестве. Моих соседей по этому списку теперь знает весь мир, они — гордость нашего искусства.

В это же время стала заполняться пресловутая «полка», то есть появились запрещенные и полупрещенные фильмы. Одним из них и стал этот фильм о враче, недавно, кстати, показанный по Центральному телевидению. А сколько погибло замыслов! Сколько сценариев не дали снять, сколько судеб искозило и сломалось вовсе! У многих тогда появилось ощущение, что в кинематографе ничего серьезного, проблемного, оригинального сделать уже нельзя. И это было страшно, потому что ты как бы лишался будущего или должен был приспособиться, изменить своим принципам, устремлениям. Некоторые так и поступали, предали себя.

— Я помню, кстати, расхоже-популярное тогда выражение «зарезали картину, ленту обкорнали».

— Да, приказывало «резать», перемонтировать, сокращать, переозвучивать наше начальство, а резали мы, режиссеры. Или не резали, не шли на уступки. С соответствующими, естественно, последствиями. Паузы между фильмами достигали порой пяти-шести лет.

— А у Александра Аскольдова она продолжается уже двадцать лет!

— Были, конечно, и другие кинематографисты, жизнь у них складывалась совсем по-иному, скажем, благополучно, а у некоторых и весьма. Конечно, вопреки всему и фильмы хорошие, честные появлялись, не хочу мазать все одной черной краской. Но кто вернет многим талантливым людям лучшие годы их жизни, проведенные в бессмысленной, отупляющей борьбе? Каким мог бы стать наш кинематограф, все наше общество, не случись этого самого «застоя»? И где теперь ревнители идейных догм, приведшие страну на грань катастрофы? Одни покоятся в самом сердце России, у Кремлевской стены, а города, районы, улицы, парходы продолжают носить их имена, другие доживают свой век в полном и завидном благополучии и с искренним интересом следят за драматическим ходом перестройки. Третьи продолжают трудиться, они рядом с нами, и их немало. Надо, конечно, различать людей, что-то осознавших, переосмысливших, и тех, кто готов выполнить «любое задание любого правительства».

Что нас спасало тогда, что помогало выстоять? Одним словом не ответишь, да и у каждого это было по-своему. Мне повезло, что рядом со мной была Лариса Шепитко, у которой тоже все скла-

дывалось не лучшим образом, далеко не лучшим. Два режиссера в семье, а нам порой почти не на что было жить. Постоянно брали в долг. Под будущие картины что-то совсем не было видно, перестали и в долг давать. Вообще, хочу заметить, обывателям, как правило, кажется, что режиссеры получают бешеные деньги. Это не так. Когда случаются хорошие заработки, то они обычно уходят на отдачу долгов. Пока делаешь следующую картину, накапливаются новые, а между картинами зарплата у нас не идет...

После окончания Московского авиационного института Элем Климов работал в конструкторском бюро у известного создателя отечественных вертолетов М. Л. Миля. Работал недолго, год с небольшим. Но уже в МАИ подумывал он о поступлении во ВГИК, никаких серьезных на то оснований не имея. Ну, занимался самодеятельностью, студенческой сатирой. Поступал к Ромму, но он его не взял.

— Меня предупреждали, — рассказывает Элем Германович, — что Ромм знает наизусть «Войну и мир» Толстого. Я, конечно, наизусть «Войну и мир» не знал. Сами понимаете, как мы в школе классику «проходим». Михаил Ильич задавал вопрос: «Где встречалась Наташа Ростова с раненым Андреем Болконским? Где конкретно, географически?» Вопрос неожиданный, и я точно ответить не сумел, хотя Ромм старался мне всячески помочь: «У вас есть дача? Да вы же мимо, оказывается, ездите». Короче, он понял, что я не знаю. Я психанул (мы часто бываем не правы, а злимся на тех, кто это обнаруживает). Дает мне этюд, режиссерский: «Два часа ночи. Вы идете по Москве. Загляните в окна подвальных этажей и опишите». В то время многие люди жили еще в подвалах, и мне было что рассказать, но, обиженный, я ответил: «В чужие квартиры не заглядываю». «Ну хорошо, — вздохнул Ромм, — а кто из современных писателей вам нравится?» «Никто», — парировал я, хотя, конечно, читал многих.

При всем при этом конфузе Ромм предложил мне поступить в актерскую мастерскую, но я отказался.

ВГИК Э. Климов все-таки окончил в 1964 году, его мастером был Ефим Дзиган, режиссер классического фильма «Мы из Кронштадта», а с Михаилом Ильичом судьба свела его вновь, когда на «Мосфильме» он сделал дипломную картину «Добро пожаловать, или Посторонним вход воспрещен». Ромм посмотрел картину, очень доброжелательно к ней отнесся и пригласил молодого режиссера в свое творческое объединение «Товарищ». С Роммом они подружались, и так вышло, что, когда он умер, Э. Климову пришлось вместе с Марленом Хуциевым участвовать в завершении последней работы Михаила Ильича «И все-таки я верю...»

Во ВГИКе на первом курсе Климову пришлось сняться впервые в жизни в преддипломной работе Алексея Салтыкова «Ребята с нашего двора». На первом же курсе студент испытал себя в качестве режиссера. Вместе с оператором Карменом-младшим, ныне корреспондентом советского телевидения в Будапеште, они сделали одночасовой цветной звуковой фильм «Осторожно, пошлость!...» Про всякие там рыночные поделки: кошки, лебеди, ков-

ры... Фильм показали по телевидению, демонстрировали в прокате.

— Я, естественно, тут же ощутил себя гением, а первокурсники вообще склонны к такому самоощущению, зазнался, распустил перья, но меня, слава богу, быстро вылечили.

— Тем же запретом? Ведь ни ВГИК, ни Госкино не поддерживали вашу новую вместе со сценаристами Лунгиным и Нусиновым работу «Добро пожаловать, или Посторонним вход воспрещен»...

— ...и все время боролись против нее, пытались остановить начатое. Мы спешили, торопились снимать, и фильм сделали очень быстро, на четыре с половиной месяца раньше срока — своего рода производственный рекорд. Но готовую картину закрыли, и она пролежала несколько месяцев, пока ее не посмотрел Хрущев.

— В чем дело, каковы причины столь высокого внимания к той давней работе?

— Дело в том, что кое-кто посчитал фильм антихрущевским, и возникло «мнение». Мнение, как всегда, анонимное. «Где-то», «кто-то», «что-то»... Официально нам, авторам, ничего предъявлено не было. Воцарилось молчание, неизвестность. К защите диплома не допускают...

Потом, много позже, стало кое-что проясняться. В фильме есть эпизод, где мальчику, герою картины, привиделись похороны бабушки. Такие комедийные, пародийные похороны. Несут ее друзья-старички большой фотопортрет. А бабушка полная, лицо круглое, и волосы как-то расплылись, исчезли при большом увеличении. При просмотре кто-то из редакторов воскликнул: «Да они Хрущева хоронят!» Мы, естественно, ничего подобного в виду не имели, это была сатира на обюрочивание детской жизни, на ее занемонклатуривание. Тогда я впервые узнал выражение «антисоветский фильм», ярлык, который впоследствии лепили кинокартинам, чем-то кого-то не устраивавшим. Я уже рассказывал коллегам о фразе, примерно в то же время услышанной мной от одного из редакторов Госкино: «Мы, редакторы, — цепные псы». Я думаю, что коммунизм «цепных псов» не нуждается, иначе это уже не коммунизм, а что-то иное. Но, между прочим, последователи у этого редактора не исчезли, мы и сейчас с ними сталкиваемся. Они бдят и бдеть еще долго намерены, иссушая все живое и неординарное, диктуя нам, во что и как надо верить, по каким законам творить.

— Ну и что Хрущев?

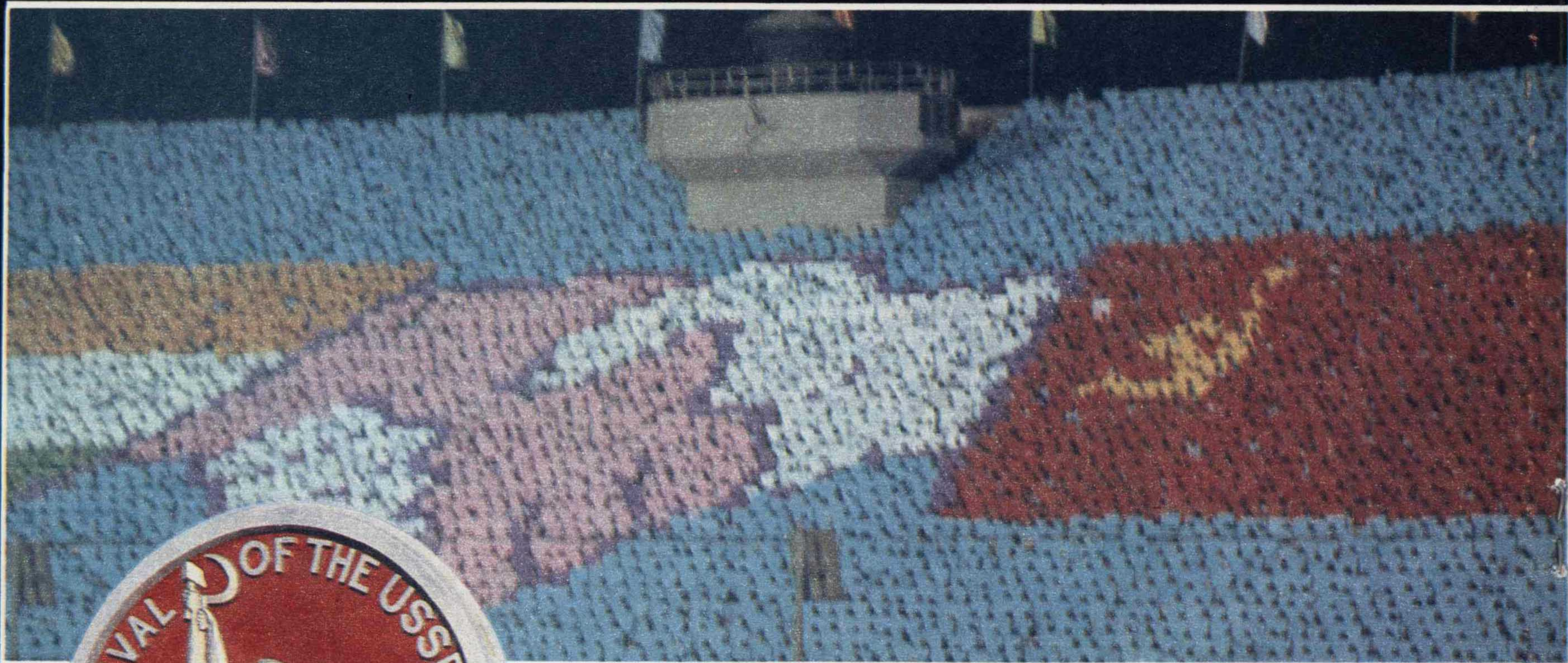
— Он фильм посмотрел, и именно он разрешил пустить его в прокат. Хотя страсти не утихали и после.

В один такой период, когда надежды на получение работы не было, мой брат Герман, к тому времени заканчивавший учебу на Высших сценарных курсах, предложил взяться за тему нейтральную — о спорте. И вместе мы сделали фильм «Спорт, спорт, спорт». В это же время параллельно мы с М. Хуциевым занимались материалом неоконченной картины Ромма. Задача была непростая. Кто может довести картину режиссера, сделавшего «Обыкновенный фашизм»? Кстати говоря, я думаю, что молодые зрители, очевидно, не знают этого прекрасного фильма, а хорошо было бы его повторно показать в прока-

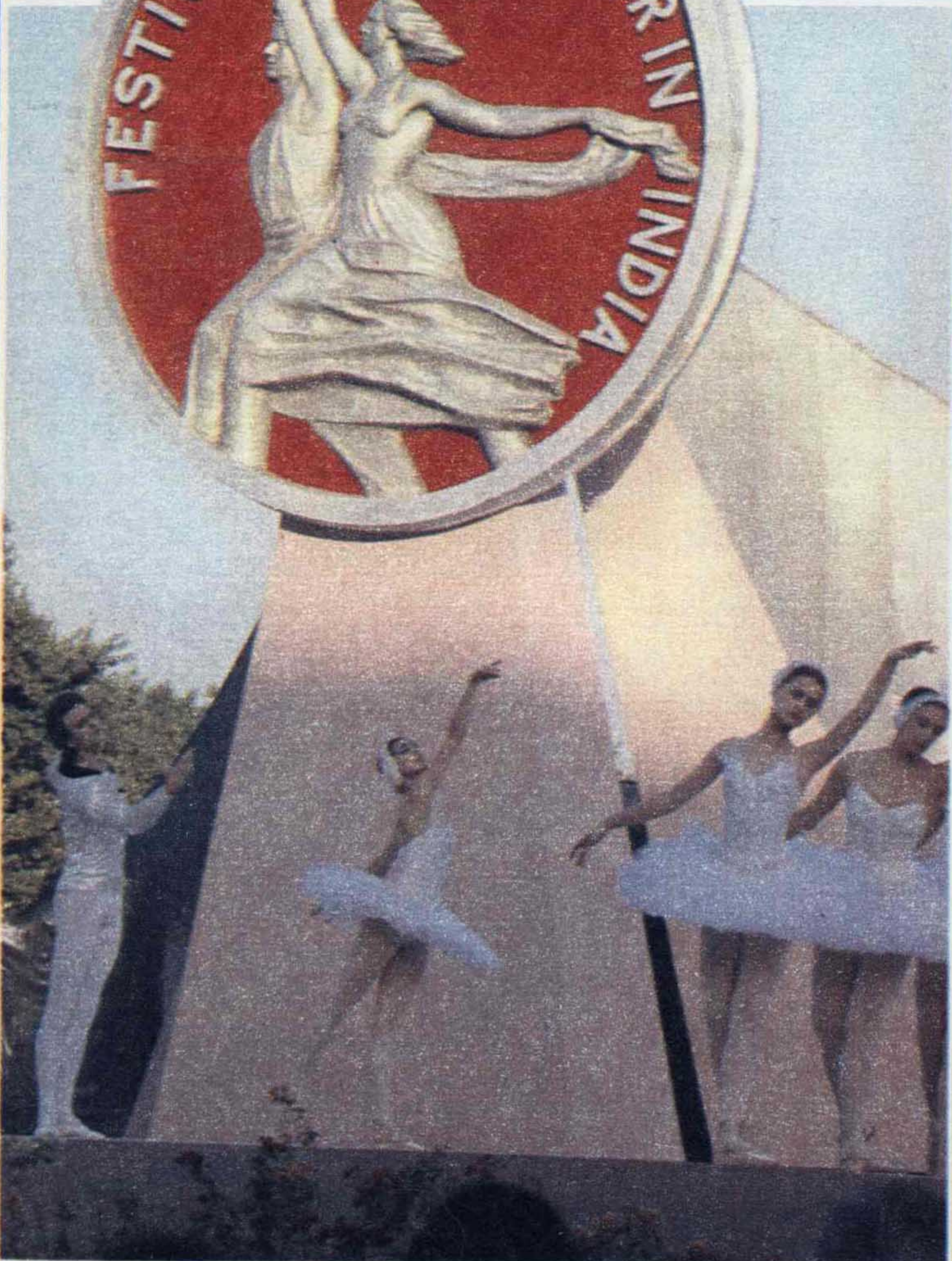
Продолжение на стр. 18.

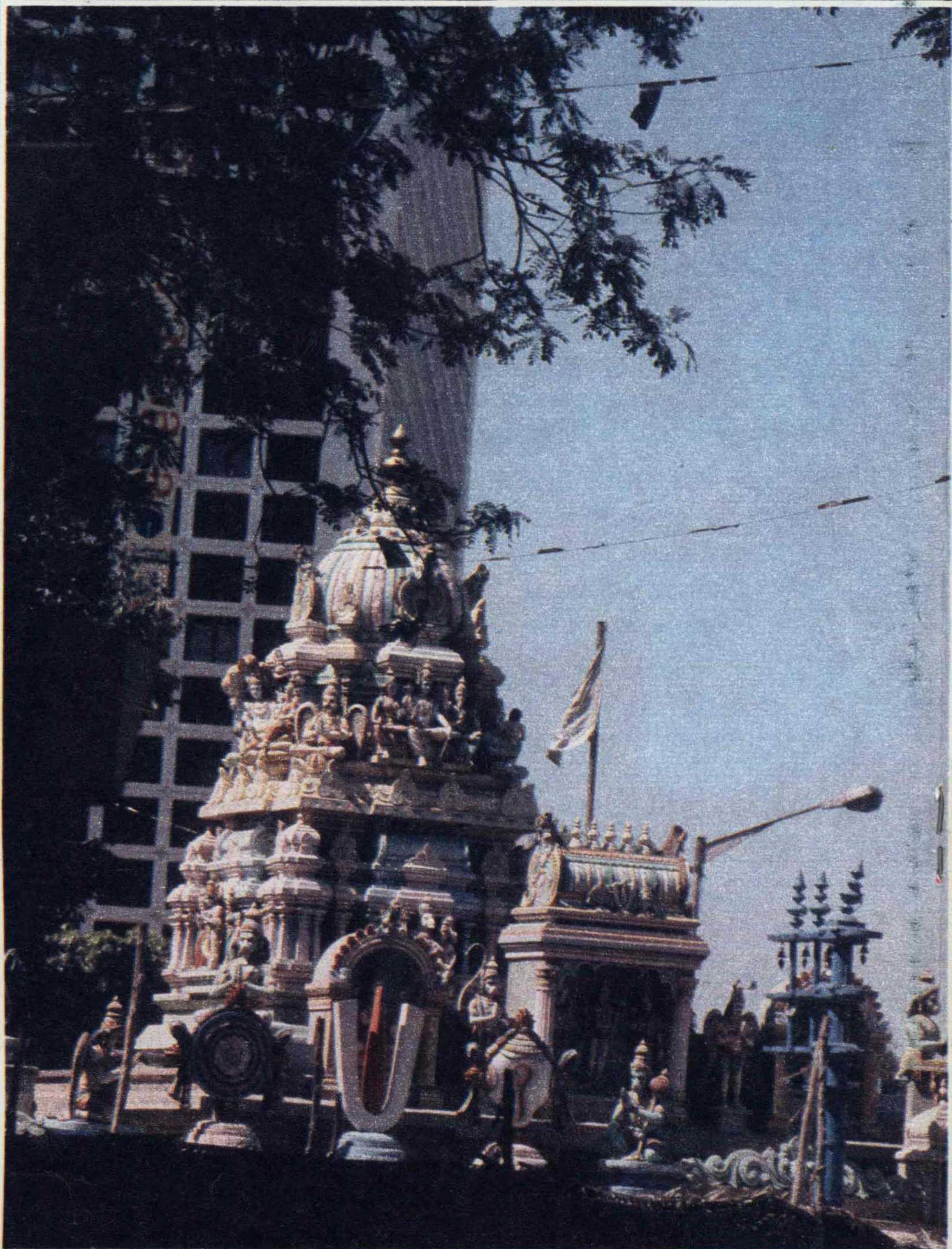
«ОН БЫЛ В ДОРОГОМ СЕРОМ КОСТЮМЕ...
ВЫБРИТ ГЛАДКО...
БРОВИ ЧЕРНЫЕ, НО ОДНА ВЫШЕ ДРУГОЙ...»
МИХ. БУЛГАКОВ «МАСТЕР И МАРГАРИТА», СТР. 6».
ЭТО ШУТОЧНОЕ ОБРАМЛЕНИЕ ВЫПОЛНЕНО
ДРУЗЬЯМИ ЭЛЕМА ГЕРМАНОВИЧА КЛИМОВА
НА ЕГО ФОТОПОРТРЕТЕ РАБОТЫ И. ГНЕВАШЕВА,
НАХОДЯЩЕМСЯ В КАБИНЕТЕ РЕЖИССЕРА.
ЦИТАТА НЕ СЛУЧАЙНА.
ВОТ УЖЕ БОЛЕЕ ДВУХ ДЕСЯТКОВ ЛЕТ
ЭЛЕМ КЛИМОВ МЕЧТАЕТ ЭКРАНИЗИРОВАТЬ
БЕССМЕРТНЫЙ РОМАН МИХАИЛА БУЛГАКОВА
«МАСТЕР И МАРГАРИТА».
МЕЧТАЕТ, ОБДУМЫВАЕТ,
ВЗВЕШИВАЕТ, СРАВНИВАЕТ, ОТКРЫВАЕТ.
РЕШАЕТСЯ И СНОВА ОТСТУПАЕТ.
РОМАН ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ВЕЛИКИЙ.
ЗНАЧИТ, ВЕЛИКИ ДОЛЖНЫ БЫТЬ И ЛЮБЫЕ
ТВОРЧЕСКИЕ ЗАДАЧИ, СВЯЗАННЫЕ
С РАБОТОЙ НАД ТЕКСТОМ ПИСАТЕЛЯ.

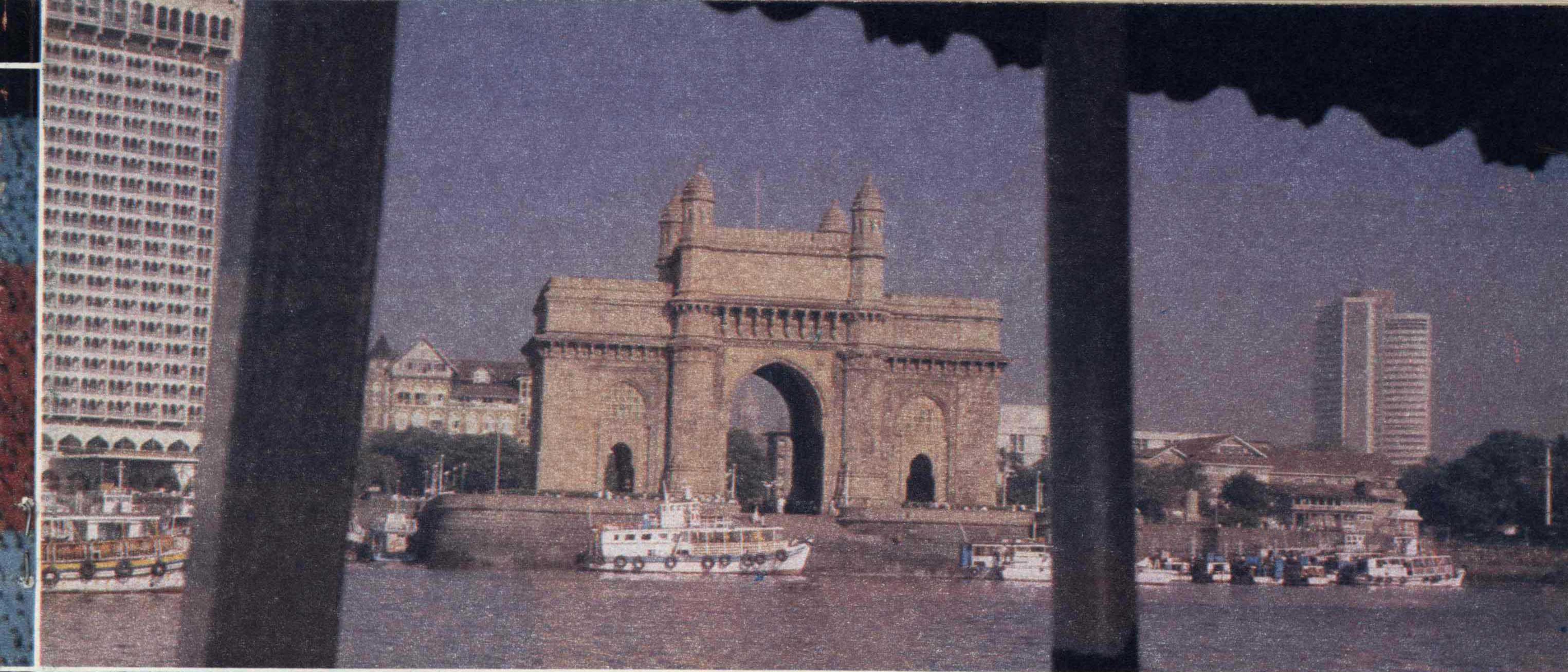

ПРАЗДНИК

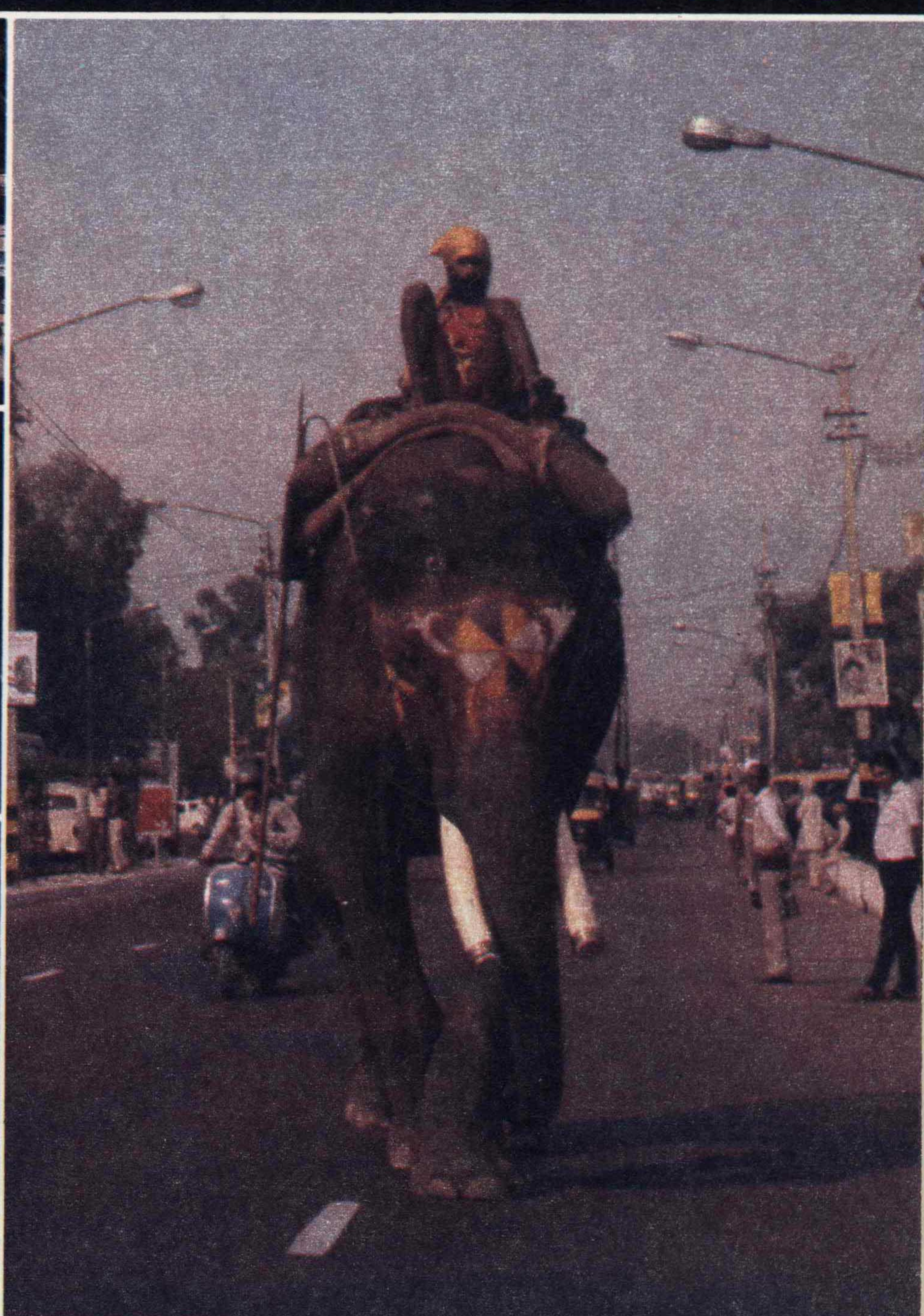
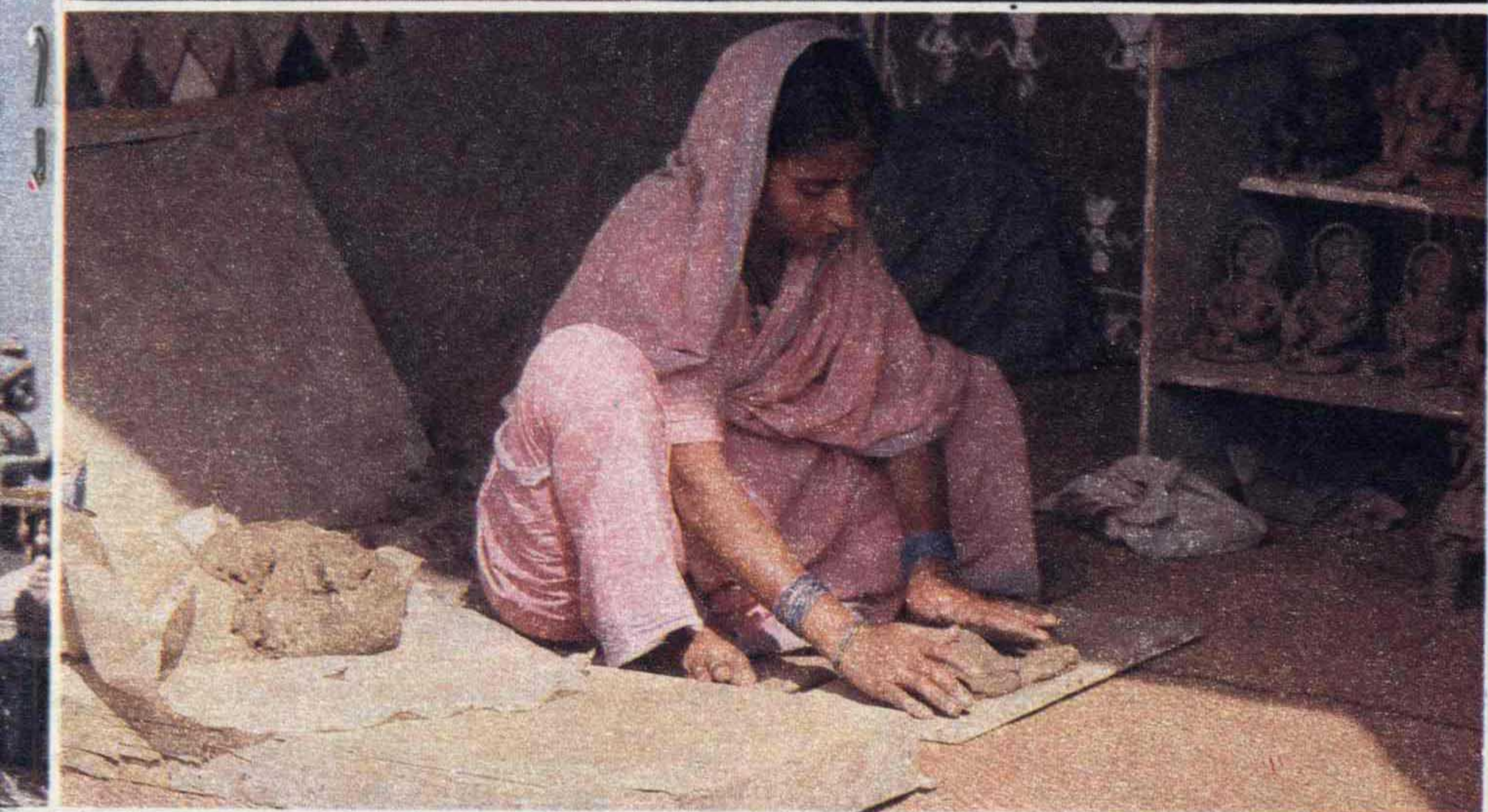

ВОТ УЖЕ НЕСКОЛЬКО МЕСЯЦЕВ В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ ПРОХОДИТ ФЕСТИВАЛЬ ИНДИИ. А В НОЯБРЕ ПРОШЛОГО ГОДА ОТКРЫЛСЯ В ДЕЛИ ФЕСТИВАЛЬ СССР. КАЖДЫЙ ИЗ НИХ ЗАПЛАНИРОВАН НА ГОД. ПРАЗДНИКИ ДРУЖБЫ ПОСВЯЩЕНЫ ВАЖНЕЙШИМ СОБЫТИЯМ В ЖИЗНИ ДВУХ СТРАН — 70-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ И 40-ЛЕТИЮ НЕЗАВИСИМОСТИ ИНДИИ. ЭТИ ФЕСТИВАЛИ УНИКАЛЬНЫ, БЕСПРЕЦЕДЕНТНЫ, НЕ ИМЕЮТ СЕБЕ ПОДОБНЫХ В ИСТОРИИ. НА БЕСКРАЙНИХ ПРОСТОРАХ МИЛЛИОНЫ ЛЮДЕЙ ЗНАКОМЯТСЯ С ЖИЗНЬЮ И КУЛЬТУРОЙ ОБЕИХ СТРАН, УСТАНАВЛИВАЮТ НОВЫЕ ДРУЖЕСКИЕ И ТВОРЧЕСКИЕ СВЯЗИ, ЛУЧШЕ УЗНАЮТ ДРУГ ДРУГА. ЭТО — ВЕЛЕНИЕ НАШЕГО ВРЕМЕНИ. ЭТО ПРИМЕР ПЕРЕСТРОЙКИ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ, ПРИМЕР ПОДЛИННО НАРОДНОЙ ДИПЛОМАТИИ, КОТОРАЯ ПОВСЮДУ НАЧИНАЕТ НАБИРАТЬ СИЛУ.

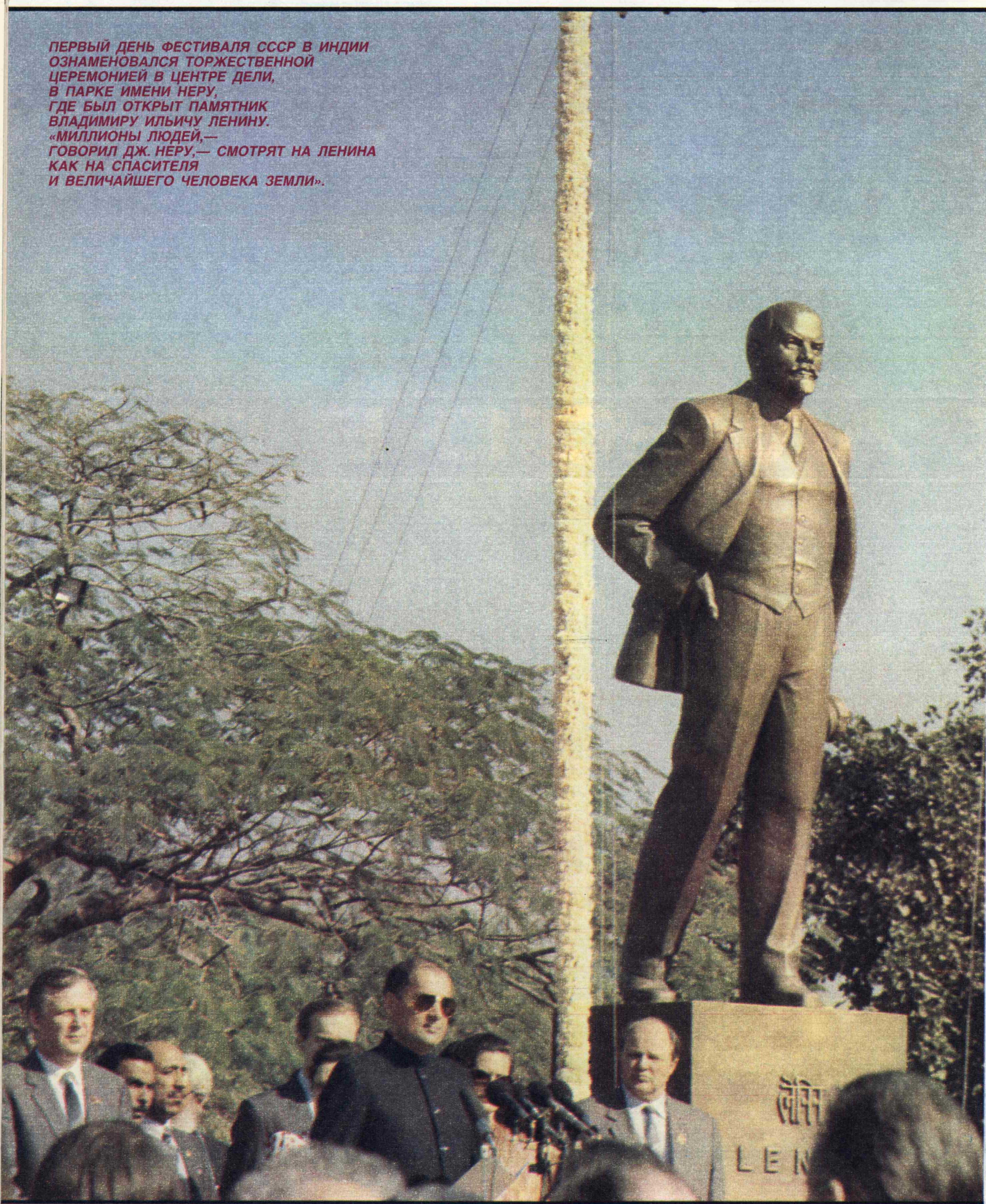

К ДЛИННОЮ В ГОД

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ ФЕСТИВАЛЯ СССР В ИНДИИ
ОЗНАМЕНОВАЛСЯ ТОРЖЕСТВЕННОЙ
ЦЕРЕМОНИЕЙ В ЦЕНТРЕ ДЕЛИ,
В ПАРКЕ ИМЕНИ НЕРУ,
ГДЕ БЫЛ ОТКРЫТ ПАМЯТНИК
ВЛАДИМИРУ ИЛЬЧУ ЛЕНИНУ.
«МИЛЛИОНЫ ЛЮДЕЙ,—
ГОВОРИЛ ДЖ. НЕРУ,— СМОТРЯТ НА ЛЕНИНА
КАК НА СПАСИТЕЛЯ
И ВЕЛИЧАЙШЕГО ЧЕЛОВЕКА ЗЕМЛИ».

Владимир НИКОЛАЕВ,
специальный корреспондент «Огонька».
Фото автора.

В приветственном послании М. С. Горбачева индийскому народу по случаю открытия фестиваля СССР в Индии говорится: «Советский и индийский фестивали — наглядное подтверждение тому, что ставшие прочной традицией дружественные связи между нашими странами выходят на качественно новые рубежи. Их взаимоотношения — и по содержанию, и по характеру, и по формам — отмечены углубляющейся демократизацией. Они уже далеко перешагнули рамки официальных государственных каналов и становятся отношениями между самими народами».

ГЛУБОКИЕ КОРНИ

В пятый раз я приехал в Индию и в этот приезд с особой силой ощутил, насколько стали ближе наши страны и народы. Интерес в Индии к Советскому Союзу огромен, там повсюду тебя встречают как самого дорогого гостя. Такая деталь: в стране много людей, говорящих или пытающихся говорить по-русски. Раньше я такого не замечал. И вот что примечательно: и говорящие, и пытающиеся говорить по-русски произносят наши слова без акцента.

С незапамятных времен существовали связи между нашими странами и народами, начиная еще с IX—X веков. Это были контакты экономические, научные, политические, культурные. Ученые, занимающиеся историей русско-индийских связей, обращают особое внимание на близость духовных устремлений народов обеих стран. Немало выдающихся русских ученых-индологов оставили глубокий след в культуре Индии и России, где, кстати, уже в начале XX века были переведены величайшие произведения индийской классики. Любопытно, что первый профессиональный театр был создан в Индии в XVIII веке русским путешественником, музыкантом и ученым Герасимом Лебедевым. Выдающийся русский художник В. В. Верещагин создал особую главу в истории русской живописи, запечатлев на своих полотнах сцены из жизни Индии. Сами индийцы проводят такую мысль: «Великие мыслители Махатма Ганди и Лев Толстой высказывали в какой-то мере сходные идеи по поводу устройства жизни общества». Да, эти два великих имени в Индии часто вспоминают вместе. Не случайно среди нескольких выставок, которые сейчас, в ходе фестиваля, экспонируются в Индии, есть и такая: «Лев Толстой — жизнь и творчество». И не случайно здесь можно часто встретить выставленные на всеобщее обозрение цитаты из Махатмы Ганди, такую, например: «Я дам вам талисман. Сколь бы ни было велико ваше сомнение и сколь бы ни было тяжело для вас ваше «я», обращайтесь к следующему правилу. Вспомните лицо беднейшего и слабейшего человека, которого вы когда-либо видели, и спросите себя, принесет ли ему какую-либо пользу шаг, который вы собираетесь предпринять... Иными словами, поможет ли это накормить миллионы голодных и духовно страждущих. Тогда вы найдете свои сомнения и свой эгоизм ничтожными, и они уйдут».

В беседах с индийскими коллегами, писателями и журналистами, в ходе

пресс-конференций, в которых довелось участвовать, я постоянно ощущал большой интерес к нашей стране. Одна из таких встреч состоялась в русском центре при Делийском университете имени Дж. Неру. Здесь изучают наш язык и литературу. Все мои собеседники говорили на абсолютно правильном, без малейшего акцента, русском языке. И все они тепло вспоминали свои годы учебы в нашей стране.

Здесь готовят филологов, специалистов по языку и литературе. Говорят, что при поступлении сюда очень большой конкурс, и с каждым годом желающих учиться в этом центре все больше. Выпускники становятся преподавателями в других учебных заведениях страны, многие из них занимаются научной работой, переводят русских писателей на языки народов Индии. Интересно было услышать от моих собеседников, что «Платонов — великий писатель». Да, Платонов с его непростой манерой письма не только доступен и понятен в далекой Индии, им там восхищаются. Во время беседы индийские специалисты расспрашивают о новинках в последних номерах наших литературных журналов, которые приходят к ним несколько позже, нежели к московским подписчикам.

При всей начитанности сотрудников русского центра, при всем их понимании нашей проблематики в разговоре вдруг обнаруживается и некая противоречивость в осмыслении ими тех или иных понятий. Так, женщина-профессор говорит, что в Индии образ Анны Карениной трактуется и воспринимается совсем не так, как у нас, здесь для многих она не героиня-жертва, ее осуждают. Или другая аналогичная проблема в общении двух культур, русской и индийской. Оказывается, есть явления, восприятие которых не так просто для индийских читателей, зрителей и слушателей. Например, говорят мои собеседники, в такой музыкальной стране, как Индия, трудна для понимания традиционная симфоническая музыка, русская и западная, а ведь мы привезли ее на фестиваль. Но в русском центре утверждают, что это хорошо, правильно, там убеждены, что постепенно ее в Индии обязательно поймут и полюбят.

ПАМЯТНИК ЛЕНИНУ

Открытый в Дели в ноябре прошлого года перед началом фестиваля памятник Ленину — уже третий монумент Ильича в Индии. И это не просто дань глубочайшего уважения великому вождю

революции, но и дань его вкладу в борьбу Индии за свободу, в развитие дружбы между нашими странами.

Недавно в Москве издательство «Наука» выпустило книгу «Россия и Индия», в ней есть глава «В. И. Ленин, революционная Россия и Индия». В книге говорится, что контакты Ленина с индийскими революционерами, деятелями национально-освободительного движения имели большое значение в развитии советско-индийских отношений. Именно Лениным были заложены основы нашего политического курса в отношении Индии. И основы эти получили и получают достойное развитие. Можно вспомнить такое знаменательное событие, как приезд в 1927 году на празднование десятилетия Великого Октября Дж. Неру, можно вспомнить и визит Рабиндраната Тагора в Москву в 1930 году. В наше время регулярно происходят встречи и переговоры руководителей двух стран, уже состоялось несколько встреч М. С. Горбачева и Р. Ганди. Как раз в дни открытия фестиваля СССР в Индии отмечалась первая годовщина подписания Горбачевым и Ганди Делийской декларации о принципах свободного от ядерного оружия и ненасильственного мира.

Как неоднократно отмечали советские руководители, Индии принадлежит в советской внешней политике приоритетное место. Дружба и сотрудничество между нашими странами, учитывая их роль в современном мире, являются фактором глобального масштаба. Поэтому не может не радовать успешное развитие наших отношений. Совпавшие с началом фестиваля СССР в Индии переговоры Н. И. Рыжкова с Р. Ганди еще раз продемонстрировали незыблемость и плодотворность нашей дружбы. Как известно, обе страны намерены в ближайшие 5—7 лет увеличить взаимную торговлю в 2,5 раза. При этом надо учесть, что сегодня объем этой торговли подходит уже к сорока миллиардам рупий. В процессе нашего сотрудничества меняется сам характер внешнеэкономических связей, чисто торговые отношения дополняются новыми формами сотрудничества, такими, например, как кооперационные или прямые связи, а также совместные предприятия, которые могут быть созданы в СССР, Индии и других странах.

Важной темой в беседах Н. И. Рыжкова с Р. Ганди было и расширение традиционного сотрудничества между Советским Союзом и Индией в строительстве промышленных предприятий и других объектов. Благо от этого взаимное: экономически развивается Индия, а наша страна дополнительно увеличивает закупку индийских товаров. Совместными усилиями построено и строится на индийской земле более 80 крупных объектов, среди них гиганты металлургии, тяжелого машиностроения, электрооборудования... Подписанная в июле прошлого года в Москве Комплексная долгосрочная программа научно-технического сотрудничества показывает, как расширились и углубились наши двусторонние связи. Вот несколько направлений этой программы: биотехнология и иммунология, материаловедение, лазерная и космическая техника и технология, создание мощных ускорителей электронов, использование катализаторов.

Это все — тоже памятник Ленину и продолжение его дела.

ПОРТРЕТ ИНДИРЫ ГАНДИ

В 1973 году мне посчастливилось побывать в доме у Индиры Ганди. Встреча с ней произвела на меня большое впечатление. За многие годы работы в ка-

честве корреспондента «Огонька» я встречался с рядом лидеров разных стран, но женщину на таком высоком посту увидел впервые. Еще до нашей встречи я предупредил помощника Индиры Ганди, что хотел бы сделать ее цветной фотопортрет.

Индийское сари вообще, по-моему, очень красит женщину, а на ней тогда оно было словно влитое, красное с золотой каймой, на плечах белая шаль (была индийская зима). Короткая стрижка, аккуратно уложенные темные волосы с крупной седой прядью впереди, надо лбом. Очень погруженная в себя, озабоченная чем-то. Хорошо знавшие ее люди говорят, что, вопреки своей внешней сдержанности, она была человеком эмоциональным.

В мартовском номере «Огонька» за 1973 год был напечатан портрет на всю полосу: Индира Ганди стоит у входа в свой дом. Говорили, что в Индии он понравился. Вскоре Индира Ганди прислала мне в подарок часы, которые я ношу до сих пор, вот уже сорок лет.

Раджив Ганди как-то сказал, что самое важное из всего сделанного его матерью — это восстановление достоинства Индии и укрепление веры Индии в себя. Точнее, наверное, не скажешь. Она продолжила великое дело своего отца Джавахарлала Неру. Он был ее главным воспитателем, широко известны его письма к дочери из тюрьмы, куда Неру не раз бросали колониальные власти. Лидер национально-освободительного движения, философ-гуманист, он знакомил ее с историей своей страны, с борьбой против колониального ига, писал ей о Ленине, Великой Октябрьской революции, социализме. Другим ее великим учителем был друг их семьи Рабиндранат Тагор. Много лет Индира Ганди была ближайшим помощником своего отца. После его смерти она впервые вошла в состав индийского правительства, а в 1966 году стала премьер-министром Индии. Велик ее вклад в развитие новой Индии. Много сделала она для укрепления дружбы и сотрудничества между Индией и СССР. При ней был заключен исторический Договор о мире, дружбе и сотрудничестве между обеими странами.

Незадолго до того, как Индира Ганди пала от руки убийцы, она писала: «Если я умру насильственной смертью, — чего многие опасаются и что немногие замечают, — я знаю, что насилие будет в мыслях и действиях убийцы, а не в моей смерти, — потому что не существует такой черной ненависти, которая затмила бы ту любовь, которую я питаю к своему народу и моей стране, нет такой силы, которая могла бы помешать мне осуществить намеченную цель и ослабить усилия, чтобы способствовать прогрессу нашей родины».

В первый день фестиваля Индии в СССР в Москве был открыт памятник Индире Ганди.

ВЗАИМОПРИТЯЖЕНИЕ

Фестивали в СССР и в Индии — достойное продолжение великой традиции, о которой Николай Рерих писал: «Тянутся сердца Индии к Руси необъятной. Притягивает великий магнит индийских сердец русские. Истинно «Алтай — Гималаи» — два магнита, два центра равновесия, два устоя. Радостно видеть жизненность в связях индо-русских».

Всюду, где мне довелось в этот раз побывать в Индии, фестиваль был темой номер один. Миллионы индийцев являются его благодарными зрителями, а сотни миллионов по всей стране следят за ходом фестиваля по телевизору. Кстати, газета «Хинди» отмечает,

...А ПАМЯТНИКА НЕ НАДО...

Начало на стр. 16.

что фестиваль играет большую роль не только в укреплении советско-индийской дружбы. Он очень поучителен для индийцев.

В необычайной популярности фестиваля я лишний раз убедился в... индуистском храме Чаттарпур темпл. Мой переводчик сказал, что знаком с настоятелем храма и устроит мне с ним беседу. Я спросил, как его зовут, на что переводчик ответил: «Его никак не зовут, он просто «святой», поговорить с ним — большая честь».

Мы пришли в храм утром. Там было много людей, особенно детей и подростков. Все они стояли в очередях за сладостями, которые раздавали служители. Самая длинная очередь тянулась к «святому», к нему просто почтительно прикасались. Он возлежал на животе, оперевшись руками о небольшую деревянную подставку. Заросший, с длинными нечесаными космами, в белом балахоне. Очень живые умные глаза, тихий, чтобы все прислушивались, голос. С моим переводчиком и со мной он несколько минут поговорил. О чем? О фестивале СССР в Индии и о советско-индийской дружбе. Советский Союз он почтительно назвал «старшим братом Индии» и сказал, что будущее Индии зависит от сотрудничества с нашей страной.

У необычного фестиваля и открытие было необычным, вернее, было, можно сказать, три открытия в один день. О первом выше уже говорилось при рассказе о памятнике Ленину. Второе состоялось днем перед президентским дворцом. На фоне уходящей вдаль аллеи фонтанов была сооружена временная сцена с воздвигнутой на ней эмблемой фестиваля, изображающей знаменитую скульптурную композицию В. Мухомой. Могу свидетельствовать, что в Индии эта эмблема — рабочий и колхозница с серпом и молотом — вызвала всеобщий восторг и понимание.

Для участия в церемонии открытия фестиваля прибыли Н. И. Рыжков и Р. Ганди. После их выступлений солисты Большого театра исполнили фрагмент из балета «Лебединое озеро», их сменили артисты ансамбля народного танца СССР под управлением Игоря Моисеева и участники фольклорных ансамблей России и других союзных республик.

Наш балет и народные танцы на открытой сцене на фоне экзотического для нас индийского пейзажа... Зрелище, необъяснимо чарующее.

А вечером того же дня Фестиваль СССР в Индии переместился на огромный стадион имени Дж. Неру. И, конечно, тут же вспомнилось, как в начале июля прошлого года открылся Фестиваль Индии в СССР. За три дня на стадионе имени В. И. Ленина тогда побывало более 250 тысяч человек. На три дня растянулся праздник и на стадионе в Дели. Тем, кто видел массовые представления в Москве на стадионе во время Фестиваля молодежи и Олимпийских игр, тот может себе представить праздник на стадионе имени Дж. Неру. Мы уже привыкли к таким зрелищам, а вот в Индии старт фестиваля на стадионе произвел на всех потрясающее впечатление. Такого здесь еще никогда не видели.

Затаив дыхание, десятки тысяч зрителей свисая с двух часов смотрели грандиозное театрализованное гала-представление под девизом «Мы-советский народ». Каждый очередной замысел представления иллюстрировался на своеобразном живом экране, занявшем целую трибуну, как и на аналогичных московских праздниках, но исполнителями были 7500 индийских юношей, которых обучили наши мастера этого необычного жанра. Живой экран рассказывал собравшимся историю Страны Советов от штурма Зимнего до штурма космоса. С культурой народов СССР познакомила зрителей музыкально-хо-

реографическая композиция «Моя страна — цветущий сад».

Талисман Московской олимпиады — мишка и его новый друг — слоненок (эмблема недавно прошедших в Дели Азиатских игр) открыли следующую часть представления — спортивную.

Вот заголовки вышедших на следующий день индийских газет: «Ныне — Россия в Индии», «Советы покоряют сердца индийцев», «Гласность у нас в гостях». А вот цитата из газеты «Санди обсервер» о том, как фестиваль переместился из Дели на стадион в Бомбее: «Это был праздник, которого город никогда не видел. От лебединой плавности движений артистов всемирно известного балета Большого театра до разрывающего небо советской поющей сенсации Валерия Леонтьева, от удивительно гармоничных танцев народов СССР до невероятных трюков Московского цирка, двухчасовой спектакль представил незабываемый калейдоскоп искусства Советского Союза». Кстати, красавец Бомбей с особым энтузиазмом встретил на стадионе свой город-побратим Ленинград, которому был посвящен пролог представления. Его открывали кинокадры о революции в Петрограде, а затем, как бы сойдя с экрана, на сцену вышли балтийские матросы — артисты из ансамбля Игоря Моисеева.

Расписанная по дням и по часам на год вперед программа Фестиваля СССР в Индии включает в себя также выступления танцевальных коллективов из всех советских союзных республик, концерты вокально-инструментальных ансамблей и джазовых коллективов, балетные труппы из Ленинграда и Навои, государственный духовой оркестр РСФСР, камерные оркестры из Армении и Латвии, кукольный театр Образцова и кукольный театр из Вильнюса, Большой драматический театр из Ленинграда, цыганский театр «Ромэн», балет на льду, ансамбль «Березка»... Да разве все перечислишь! Перед индийскими зрителями выступят многие наши известные музыканты и артисты. Всего более двух тысяч советских деятелей искусств в составе 57 групп побывают за год примерно в 60 городах Индии.

По Индии сейчас путешествуют несколько наших больших выставок, среди них — шедевры из Эрмитажа, картины советских художников, посвященные Индии, экспозиция национальных костюмов, картины из ленинградского Русского музея, выставка русских икон, скульптуры советского периода из Третьяковской галереи, экспозиция картин «Искусство, рожденное Октябрьской революцией». Особое внимание привлекает здесь большая выставка «В. И. Ленин в изобразительном искусстве и в фотографии». В Индии сейчас демонстрируется 84 советских фильма. В ходе фестиваля проходят творческие встречи индийских и советских писателей, критиков, журналистов, деятелей искусства. Радуют и удивляют Индию своим мастерством десятки лучших наших спортсменов.

В Дели я побывал в гостях у видной общественной деятельницы Индии, лауреата международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами» Аруны Асаф Али. Ветеран национально-освободительного движения, она вспоминала годы борьбы против колониализма, делилась своими впечатлениями о Советском Союзе, где не раз бывала, и в заключение сказала: «Мы получили много даров от советского народа, но самый драгоценный дар — это наша дружба, и нет задачи более важной, чем укреплять и развивать ее».

Этой благородной цели и служат оба фестиваля, в СССР и в Индии, фестивали дружбы и братства.

Дели — Бомбей — Бангалор — Калькутта

те и, наконец, по телевидению. Это этапная вещь в истории нашего кино.

Итак, Михаил Ромм готовил новый фильм. Мучительно сложно шла работа. Он хотел сделать фильм-размышление на материале маоистского Китая. Потом ясно стало, что этого не дадут. И взял тему шире: о западной молодежи, о состоянии духа на Западе. Он хотел вместе со зрителями подумать, откуда грозят миру основные беды, из чего они могут родиться? Наконец, каким будет мир, если ему суждено продолжиться. Михаил Ильич собрал огромный хроникальный материал, снял отдельные интервью, были записаны и наброски голоса «от автора». Потом Ромм не стало. Что было делать с этим материалом? Уничтожить его? Отвезти на склад? Законсервировать? Или попытаться придать ему какую-то форму, сохранить намек замысла? Мы с Марленом Хуциевым взяли за эту работу, втянулись в нее, увлеклись и наконец смонтировали картину под названием «И все-таки я верю». Конечно, это был не роммовский фильм, чуда не произошло, не могло произойти. Эта работа — дань уважения к памяти выдающегося мастера кино, и мы не жалеем, что делали ее.

...Смена кинематографического начальства, вместо А. Романова председателем Госкино СССР становится Ф. Ермаш. Он-то и предлагает Элему Климову, что по тем временам, в конце 1972 года, было рискованно, взяться за фильм «Агония». Работа эта стала принципиальной в нашем кинематографе, с самых разных точек зрения. О ней в свое время много говорили, околodomокиношные кумушки чесали языки, фантазеры слагали легенды. О ней не устают говорить и сейчас. И у нас, и за рубежом. Поэтому я попросил Э. Климова подробнее рассказать обо всем, что связано с «Агонией».

— На «Агонию» меня подбил Иван Александрович Пырьев. После скандала с «Зубным врачом» он позвал меня к себе и со всей присущей ему прямо-той сказал: «Ты понимаешь, Елем (он так меня называл), что тебе теперь до-о-олго не дадут снимать?» «Что делать?» «Приближается пятидесятилетие Советской власти, тебе надо сделать юбилейный фильм». «Не умею делать юбилейных фильмов и не научусь никогда». «Ты вот что, не горячись и прочти пьесу Алексея Толстого «Заговор императрицы». Я прочел и говорю: «Извините, Иван Александрович, не хочу обижать автора, но пьеса написана вблизи событий, в угоду обывательскому пониманию истории». «Хорошо, — настаивает Пырьев, — возьми тома протоколов допросов Комиссии Временного правительства, в которой работал Александр Блок... И Распутина, Распутина Гришку там не пропусти». Я прочел эти удивительные документы и понял, что у меня в руках уникальный материал. Вскоре началась работа над сценарием, но от съемок нас отделяло еще семь лет, дважды мы приступали к работе над фильмом, дважды нас «закрывали». И только с третьего раза картину удалось снять. Так что к тому юбилею мы не успели, к следующему тоже...

Очень много времени ушло на изучение документов, знакомство с мемуарной литературой. Прочитали немалое количество книг, сутками сидели в архивах, много ездили, встречаясь со многими людьми, которые что-то помнили, среди них были и те, кто лично знал и Распутина, и царя. Узнав, изучив все это, мы тем не менее не хотели на экране просто реконструировать

исторические события, да это в полной мере и невозможно. Иногда мы умышленно отступали от факта, допускали неточности в пользу образного решения...

— В чем, к примеру, вы отступали от конкретики?

— Ну вот, скажем, сцена убийства Распутина, известная по воспоминаниям самих убийц, полицейским донесениям и т. д. Во-первых, мы показали ее фрагментарно, показали не все убийство — ведь это преступление, эта безумная ночь русской истории — целая эпопея, многосложная повесть со многими подробностями. Это и события в подвале дома Юсуповых, стрельба в саду, избивание кистенями вроде бы уже мертвого Распутина, можно было показать, как везли его в автомобиле, как бросили в прорубь на Малой Неве, что испытывали при всем этом участники убийства... Мы сняли, собственно, только начало убийства, иначе надо было посвятить этому событию целый фильм, а это не входило в наши намерения. Имея подлинные фотографии юсуповского подвала, отделанного, как дорогая бонбоньерка, мы тем не менее сделали его более аскетичным, более «средневековым». Для чего? Чтобы у зрителей возникла ассоциация с целой чередой дворцовых политических убийств, которыми так богата российская история, преступлений во имя власти. Через фильм идет несколько образно-смысловых пунктирных линий, одна из них связана с этой сценой.

Разрешительное удостоверение на показ «Агонии» у нас и за рубежом мы получили 12 апреля 1975 года. Некоторое время все шло как бы нормально, а потом пошел тревожный слух, что с картиной неладно, что кто-то ее посмотрел и остался недоволен. Однажды ко мне подошел Тарковский и попросил показать фильм. И я организовал едва ли не последний тогда просмотр на «Мосфильме». Зал был свободен только в восемь утра, но Андрей пришел. После просмотра он сразу же сказал: «Ты погиб». «Почему?» А картину смотрели и другие мои коллеги, и она многим понравилась, хотя сам я уже относился к ней критически. «Ты погиб потому, что «Агония» далека от стереотипов советского исторического фильма, разрушение которых тебе не простят».

На экраны страны «Агония» вышла весной — летом 1985 года, а за границу ее продали значительно раньше, после показа на закрытии Московского кинофестиваля 1981 года. За границу продавали, у нас не пускали. Я недоумевал. Выходило, что нашему зрителю меньше доверяют, чем зарубежному? В одной крупной латиноамериканской стране фильм был арестован «за пропаганду революционных идей». Во Францию продали «Агонию», позволив ее перемонтировать и сократить на 45 минут, в США урезали на целый час. В этих странах вырезали как раз политические сцены, сокращали в угоду кассе. О чем это говорит? А о том, что советские режиссеры практически лишены авторских прав и с нашими работами можно делать все, что заблагорассудится. Но это же цинизм — все на продажу, все на валюту!

— Ну, а кто все-таки конкретно запрещал картину?

— Запрет шел, насколько мне известно, и от Суслова, и от Гришина, и от Косыгина. Но были, я знаю, и другие поборники «правильного» кино. И хотя даже академик Минц — один из главных специалистов по истории Октябрьской революции — дал самый благоприятный отзыв, все равно это не имело значения. Преобладали вкусовые

пристрастия, «дачные мнения»: «Слишком много Распутина, царь не тот (не карикатурен), где роль партии большевиков?..» Но задача у нас была иная: на пороге смены исторических эпох показать распад верховной власти в империи, безнравственность и декаданс всех институтов правления, разложение верхов, которые не могли править по-новому, а низы не хотели жить по-старому.

Короче, прогноз Тарковского оказался верен. Таковы перипетии одной работы, которой я так или иначе отдал почти двадцать лет своей жизни.

Творческая биография Элема Климова действительно необычна, необыкновенно насыщена драматическими событиями, поворотами. В ней не только отметины сложного периода нашей жизни, но и как противостояние этим сложностям воля, характер, мужество человека, который отдавал всего себя искусству. Двадцать лет отдано «Агонии», десять лет (включая параллельно десять из двадцати предыдущих) фильму «Иди и смотри», получившему высшие кинематографические призы и ставшему событием в нашем искусстве.

— В 1976 году мы вместе с Алесем Адамовичем затеяли делать фильм «Убейте Гитлера» по «Хатынской повести» писателя. Дело предстояло большое, сложное, и нас очень поддерживал, был нашим, так сказать, добрым гением первый секретарь ЦК Компартии Белоруссии Петр Миронович Машеров, замечательный человек. Он летал с нами по республике на вертолете, показывал места партизанских боев, где он и сам сражался, где казнили его мать в Рассонах, на Витебщине. Он всячески нам помогал, и это вселяло надежду.

К сожалению, Петр Миронович тогда заболел, уехал лечиться в Москву, и тут я вспомнил о том, что «аппарат сильнее Совнаркома». Началась тихая, «кабинетная» атака на сценарий. Я всегда изумлялся, откуда у этих людей такое изощренное сознание, такая своеобразная, странная фантазия. Парень и девушка, герои фильма, пробираются через топкое болото — «пропаганда эстетики грязи»; нога деревенского старосты наступает на муравейник — «унижающее уподобление нашего народа муравьям»; немецкая пуля убивает на ночном поле корову — «натурализм, смакование»; далее: «где размах партизанского движения, почему позволили сжечь деревню?»... А 628 полностью, со всеми жителями сожженных деревень, а два с четвертью миллиона погибших на территории Белоруссии? Фашистская машина была отлажена, работала беспощадно, на полное уничтожение. Об этом и снимали: какого зверя нам удалось победить, что преодолеть и в себе в том числе — не вызвериться, не уподобиться врагу, остаться людьми. В сценарии был эпизод, когда наш юный герой, пройдя все круги военного ада, расстреливает как бы всю биографию Гитлера и гитлеризма, но в последний момент опускает винтовку, не стреляет в Гитлера-младенца, еще безвинного ребенка. Сложный момент, но объяснимый и нормально теперь воспринимаемый зрителем фильма «Иди и смотри». «Всепопченчество, абстрактный гуманизм, неклассовый подход»... Этот последний «невьстрел» был принципиальной позицией для нас, авторов, согласиться с претензиями Госкино мы не могли, работы по фильму были приостановлены. Через несколько дней мы должны были начать съемки. Шло лето 1977 года...

Нервный срыв, «перестресс», тяжелое заболевание, депрессия. Все мрачнее и мрачнее становилось вокруг, казалось, что теперь-то уж точно конец, финиш. Надеяться больше было не на что. Такое ощущение, естественно, было не только у меня, иначе я бы и не говорил об этом. А вокруг гремели победные трудовые реляции, из всех приемышков несло ликующее «БАМ, БАМ,

БАМ!..», «наверху», не уставая, награждали друг друга высокими наградами, произносили длинные бумажные речи. Окреп и расцвел жанр анекдота. Да, мы все равно смеялись. Все равно верили, что справедливость придет, не может быть по-другому.

В июле 1979 года случилось самое страшное в моей судьбе. И все прежние беды показались вмиг мелкими и ничтожными...

В самом начале съемок фильма «Матёра» по повести В. Распутина «Прощание с Матёрой» погибла режиссер Лариса Шепитко, жена Элема Климова. Оператор Владимир Чухнов, художник Юрий Фоменко и еще три члена съемочной группы попали вместе с ней в автомобильную катастрофу на Ленинградском шоссе неподалеку от Калинин. Никого не осталось в живых. Климову было предложено продолжить эту работу. Он согласился.

— ...Я продолжил работу Ларисы, не мог иначе. Это, я думаю, помогло и мне хоть как-то пережить сильное горе. «Работа лечит», — точно говорят. «Жизнь — это преодоление» — тоже согласен. Однако одно дело преодоление естественных препятствий, пусть и самых сложных, закаляет характер, приносит удовлетворение. Другое — когда чуть ли не вся наша жизнь построена на борьбе с абсурдными, бессмысленными преградами, с тупостью, чванством, хамством. Тогда и жизнь сама превращается в долгосрочную муку, теряет свой смысл. Вот тут мы, кажется, преуспели.

Итак, с готовым фильмом (теперь он назывался «Прощание») мы оказались в Малом Гнездиновском переулке, в Госкино СССР. Первое, что мы услышали:

«Уберите ку-клукс-клан!» — это про людей, распутинских пожегщиков, которые в прозрачных полиэтиленовых накидках приехали сжигать Матёру. «От имени какой власти они приехали?»

«Крестов не надо!» «Но это единственный надмогильный крест, который принесли с варварски разрушенного кладбища». «Крестов нам не надо!» И т. п.

Фильм оказался «мрачным, излишне трагедизированным, авторская позиция базируется на неприятии научно-технического прогресса, зиждется на реакционных почвеннических позициях, есть налет религиозности».

Никакие объяснения мои и автора повести успеха не имели.

«Пока мы здесь сидим и служим, картина в таком виде принята не будет».

Сдавали мы фильм почти год. Дело дошло до того, что мне намекнули: надо будет уходить с «Мосфильма», так как план студии не выполнялся. Я подводил огромный коллектив. Говорили, что если не я, то другие порежут фильм, отберут его у меня. Тогда я стал интересоваться авторским правом, есть оно у нас или его нет. Встречался с юристами и с вааповцами, выяснил, что авторское право кинорежиссера настолько размыто, что практически оно не имеет силы. Кстати, с той поры мало что изменилось. Сейчас идет большая работа над новым авторским правом, но идет очень туго, пока никак не удается убедить наших оппонентов в главном: авторское право должно принадлежать авторам, людям, которые, собственно, и творят кинопроизведение, — сценаристу, режиссеру, оператору и т. д. (сейчас право принадлежит студии).

— Так что же «Прощание»?

— Фильм был неожиданно принят, принят, что называется, в одночасье. Все эпизоды остались на своих местах, работники «Мосфильма» получили премии, сотрудники Госкино продолжали сидеть в своих креслах.

— И так бывало?

— Бывало и так...

Приближалось сорокалетие Победы, и возник вопрос, что, быть может, все-таки следует поставить тот фильм, который мы с Адамовичем задумывали

семь лет назад. Мы уже как-то к тому времени поостыли — замыслы тоже тухнут. Но вот от разговора к разговору вновь входим в материал, вновь возвращаемся к пережитому, к когда-то обдуманному. Удалось отстоять все основные положения сценария. Я уехал в Белоруссию уже с новой группой, с новыми исполнителями. Съемки начались весной 1984 года, и девять месяцев я не был ни одного дня дома, девять месяцев я не видел сына. Весь ушел в водоворот съемок. Для меня это были даже и не съемки, а подлинная борьба за рождение фильма. Я чувствовал, что если хотя бы на один день выйду из того магнитного поля, которое там возникло, то все разрушится. И я не позволил себе ни разу отлучиться, и не только я — мои товарищи вели себя так же. Заканчивали съемки на льду реки Березины. Так возник фильм под новым названием «Иди и смотри»...

К сожалению, мы не успели снять нашу центральную кульминационную сцену, из-за которой фильм собственно и получил такое название. «Иди и смотри» — это один из поэтических рефренов Апокалипсиса.

— Не успели почему?

— Не хватило времени, организация съемок была далеко не идеальной. Вот мы и уперлись в зиму. К тому же фильм снимался кадр за кадром от начала к концу, чего обычно в кино не бывает, в силу определенной специфики: учитывается занятость актеров, возможность съемок того или иного объекта... А тут из-за подростка, который должен постепенно пройти (он же не актер, ему 14 лет) самый страшный отрезок своей жизни, духовно перемениться, возмужать, сделаться другим, надо было снимать последовательно, ничего не пропуская. Эта последовательность и стоила лишних полутора месяцев работы, которых на ту важную сцену и не хватило. Правда, если честно, то прокручивая в своей голове все обстоятельства, мы пришли к выводу, что зрители могли и не выдержать, если бы мы сделали эту сцену. Это апокалипсическая сцена на гигантском торфяном поле и с лесом, чудом сохранившимся на нем, вокруг которого идет бой равных сил: немцев и партизан, — никуда в сторону нельзя шагнуть, уйти, ускользнуть, потому что провалишься в горящий торф, как в ад, и нет этому бою конца, бой идет до полного уничтожения. Солнце как бы остановилось над лесом и ждет, когда люди добьют друг друга. А тут же и мирные жители, и коровы, и дети, и раненые — одним словом, конец света. Сцена была бы очень мощной. Жаль, что мы этого не сняли.

«Жаль, что мы этого не сняли...» Мой собеседник не раз произносил такие слова. Он говорил о муках недоуплощения, неудовлетворенности той или иной работой. Собственно, нет ни одного снятого им фильма, который успокоил бы его душу и сердце, дал бы ему возможность умиротворения, успокоенности. Он не удовлетворен «Агонией». Причем почувствовал это сразу же после окончания работы над фильмом. Вдруг понял, что по-настоящему не был готов к работе над материалом, хотя долго его добивался, говорил себе: «Буду снимать и все». Даже на грани полного поражения твердил: «Буду!» Но, снимая, не всегда доверял какому-то чутью уникальности материала, неординарности фигуры Распутина. И сам себе предьявлял суровый счет. Но к сожалению, в чем-то уже было поздно, поезд ушел. И он захотел реабилитировать себя в собственных глазах, доказать себе, что все-таки может снимать сложные и сверхсложные человеческие состояния. Натолкнулся на повесть Алеся Адамовича. Сделал картину, получившую высокие отзывы, но снова неудовлетворенность. Конечно, не во всем, но... Он говорил Адамовичу, что если делать такой материал, а более или менее авторы

фильма знали правду о фашизме в Белоруссии, ведь она поведана, зафиксирована, все знают, что такое Хатынь, что такое фашистский геноцид, то это надо делать так страшно, считал Климов, что люди не смогут смотреть. Александр Михайлович возражал: «Так и надо делать. Будут смотреть». Но решительности все же авторам не хватило, зрителей побегли.

...История с избранием Элема Германовича Климова первым секретарем правления Союза кинематографистов СССР тоже неожиданна и драматична. Он и не предполагал, и не собирался заниматься никакой административной деятельностью. Как считает, не имеет к этому расположения. Но на выборах не нашел в себе силы для самоотвода. Надо было отказаться, воспротивиться избранию, но, как рассказывал мне Элем Германович, в нем в тот момент возобладало чувство уникальности того исторического мига, момента, когда, как ему казалось, можно многое в киноискусстве изменить к лучшему. Он как бы мгновенно ощутил меру и значимость ответственности, на него возлагаемой. И согласился.

— Пройдет несколько лет, и я, быть может, по-другому расценю свою слабость, свой «неотказ», ибо никаких тщеславных притязаний у меня не было. Я всегда хотел быть просто режиссером, чтобы, по возможности, свободно выражать то, что мне хотелось выразить. Годы бегут, идет, условно говоря, вторая половина жизни и надо спешить делать фильмы, каждый из которых может оказаться последним. У режиссеров, увы, так получается, что только до определенных лет они могут себя проявлять по-настоящему, многое связано с возрастом, с восприятием мира. Я понимал, что лучшие годы прошли или проходят, надо спешить... И вдруг надо перестраивать целый кинематограф.

Удовлетворен ли я, одним словом не скажешь. Прожитая, быть может, самая бурная полоса моей жизни, много сил и душевной энергии отдано новому делу. Когда энергия отдается производству, то она потом восполняется производством. А здесь осязаемые результаты появляются когда-то позже, в отдаленном будущем. Кинематограф должен переориентироваться, активизировать свой творческий потенциал, осознать и ощутить новые задачи, обрести новое мышление. Только тогда произойдет явный качественный скачок. Как этого добиться? Путь тут только один: демократизировать нашу творческую деятельность во всех ее аспектах, получить действительную, а не мнимую самостоятельность в решении наших общих кинодел — финансовых, производственных, кадровых. Мы спутаны по рукам и ногам бесчисленным количеством инструкций, многие из них происходят еще с тридцатых годов. Я как-то попросил нашего юриста собрать их все и показать мне. Он принес много книг разной толщины общим весом, как мы прикинули, около семи килограммов. Все это мешало и мешает нам работать, сковывает в каждом движении, учит хитрить, обходить, ловчить. И я подумал: вынести бы все эти книги на какой-нибудь помост или эстраду и сжечь публично. Вот это был бы настоящий праздник для кинематографистов!

Все надо строить теперь совершенно по иному, разумным и справедливым, законам. Невозможно дальше двигаться с путями на ногах и руках, с кляпом во рту, который мы еще так хорошо ощущаем.

Гласность. Гласность — полугласность — четвертьгласность. Мы говорим, пишем, снимаем и все время на кого-то оглядываемся, с кем-то внутри себя шепчемся. Так нас приучила жизнь, и боюсь, что это еще надолго. А вы хотите, вы требуете скорейшего появления нового кино... Прошедшие десятилетия не прошли даром ни для

кого, страх, долгий страх поселился в наших генах, раздвоил нас, расщепил на разные существа, проживающие в одном телесном обличье. Навести бы и мне поскорей порядок в собственной душе, а потом пожелать этого и для других. До подлинной гласности, до настоящей демократии нам еще предстоит продираться через бурьяны прошлого, постепенно отвыкая от привычки к рабскому повиновению, к безголосому существованию. Придется учиться диалогу, не только говорить, но и слушать. Эх, как это трудно — слушать и слышать. Знаю по себе. И по другим. Гласность и демократию еще предстоит сотворить. Нам, всем нам. Поэтому с фанфарами на эту тему не будем пока спешить. Один из участников недавнего пленума Союза кинематографистов с тревогой говорил: «Существует ли уже механизм, созданы ли уже те демократические механизмы, которые гарантировали бы нас от возврата к прежнему? Первая и главная задача творческой интеллигенции — способствовать, в том числе всей своей работой, созданию этих демократических механизмов, этих гарантий». Вот в какую сторону сейчас должен быть направлен вектор всех наших сил, отдана наша гражданская и творческая энергия.

...Ну, а пятый съезд Союза кинематографистов, вы знаете, был особым съездом — острым, принципиальным, бурным (не всегда даже парламентские формы соблюдались). Почему? Вы попросили, я вам рассказал историю своих фильмов, а теперь помножьте ее на большое множество подобных историй, на развал кинопроизводства, низкий уровень техники, несправедливую оплату труда, авторское бесправие, давно сбитые критерии оценок, утерю контактов со зрителями, все нарастающий поток киномакулатуры, серятины... С этого съезда, собственно, и началась перестройка в кино. Идет она трудно, тягостно трудно, но идет. Съезд консолидировал наши силы, но нас же частично и разобщил. Подумайте, кого-то покривили, кого-то куда-то не выбрали — появились обиды, люди замкнулись, стали злиться. Дотронулись и до наших «недотрог» — «киногенералов», которых прежде критиковать в печати было не принято. Так проявилась определенная поляризация некоторых групп, слоек в нашем кинообществе. Вернее, все это существовало и раньше, но было, что называется, «под водой». Другие же, у которых явно недостает дарований, поняли, что реформа в кино осложнит их жизнь, ибо теперь только талантом своим можно будет доказывать право на постановку, на работу. Некоторые в силу привычек, возраста, необратимых внутренних процессов, может быть, уже не смогут соответствовать новым требованиям жизни, им надо помочь по-другому устроить свою судьбу, но не отмахиваться от них. Это драматический момент. Сегодня определилась и другая когорта кинодеятелей, людей с «крепкими локтями», со связями, с громким голосом. Эти без боя свое не отдадут, они уже и пошли в бой. На «Мосфильме», скажем, они требуют разделения студии на две по примеру МХАТа (весьма дорогое удовольствие), призывают вернуться к прежним, а лучше к предпреджним временам. Такого рода люди пытаются удерживать, сохранить самое главное для них — привилегии, свое место под солнцем, у пирога жизненных благ. Процесс переустройства выявляет, высвечивает много — и кто за чем стоит, и кто за что стоит. Меня радует то, что самые достойные люди в кинематографе категорически поддерживают перестройку. И замечательно, что среди них много молодежи.

— Элем Германович, вспомним еще раз те фильмы, которые лежали на полках до создания той самой конфликтной комиссии, которая появилась после V съезда Союза кинематографистов и которая «реабилитировала» многие талантливые картины.

— Два фильма Муратовой «Короткие встречи» и «Долгие проводы», «Проверка на дорогах» Германа, «Ангел» и «Родина электричества» Андрея Смирнова и Ларисы Шепитько по Олеше и Платонову, «Иванов катер» Осебяна, «Интервенция» Положа и много других.

— Вы забыли «Комиссар».

— Да, этот фильм спорный для некоторых по своим художественным достоинствам. Тем не менее почему он должен был больше двадцати лет лежать в забвении?

— Осталось что-то еще из забытого, неопубликованного?

— Вы знаете, основную массу фильмов комиссия уже просмотрела, но работа еще не окончена.

— Комиссия распадется или будет существовать?

— Она будет существовать постоянно, может быть, изменятся ее функции, но споры, дискуссии, конфликты, я думаю, не оставят нас. Дело-то творческое.

— В кинематографе сегодня существует цензура или нет?

— Дело в том, что цензура в кино была и есть. Цензура, которая следит за тем, чтобы не были показаны или раскрыты какие-то государственные и военные тайны, чтобы на экране не было порнографии, сцен умышленной, самоцельной жестокости, могущих ранить психологию молодого зрителя, чтобы фильмами не создавали враждебного отношения к тем или иным народам, нациям. Практически с официальной цензурой мы не имели конфликтов. Но создалась другая цензура, которая присвоила себе право говорить от имени народа, судить о том, что народ поймет или не поймет, что ему вредно, а что не вредно. Это редакция Госкино, о которой мы говорим, она присвоила себе право цензурирования, а точнее, осклопления сценариев, готовых фильмов, вмешивалась даже в актерские пробы. Я столкнулся с этим еще при работе над первой своей картиной «Добро пожаловать...», когда мне заявили, что актер Е. Евстигнеев не должен играть начальника пионерского лагеря, а должен играть такой-то актер. Потому что, дескать, тогда этот образ в случае чего можно списать на «дурака», а не на социальный момент. Но кто же, кроме режиссера, может решать такие вопросы?

— А как сейчас решаются эти вопросы?

— Работать стало уже легче и проще. Подобные рецидивы прошлого вряд ли уже возможны. Хотя бдительность терять не следует. Одно из важных достижений прошедших месяцев — это то, что мы, Союз кинематографистов, начали находить с Госкино, с его новым руководством общий язык, работать в товарищеском, деловом взаимодействии. Это делает всех нас сильнее, увереннее. Это вселяет надежду.

— Вы можете назвать имена тех, кто стоял на пути всего талантливого, насущного, передового? Пусть им будет стыдно.

— Зачем убивать людей? Самым советливым из них, наверное, и так не легко. А некоторые просто ничего не поняли из того, что происходит сегодня в нашем обществе. Только обозлились. Об этом сужу, потому что иногда приходится с ними встречаться, видеть глаза. В глазах — ненависть. Но и в их грудь не хочется вбивать осиновый кол, называть имена, клеймить. Это их любимый жанр, им его и оставим.

— А из тех, кто продержался, выжили, не сломался?

— Многие. Лариса Шепитько выдержала. Алексей Герман. Иоселиани. Тарковский выдержал. К сожалению, ценой жизни. Эльдар Шенгелая не изменил себе ни в чем. Кира Муратова, Александр Сокуров. Правда, многие? Шукшин, хотя он и не сумел сделать своей главной работы — о Степане Разине. Каждый режиссер должен иметь в своей творческой жизни какой-то главный фильм, центральную работу. Для Шукшина, как он сам считал, такой

работой и должна быть экранизация романа «Я пришел дать вам волю...». Ведь сначала он написал просто сценарий, сценарий не пропускали, тогда он написал роман, чтобы через него вновь вернуться к фильму. Возвращение к фильму через роман стоило ему огромных сил, но в конце концов и они иссякли. Дело остановилось. И вот уже не хватило ему ни здоровья, ни самой жизни. А ведь он хотел играть Разина. И фильм этот должен был быть абсолютно авторским...

— А что вам не удалось, что не осуществилось?

— «Левшу» хотел снимать, не удалось. Фильм про Ивана-дурака — не удалось. «Бесы» Достоевского мечтал экранизировать, но в свое время и говорить-то об этом было нельзя серьезно. В свое время мы с Юрием Карякиным, блестящим знатоком материала, человеком по-настоящему глубоко понимающим Достоевского, много работали над «Бесами». Мы хотели воплотить на экране самый спорный, самый пророческий роман великого писателя, но увы... С Виктором Мережко подготовили экранизацию неоконченного рассказа Василия Шукшина «А поутру они проснулись...». Жесткий был сценарий, назывался «Пьяные». Действие должно было происходить в вытрезвителе, который как бы не имел конца, такой «всесоюзный» вытрезвитель. Один из наших руководителей прочитал и сказал нам: «Ну, ребята, напугали. После такого фильма у нас вообще пить перестанут, ха-ха. Вы что?» Не дали поставить сценарий, который мы написали с моим братом Германом в 1982 году. — «Преображение». Сложный и необычный замысел, очень российская история, действие происходит в малоизвестном нам по литературе и экрану XVIII веке. Тут позволяли снимать только первую часть, а вторую нет. А мы ради второй и писали в основном этот сценарий.

— А «Мастер и Маргарита»?

— Я, как и многие (наверное, почти все) наши режиссеры, мечтал экранизировать этот роман с момента его написания. Однажды на короткое время мечта почти стала реальностью. Это произошло, когда у нас снимался совместный советско-итальянский фильм «Красная палатка». Тогда мы познакомились и подружился с Клаудией Кардинале и ее мужем продюсером Франко Кристалди. Они-то и предложили идею странного сочетания двух режиссеров в одном фильме «Мастер и Маргарита». Линию Христа должен был снять Федерико Феллини, а «советскую» часть — мало кому тогда известный Элем Климов. На роль Маргариты, естественно, без проб приглашалась Кардинале. Проект существовал недолго, тогда осуществление его казалось фантастичным. Дело это, конечно, лопнуло.

— Элем Германович, простите за такой вопрос, но некоторые говорят о том, что вы воспользовались служебным положением и «захватили» монополию на экранизацию романа Булгакова «Мастер и Маргарита». Что вы можете сказать по этому поводу?

— Если бы я вам сейчас рассказал, что про меня и других секретарей нашего Союза говорят «некоторые», подписка на «Огонек» выросла бы еще. Лжетворчество, сплетни, слухи — это у нас сейчас весьма популярный жанр. Но это и оружие в борьбе «некоторых» против перестройки.

«Мастера» мне разрешили снимать еще до V съезда. Договоренность уже тогда существовала. И если бы не съезд, который так повлиял на мою судьбу, я был бы уже на пороге съемок.

Я все больше понимаю, что прямая экранизация романа, текст которого знают досконально миллионы читателей, невозможна. Неизбежно люди начнут сравнивать, сличать. Большая часть зрительской энергии уйдет именно на это. Роман очень литературен, во многих своих фрагментах не поддается экранизации в обычном понимании это-

го слова. Значит, надо искать другой путь.

Есть еще одно обстоятельство, о котором я мучительно и долго размышлял. Вот текст «Мастера». В сознании большого количества людей он как бы канонизирован, незыблем. Способствует этому и наше знание драматической судьбы самого автора, его романа. Создалось триединство — «Булгаков — роман — читатель». И к этому моменту надо отнестись очень бережно, сберечь его. Должна быть создана, как мне представляется, параллельная киноверсия романа, в какой-то мере даже фантазия на главные темы великого произведения, без претензий экранизировать всю вещь. Это потребует кропотливой и долгой литературной работы. И определенного рода смелости. Но Михаил Афанасьевич и сам занимался такой работой для кино. Вспомним хотя бы его работу над сценарием по мотивам «Мертвых душ». И не робел.

Вы, может быть, слышали уже, что существует две экранизации «Мастера и Маргариты», польская (фильм снимался в Западном Берлине, но режиссер польский — Анджей Вайда) и югославская, режиссер Александр Петрович. Два крупных мастера потерпели неудачу. Нет ни одной по-настоящему убеждающей театральной постановки. Роман «кусается». Не надо забывать, что на его страницах навсегда поселились и Иешуа, и Воланд со своей небезопасной свитой. Короче, как сказал бы наш дорогой мессир: «Vorsicht!» — «Осторожно!» (нем.)

— А фильм о современной жизни вам не хотелось бы сделать?

— Хотелось бы. Но пока не попался подходящий сценарий, не поверхностно актуальный, а подлинно проблемный и человеческий. Может быть, он уже кем-то пишется, этот сценарий. Для театра, кстати, эти пьесы еще тоже не написаны. И литература нас пока не балует.

Сейчас у нас лидируют документалисты. Работы у них оказалось много. Столько в обществе наболевшего, столько неразвязанных узлов, так стремительно развиваются события — только снимай. Они и снимают, снимают, зачастую жертвуя художественностью, не очень-то успевают «вылизывать» свои картины, за что и получают критические оплеухи от наших любителей совершенного. Вот этим-то картинам, которые на передовом крае перестройки, сейчас приходится труднее всего. Они для кого-то опасны. Конечно, опасны. Они кого-то затрагивают. Да, затрагивают. Они же для того и снимаются, чтобы на что-то повлиять, что-то изменить в лучшую сторону. Теперь появилась новая форма, нет, не запрета, а полупошута. Не «полка», а, как мы грустно шутим, «этажерка». Фильм — я имею в виду острые, проблемные работы документалистов — принимают, но практически зрителям не показывают. Или только условно, смехотворно малым тиражом выпускают на экран. А вы говорите — расформировать конфликтную комиссию...

Над этим интервью мы работали с Климовым три полных дня и три... полных ночи. В самом прямом смысле. За это время я чуточку понял характер, натуру этого неординарного человека. С одной стороны, он человек медлительный, плотный, обдумывающий обстоятельства, действия, предпринимаемые им ежедневно, ежечасно, подолгу работающий, как мы уже знаем, над каждым из своих фильмов, с другой стороны, бывает так, что те или иные действия, поступки его непредсказуемы, непрогнозируемы. Отсюда невозможность ответной реакции, сложность контакта с ним. Элем Германович «нажимал» на меня с тем, чтобы отложить это интервью: «Некогда», «Потом», с другой стороны, «поддался» моему нажиму и, оставив почти на произвол судьбы свой родной, уважаемый нами «киношный» Союз на три рабочих дня, с го-

ловой ушел в размышления о нашем сложном времени, о судьбах кинематографа, о своих личных перипетиях. Темы наших бесед, помимо всего, рождались спонтанно, неожиданно. Я увидел на столе только что вышедшую книгу «Лариса» о его жене Ларисе Шепитько, и мы несколько часов проговорили о ней. Перед тем как поехать в Кремль 25 декабря на прием по случаю вручения Государственных премий СССР, мы долго говорили о Владимире Высоцком. Поскольку разговоры были открытыми, я спросил Элема Германовича вот о чем:

— **Некоторые называют вас экстремистом. Как вы думаете, почему?**

— Опять «некоторые»... Давайте лучше применим понятие максимализма, «экстрема» — это совсем другое. Да, исповедую максимальную отдачу человеческих сил, самое интенсивное использование наших возможностей. Мечтал и мечтаю добиться предельно больших результатов. И в творчестве, и решая общественные и гражданские задачи. Но не «любыми» средствами. Наверное, кого-то раздражил фильм «Иди и смотри», его образы, авторские приемы, его «шоковая терапия». Я за «сверхкино», когда надо срывать коросту с оплывших жиром душ. Особенно теперь, когда мир живет еще в великой тревоге. Я за то, чтобы в правде идти до конца и жить с открытыми глазами. И на этом пути быть последовательным.

Я хотя уже и не мальчик, но многое еще не перестает меня удивлять.

Вот, к примеру. Закончился наш V съезд, меня избрали секретарем Союза кинематографистов, и уже буквально на следующий день я ощутил на себе совсем другие взгляды моих же товарищей. Некоторых. Много в этих взглядах было оттенков: воспаленное любопытство, слишком быстро обнаружившаяся неприязнь, чуть более меры проявленный восторг и даже заискивание. А ведь во мне ничего не изменилось, я был тот же, что и вчера. Добавился только пост, должность. А если я завтра уйду с этой должности, покину этот пост и снова стану «рядовым», они, эти люди, уже каким-то третьим взглядом будут смотреть? Эх...

О Ларисе Шепитько (6 января ей исполнилось бы пятьдесят лет), самом родном и близком человеке, друге, соратнице.

...Лариса ушла из жизни, находясь на самой вершине своей судьбы. Только что пережила всемирный успех «Восхождения», ей разрешили снимать «Прощание с Матёрой»; а отношение руководства к повести было тогда негативное. Потребовался большой дипломатический дар, которым она обладала сполна, весь ее ум, обаяние, чтобы убедить, добиться этой работы.

Через неделю после похорон Ларисы и ее товарищей осиротевшая группа с новым режиссером, оператором, художником приехала на место съемок.

Что делать? Как делать? Вначале попытались подражать. Одну сцену сняли в подражание, другую. Поняли, что это не путь, надо находить свой подход к материалу, создавать свой замысел и даже писать свой сценарий. По ночам с моим братом мы работали над сценарием, днем — съемки. Погода ухудшалась, лето кончилось, дожди, неудачной была и осень. Доснимались до снега. Нам дали паузу до следующей весны, и в эту паузу мы сделали маленький фильм «Лариса». Потом была закончена и основная картина. Мы решили назвать ее «Прощание». Могли, конечно, оставить название, выбранное Ларисой, — «Матёра», оно, может быть, более точное для этого фильма, но выбрали «Прощание». Это мы прощались с нашими друзьями, а я и с родным человеком. Я даже полагал одновременную демонстрацию двух фильмов в одном сеансе: «Лариса» и «Прощание».

— **Еще о Ларисе Шепитько. Ведь**

она человек поразительный, может быть, даже уникальный.

— Редчайший случай в истории кино, чтобы на режиссерский факультет приняли молодого человека, да еще девушку семнадцати лет, сразу после окончания десятилетки. И к кому? К Довженко, выдающемуся мастеру! Вот интуиция! Как он почувствовал, каким образом? Да еще на вступительных экзаменах. Он опекал ее, как родной отец, и Лариса обожала его до последних дней жизни, боготворила, исповедовала его личность, его высокие нравственные принципы. Она считала, что если и свершилась, то свершилась в те полтора года, когда он учил ее. Полтора года всего!

Лариса была человеком предельной честности, озаренности и истовым художником. Поэтому, наверное, не каждый чувствовал себя рядом с ней уютно. Далеко не всякому дано быть таким. Но и не было никакой фанатерии, гениальничания, хотя и скромницей не прикидывалась. Лариса тоже не сразу нашла себя, она шла через преграды, спотыкания, пробы, но к высокому в искусстве двигалась упорно и в результате пришла к «Восхождению». Не случись нелепой трагедии, взмогла бы, я уверен, и на следующую ступень своего творчества. Она сама себя создала, и этот процесс продолжался до конца ее дней. Напряженная жизнь духа меняла ее и внешне. С каждым годом она становилась прекраснее.

Мало сделала Лариса фильмов — всего четыре с половиной («Половина» — это короткометражный «Родина электричества»). Но все они выстраданы, выношены. Она любила повторять фразу Довженко о том, что надо делать каждый фильм, как последний, и думать, что после этого фильма тебя может не стать, и это последнее, что ты скажешь людям, что они по этой работе будут потом о тебе судить.

Каким-то странным образом предсказала возраст, в котором ее не станет. На встречах со зрителями или в интервью она говорила, что по статистике средний срок жизни кинорежиссеров, а также летчиков-испытателей равен 41,5 года. Ларисы не стало в 41,5 года. Она предчувствовала, что что-то случится, говорила об этом часто: «Меня скоро не будет, я скоро умру». Перед выездом в экспедицию на Селигер прощалась с друзьями навсегда. Очень изменилась, какая-то стала другая: мягкая и отрешенная. Предчувствия ее сбылись. А вообще она верила в то, что живет на земле не первый раз. Что и говорить, человек — самый неисследованный, самый таинственный пока предмет на земле.

— **Как вы познакомились?**

— Когда я пришел во ВГИК после своего недолгого авиационного опыта, то сразу попал в совершенно иную атмосферу и был поражен, сколько там красивых и оригинальных людей. ВГИК тогда переживал пору своего расцвета — 1958 год. Лариса училась там с 1955 года, но по возрасту она была на пять лет моложе меня. Среди когорты вгиковских красавиц я сразу выделил ее, но чтобы подойти, познакомиться — мне это и в голову не приходило, так она была хороша. Познакомились и ближе узнали друг друга уже тогда, когда она приехала из Киргизии с материалом дипломного фильма. Он назывался тогда «Верблюжий глаз» по повести Ч. Айтматова. Помню, мы сидели в кафе «Националь», в угловом знаменитом кафе, пили кофе, и она все время меня мучила: «Какое название придумать?» Я и предложил почему-то «Зной». Ей понравился...

Из Киргизии Лариса приехала совершенно разбитой, обессиленной, болезнью — инфекционная желтуха. Лежала она в больничном бараче, а съемки надо было продолжать.

В полупустыне Анархай при большой жаре, как мне рассказывали, ее на носилках за сорок километров туда привозили из города, так она и вела съемки. Киргизская студия тогда только на-

Э. Климов и Л. Шепитько. 1966 г.

чиналась, профессионалы почти отсутствовали. Ларису в шутку прозвали матерью киргизского кино. «Матери» было 25 лет. Отношение к картине было сложное. Прямо в экранных копиях вырезали целые куски, резали по живому. Успех пришел чуть позже — фильм был увенчан многими наградами. Так она дебютировала.

Съемки фильма «Восхождение» — прямо противоположные обстоятельства: холод, Муром, гостиница без теплой воды. Съемки в поле, в лесу, в деревне на продувном ветру, мороз доходил до 35 градусов, спрятаться некуда. Актеры одеты легко. Я видел рабочий материал, когда герои ползут по снегу, — длинный-длинный кадр, панорама: Сотников и Рыбак и прямо видно — а снимают довольно крупно, — как в кадре у них белеют щеки, они обморожаются прямо в кадре.

Но если актеры могли уйти погреться, спрятаться куда-то в автобус теплый, то режиссер, как правило, не имеет права и возможности отойти со съемочной площадки. Как она это выдержала, непонятно. Были дни, когда ее приносили в гостиницу, укладывали на кровать и отогревали, у нее не было сил идти. Фильм «Восхождение» — это еще одно крупное испытание в ее жизни. Без веры в то, что твой замысел нужен, необходим людям, такого не выдержишь.

Но, может быть, главной победой своей жизни Лариса считала рождение ребенка. С ее здоровьем вообще опасно было идти на это. К тому же сотрясение мозга, травма позвоночника во время беременности — надежд оставалось все меньше. И тем не менее она родила.

Во дворе «Мосфильма» она встретила Андрея Тарковского и похвасталась ему, что у нее есть сын, на что он ей ответил: «Я вас, во-первых, поздравляю, а во-вторых, я вообще не понимаю, как вы можете работать в искусстве, снимать фильмы, не имея детей».

«А это, может быть, и будет мой лучший фильм, мое лучшее произведение. По крайней мере теперь я знаю, что жила не зря».

— **Элем Германович, оказывается, есть такой фильм «Великое прощание» о том, как Сталина хоронили. Почти трехчасовая лента, которая хранится на складе. Почему сегодня не показать эту хронику? Может быть, некоторые зрители и себя увидят со слезами на глазах у гроба «вождя и учителя».**

— Думаю, что он запрещен для показа.

— **Кем? Когда?**

— Очевидно, после XX съезда. И запрет действует до сих пор.

— **Сколько же уникальных свидетельств нашей истории, нашей советской эпохи упрятаны в киноархивах! Есть даже кадры, как в тридцать седьмом году по ночам арестовывали людей «маруськи» у подъезда.**

И сегодня, когда мы как бы заново открыли целые пласты нашего прошлого, необходимо все отдать зрителю?

— Да, невероятное количество материалов лежит в гигантском хранилище, в Красnogорске под Москвой, которое, как я слышал, находится в плачевном состоянии: лента сыреет, плесневеет, просто гибнет.

Принадлежит оно Центральному архивному управлению Совмина СССР, и мы ставим вопрос о том, чтобы хранилище принадлежало и нам. Мы помогли бы заботиться о нем лучше.

— **Ваше мнение о «Покаянии»?**

— Общественное мнение по поводу фильма раздвоенное. Одни говорят, что такой фильм — ошибка, другие — победа демократии.

Фильм Абуладзе очень важен в нынешней обстановке как знак определенного позитивного поворота по отношению к нашей истории, к определенным ее страницам, тем более что картина шире по теме. Она утверждает, что любые нарушения социальной справедливости, где бы они ни происходили, отвратительны.

Московский зритель проявил к фильму очень большой интерес, его посмотрело более двух миллионов человек. По стране он, к сожалению, прошел хуже. За десять месяцев проката «Покаяние» увидело десять миллионов зрителей.

— **Это не так много. Почему?**

— Думаю, потому, что данные страницы истории напрямую не касаются жизненного опыта молодежи, и ей неинтересно смотреть это трагическое полотно. Для кого-то переусложненной оказалась форма изложения, кому-то показалось, что если уж рассказывать, то надо рассказывать в конкретных, реальных формах, так, как это происходило, а не в метафорическом стиле.

Очень важно, я думаю, что «Покаяние» сделали грузинские кинематографисты не по заказу Госкино, не на деньги Госкино, не на деньги Гостелерадио, а на деньги Совета Министров Грузии. Он был сделан в 1984 году, когда и подумать о такой теме было сложно. А если бы работа над картиной шла нормальным путем, картины не было бы.

— **Остается ли актуальным сегодня лозунг Ленина о том, что из всех искусств для нас важнейшим является кино?**

— Да, остается. И оно сейчас теснит телевидение, видео. Все равно, конечно, в основе этого натиска так или иначе лежит кинематограф, его формула, его опыт. Много фильмов мы смотрим по ТВ. Правда, в этих случаях исчезает зрелище, соборный эффект восприятия, ведь мы смотрим фильмы разобщенно, не в зале, в своих квартирах, теряется феномен коллективного сопереживания, соучастия в действии, а это очень важный момент.

Видео можно остановить, отмотать

ленту в обратную сторону или ускорить действие. А это разрушает эффект цельного восприятия. Тем не менее я думаю, что кинематограф все более является важнейшим из искусств, потому что люди, к сожалению, все меньше читают и все больше смотрят. Тревожит, конечно, что падает посещаемость кинотеатров. Но это уже особый разговор, почему она падает. Она падает нынче во всех странах, кинематограф перестал во многом удовлетворять людей, снизилось его качество, он исхалтурился, потерял элемент первоощущения, новизны. В кино люди идут, стоят в очередях за билетами, но смотрят уже с большим разбором, идут не вообще в кино, а на конкретного режиссера, актера, на конкретное событие или тему, ставшую предметом создания фильма. Статистика констатирует, что самый частый зритель имеет возраст от 14 до 23 лет. Кинематограф должен учитывать это обстоятельство, не подстраиваться под него, но учитывать обязательно должен.

— **А можно сказать, что нынешняя публика более интеллектуальна, положим, чем была двадцать лет назад?**

— Образованней? Наверное.

— **Отсюда, наверное, и выборочность?**

— Считаю, что кинематограф вообще должен предоставлять возможность выбора, он должен быть разнообразней. Пусть зритель выбирает, что ему посмотреть и среди наших фильмов, и среди тех, которые мы закупаем.

— **Сколько фильмов в год мы производим?**

— Примерно сто пятьдесят.

— **Эта цифра растет?**

— Нет, несколько лет уже держится стабильно. Наверное, она удовлетворяет и нашу кинопромышленность, и нашего зрителя. Примерно столько же делаем мы сегодня и телефильмов.

— **Какой фильм по количеству копий побил рекорд?**

— Рекордную цифру копий, и я ее запомнил, потому что она была невероятная, получил документальный полнометражный фильм «Наш Никита Сергеевич» — 4000 копий. Но, думаю, не потому, что все так жаждали его смотреть, а совсем по другой причине.

— **А игровые, художественные?**

— Рекордсменами проката являются два фильма: «Пираты XX века» — 86,7 миллиона посещений и «Москва слезам не верит» — 84,5 миллиона.

— **Насколько рентабелен наш кинопрокат? Какой доход он дает государству?**

— Кинематограф собирает порядка одного миллиарда рублей в год, из которого государство забирает 55 процентов налогов. Мы сейчас хлопочем о том, чтобы кинематограф не облагали налогом, иначе хозрасчетная реформа в кинематографе становится бессмысленной.

— **А как оплачивается труд кинорежиссера?**

— Система оплаты далека от совершенства. Достаточно сказать, что во многом и поныне действуют расценки довоенные или послевоенные, они безнадежно устарели, отстали от жизни. По сравнению с зарубежными кинематографистами мы получаем гроши. И актеры, и сценаристы, и режиссеры.

— **Какие-то цифры вы можете назвать. Наш обыватель считает, что артисты деньги гребут лопатой, ходят в дубленках и шубах, ездят на машинах, прожигают жизнь.**

— Актеры в кино получают за один съемочный день от десяти до пятидесяти рублей. В зависимости от звания, категории.

— **Но, если случается в течение года сниматься каждый день, действительно наберется большая сумма?**

— Фильмы, как правило, снимаются за два-три месяца. Не каждый день и далеко не каждый актер занят на съемках ежедневно. Много людей занято в массовых сценах. Еще недавно

один съемочный день стоил три рубля, теперь пять рублей. Но что такое пятерка в сегодняшней жизни? Расскажу забавный случай, который произошел во время съемок фильма «Прощание» на озере Селигер. Готовились снимать сельский праздник, танцы, русские песни. В отдаленную деревню за озером мы послали ассистентов подобрать людей для массовки. Собрали бабушек, женщин и сказали: «Откройте сундуки, достаньте свои старинные одежды, будет съемка. Съемка стоит пять рублей». Договорились. Приехали снимать. Пришли наши разнаряженные бабушки и все принесли по пятерке. Раз в кино снимают, за это платить надо, думали они, ведь это большая честь. Вот такой эпизод. А знаете, сколько стоит массовка в Америке? 100 долларов и бесплатный обед.

А каковы, если бы вы знали, условия труда актера у нас. Как правило, никому не нужны, вредные для здоровья. Я был на американских съемочных площадках. Там стоят огромные фургоны, где можно отдохнуть, тут же примерная, комната для отдыха, все условия для гигиены!

Почему так? Потому что по их капиталистическим понятиям выгодно, рентабельно заботиться о людях, дать им заработать и себя не забыть. А если что, профсоюзы на страже, требующие человеческих условий работы.

— **А за прокат советских фильмов за рубежом его авторы получают гонорары?**

— Нет. И это в корне неправильно. А делается так: если фильм продан в какую-то страну, то к цифре просмотревших картину людей автоматически плюсуется еще 250 тысяч... советских зрителей. Но почему так? Почему такая уравниловка? В одной стране фильм идет с большим успехом, широко, в другой — всего лишь несколько показов.

Мы ничего не получаем и за прокат ленты по телевидению. И абсолютные гроши, просто смехотворные, получаем за перевод ее на видеокассеты.

— **А прокат наших фильмов за рубежом приносит финансовый доход?**

— Получается, что, зарабатывая какие-то деньги, мы тратим их на приобретение иностранных фильмов, а потом на этих иностранных фильмах зарабатываем уже рубли.

— **А кто отбирает иностранные фильмы для показа в Советском Союзе?**

— Закупочная комиссия.

— **А кто в нее входит, вы можете назвать имена? Все-таки интересно, кто решает, что смотреть советскому зрителю. В отборе бывают и удачные ленты, но, к сожалению, много слабых фильмов.**

— В комиссии 52 человека, люди разных профессий. Так, например, писатели Бакланов, Боровик, Бондарев, Чаковский, киноведы Юренев и Фрейлих, актрисы Клара Лучко и Тамара Макарова, представлены и Академия наук, и Академия педнаук, МВД, МИД, МГК КПСС.

— **Элем Германович, вы, наверное, обиделись на «Огонек», который в 50-м номере опубликовал статью М. Демьянковой «Ваши творческие планы» о том, что режиссеры слишком уж стремятся делать фильмы на «чужой территории» или использовать иностранных актеров. Как вы смотрите на эти проблемы?**

— Каково резюме статьи: «Режиссеры кинулись за валютой»? Зачем же так упрощать? Автор публикации побывала только в кабинете председателя «Совинфильма». А была ли она на съемочной площадке, на любой советской съемочной площадке? Уверен, что нет. Она не знает, что такое снимать фильм на кинудышной советской пленке, на отсталой отечественной аппаратуре. Наши фильмы стыдно показывать за рубежом. Один шведский прокатчик, хорошо к нам относящийся, сказал мне однажды: «Фильмы ваши хорошие, добрые, гуманные, у вас блестящие акте-

ры, но нередко наш зритель, просидев недолго в кинотеатре, покидает его. Почему? Ему не нравится грязная пленка, плохой звук, его все раздражает, действует на подсознание... Техника вас подводит».

Я понимаю, что в конечном счете это факторы не решающие в кинематографе, но для человека, понимающего в кино, влюбленного в кино, болеющего за него, а у нас таких тысячи и тысячи, это очень важное обстоятельство. Все-таки кинематограф — это киноживопись, звуковосприятие. И потом мы живем не в двадцатые годы, когда кино только начиналось. Наши лучшие операторы стараются вылизать каждый кадр: светотень, цвет лица, выражение глаз, а в результате пленочный брак. Как тут быть? Или продолжать делать полубракованную пленку, или покупать ее на Западе. Но где взять столько валюты? Сейчас мы изыскиваем возможность создать с одной из западных фирм совместно завод по производству кинопленок. Но это в будущем. А сейчас что делать?

Вот и приходится искать любые возможности, чтобы обеспечить себя и пленкой, и аппаратурой.

А уровень нашей проекционной аппаратуры! Я лично из-за этого уже давно свои фильмы в кинотеатре смотреть не могу. Боюсь сердечного приступа. А люди-то смотрят, пообвыклись.

Но вернемся к статье в вашем журнале. Вот обвиняют Глеба Панфилова в том, что он взял на маленькую роль отца Павла Власова известного итальянского актера. А если он нравится режиссеру, если он ему подходит? А если это поможет к тому же прокату нашего фильма за рубежом? А если мы вообще будем впредь обсуждать на страницах прессы, кто кого в какой роли должен снимать, не превратим ли мы нашу гласность в абракадабру?

Не хочу никого из названных режиссеров защищать от автора статьи, они в моей защите и не нуждаются. Хочу защитить идею международного сотрудничества. Нам сегодня, как никогда, нужны связи с миром, культурные, профессиональные, человеческие. Особенно ощутимо мы это почувствовали после визита М. С. Горбачева в США. Наша страна занята перестройкой, о нас спрашивают повсюду, нами жадно интересуются, с нами ищут контактов. Наша страна, наша культура — это духовный, философский, идейный потенциал человечества, накопленные нами лучшие традиции не утрачены, они с нами. Эпоха перестройки их только обогащает. Так почему же нам сегодня отказываться от любой мало-мальской возможности общения, стремления к взаимопониманию и сотрудничеству между людьми разных стран? В том числе и между режиссерами, актерами, продюсерами, зрителями, тысячами, миллионами людей. В конце концов духовная сумма этого общения не идет ни в какое сравнение с суммой валюты, полученной тем или иным, подчас действительно цинично стремящимся подрезнить на Западе, советским кинорежиссером.

— **Элем Германович, завершая нашу беседу, снова и снова хочу повторить свой вопрос: что будет с нашим кино? Каким будет наше кино? Когда появится наше новое кино, достойное эпохи демократии, гласности?**

— Что будет с нашим кино? Любые пророчества — неблагоприятное занятие. Так, кажется, говорят? Давайте вместе пожелаем нашему кинематографу — а это искусство великих революционных, духовных традиций — поскорее подняться на новую, качественно новую ступень своего развития. Пожелаем ему не на словах, а на деле повернуться лицом к своему зрителю, лучше узнать его дела, заботы, боли и радости. И говорить с ним, как с равным, а не как с недоумком, не минуя в этом разговоре и самых сложных мест. Только тогда мы вернем к себе и доверие, и уважение. Не у всех еще выпали зубы

от постоянного кормления с ложки подслащенной манной кашей. Зубы еще есть, было бы что жевать. Пожелаем кинематографистам побыстрее выговориться, памятуя, что слишком долго мы творили в узде, с шорами на глазах. Может быть, и произойдет на какой-то период перекос в так называемую «чернуху», не будем пугаться, не будем шарашаться, снова «тащить и не пущать». Мы ведь сейчас как бы заново все увидели.

Вспомним и старую аксиоматическую истину, что главная цель искусства — формировать духовный, нравственный идеал, возвращать и возвращать душе чувство гармонии и красоты. Не устывать напоминать человеку, что он существо достойное, божественное, «вертикальное», а не «горизонтальное», пользуясь образным выражением нашего удивительного соотечественника философа Федорова (да, спорного, спорного, конечно!). Раз уж вспомнил Николая Федоровича, вспомню и других героев нашей великой истории. Декабристов, к примеру. Напомнить бы зрителям о них не очередной олеографии, а фильмом о трагедии великого и отчаянного дела, о слабостях человеческих, таких нам близких и понятных. А Герман Лопатин? Можно ли так прожить свою жизнь? Оказывается, можно. Вот уж вам настоящий максималист. А истовый, неукротимый протопоп Аввакум! Циолковский Константин Эдуардович. Что мы знаем о нем по-настоящему? Как отвечал он себе в тиши калужского домика на главный вопрос жизни, который себе же и задал: «Зачем все это?» Известна ли нам его мечта о светозарном человечестве? Вернадский, Чижевский, Вавилов... Чистые страницы, предмет возможного интереса мастеров экрана. Пушкин, наконец (с Лермонтовым мы уже разобрались).

Не забудем, надеюсь, и людей сегодняшних, ныне живущих на одной с нами земле, рассеянных по огромной нашей равнине. Скромных, добрых, злых. И зачастую очень бедных. Это они в отдалении своих деревень и поселков смотрят наши московские телепередачи, как сигналы с Марса. Что мы знаем о них, об их жизни? А они — это всё. И мы от них.

XXI век. Я жду от него самого главного открытия. Должен произойти решительный сдвиг в самой отсталой науке и самой важной — науке о человеке. Том самом, который «мера всех вещей». О котором знаем пока ничтожно мало. И кинематограф с его возможностью заглянуть в глубину наших глаз, в пропасть человеческой души пусть движется параллельно научным изысканиям, способствует им, а в чем-то вдруг и опережает. Если не ошибаюсь, Андрей Платонов в письме к жене писал: «Невозможное — невеста человечества. К невозможному летят наши души». Будем же ставить себе «невозможные» задачи, пытаться отвечать на «проклятые» вопросы. Иначе не будем двигаться вперед. «А остановка — это смерть» (закон жизни).

— **Расскажите, как вам чуть не поставили памятник...**

— А, это было после «Агонии». Она уже «отдыхала на полке», но надежды у меня еще теплились. Меня пригласили в большой кабинет. Хозяин кабинета, человек ко мне сочувственно относившийся, знал тогда мое положение лучше меня. «Вот что, давай делай фильм о Февральской революции с переходом в Октябрьскую, короче, о семнадцатом годе. Сделаешь — памятник поставим при жизни». Я спрашиваю: «А до иконы можно дотронуться?» «Нет, нельзя». «А хотя бы пыль стереть?» «Нет». «А правду тех событий показать, назвать всех исторических персонажей?» «Нет, — говорит, — не стоит». «Ну, — говорю, — тогда памятника мне не надо».

А ведь поставили бы. Жаль.

Наталия ИЛЬИНА

Д

орогие друзья! Вот стоит самовар. Я пригласил вас на чашку чая для беседы о нашей молодой литературе», — сказал первый секретарь правления Союза писателей СССР В. В. Карпов.

Беседа за чашкой чая демонстрировалась по телевидению весной минувшего года. А осенью журнал «Молодая гвардия» (№ 9) опубликовал отчет еще об одной встрече, где речь шла о том же: о «молодой литературе». Назывался отчет так: «Дискуссионная трибуна».

«Проблема молодых начинается с отношения к нам...» — было сказано на трибуне.

Какова же эта проблема? И что такое «молодая литература»? Прежде такой категории, мне кажется, не существовало. Чем вызвано стремление отделить творения молодых от творений немолодых? И какова паспортная грань, отделяющая одних от других?

лет делали со словом, то это процессы, родственные строительству Калининского проспекта или созданию проекта поворота рек».

Проследим за полетом этой мысли. «Делали со словом» следует понимать так: «издевались над словом». Над каким? Над русским. Лица, не уважающие русское слово, способны надругаться и над русской стариной, и над русской природой. Этими логическими построениями оратор вышел к волнующей всех проблеме поворота рек. И намекнул: если сегодня три упомянутых поэта к этому повороту пока отношения не имели, то завтра вполне могут повернуть что-нибудь другое.

А вот как ораторы на трибуне возражали критикам, усомнившимся в художественной ценности романа В. Белова «Все впереди».

«Дело — в проявлении четкой авторской воли и последовательной гражданской и патриотической позиции... которая, видимо, не всем «по нутру».

«Не случайно в боли за свой народ... у нас многие готовы усмотреть нечто крамольное».

«Можно по-разному оценивать этот роман с точки зрения художественности, но в нем Белов хотел, говоря словами Достоевского, «вполне высказаться», сказать правду, пусть горькую, о нашем времени».

ЗДРАВСТВУЙ, ПЛЕМЯ МЛАДОЕ, НЕЗНАКОМОЕ...

Один из выступавших у самовара сказал: «Вы посмотрите, кто здесь сидит, разве это молодые?.. Я насчитал трех человек в возрасте до 30 лет. И наверняка много народу за сорок...»

На что В. Карпов ответил, что к самовару приглашены те, «кто уже апробировал свое перо, уже встал на крыло», выпустив одну, а то и две книжки. Короче говоря, «те, кто уже завтра мог бы встать с нами рядом». Добавил, что перемены, происходящие в стране, требуют усилий во всех сферах, в том числе и в литературе. «И нужны немалые силы... Они у нас есть, эти немалые силы...»

И в самом деле! Нынче «писателями» официально поименованы более 10 000 человек. Но, увы! Средний возраст этих тысяч — около 60 лет.

Как же должны отразиться в литературе перестройка и ускорение? «Не в том, конечно, — сказал В. Карпов, — что писатели будут ручкой водить быстрее или бегать вокруг стола бегом».

Шутка. Попытка хозяина развеселить гостей, сидевших у самовара с лицами скорее мрачными. Улыбок не последовало. Тогда руководитель СП СССР продолжил свою мысль, сказав, что «перестройку и ускорение» он видит «в подключении вас. Не тогда, когда мы уйдем, а сейчас вы должны встать с нами рядом... и делать то большое дело, которое от нас ждут и народ, и партия, и история».

Итак, если средний возраст одних 60 лет, а других — 40, то эти другие и считаются молодыми. «Условно молодые» — назвала их одна из участниц дискуссионной трибуны.

Познакомившись с выступлениями тех, кто говорил у самовара, и тех, кто говорил на трибуне, я нашла у них много общего. Вот, например, полемические приемы, какими они пользуются.

У самовара было сказано так:

«...если судить Евтушенко, Вознесенского и Рождественского по тому, что они на протяжении этих

Критики, значит, обвиняются в том, что патриотизм им «не по нутру», боли за свой народ они не испытывают, и все это «не случайно»!

Однако именно Достоевский утверждал: как бы ни были превосходны побуждения автора, но если ему не удалось их выразить художественно, то произведение его цели не достигнет. Речь шла о «народных рассказах» писательницы Марко Вовчок, вполне четко, но малохудожественно выразившей боль за народ, томившийся в крепостной зависимости. Не заподозрить ли Достоевского в равнодушии к народной боли и в симпатии к крепостному праву?

Фильм «Легко ли быть молодым?» шел в свое время в Малом зале кинотеатра «Россия», а в Большом зале показывали фильм «Борис Годунов». Стоило автору одной статьи заметить, что в Малый зал стояла очередь, а в Большой зал зритель особенно не стремился, как на этого автора обрушиваются с трибуны такими словами:

«Легко ли быть молодым?» противопоставляют «фильму «Борис Годунов», на который якобы не идут зрители. На кого же в поход зовут усталую и разувешуюсь в мнимых ценностях сегодняшнего дня молодежь? На отечественную историю? На ее уроки, обнаженные в трагедии Пушкина?»

С помощью словечка «якобы» ставится под сомнение тот факт, что Большой зал переполнен не был. Автор же статьи, об этом упомянувший, обвинен в том, что зовет молодежь «в поход» на отечественную историю...

Но если этим молодым златоустам кажется, что они сами изобрели эти полемические приемы, — то я их разуверю. Это все уже было! И прозаики, и поэты, и критики уже обвинялись и устно, и письменно в ненависти к своему народу и его истории. И словечко «якобы» в этих обвинениях мелькало. И злое намеки, начинавшиеся словами «не случайно...», имели место. Некогда популярные слова

«вредитель» и «враг народа» из сегодняшнего лексикона выпали, они лишь подразумеваются. Подобный ораторский прием словари толкуют как подлаживание под вкусы малосознательной части масс для достижения своих целей. Прием этот стар, как мир! Если им пользовались для нападения на лиц, занимающихся литературным трудом, то цель обычно была такова: согнать этих лиц со страниц печати. И ведь были у нас периоды, когда цель достигалась! Обвиненные авторы со страниц печати исчезали. И еще, слава богу, если только со страниц печати...

И те, кто выступал у самовара, и те, кто ораторствовал на трибуне, неодобрительно относятся к той оттепели, которая наступила после XX и XXII съездов партии.

У самовара:

«...пережили в истории советской два трудных периода. Это когда издавали пустые книги славословия... и с другой стороны, когда мы в 60-е годы пустили вот эту ползучую гидру фрондерства на литературный фронт...»

На трибуне:

«...в период всеобщего попустительства был нанесен серьезный урон основополагающим нравственным ценностям советского народа».

Знакомые слова! Что они напоминают? А вот что:

«...планомерно и целеустремленно культивируется тенденция скептического отношения к социально-моральным ценностям советского общества...»

Это из письма, подписанного одиннадцатью членами Союза писателей*, опубликованного журналом «Огонек» (№ 30, 1969 г.) и озаглавленного так: «Против чего выступает «Новый мир»?». Есть и еще совпадения. В письме сказано: «размывание идеологических рубежей», а с трибуны говорят о подмывании национальных корней...

Быть может, современные златоусты по молодости лет и невинности не знают, что их обвинения чуть не слово в слово перекликаются с обвинениями, брошенными «Новому миру» Твардовского? Дослушаем, однако, того, кто говорил о «попустительстве». Он выражает опасение, как бы наша сегодняшняя гласность «не превратилась в попустительство гласности: так вновь преуспеют те потакальщики, которые и господствовали в период попустительства».

Авторы письма в «Огонек» этих опасений не выражали. Весной 1969 г. Твардовскому не дали опубликовать поэму «По праву памяти» и к июлю — когда появилось письмо — борьба против демократизации и гласности была уже успешно завершена. Почти. Не сдавался лишь «Новый мир», продолжая развивать идеи XX съезда, говоря правду о наших бедах. И в знаменитом письме журнал обвиняют в «кошунственном» отношении к прошлому, в «глумлении» над настоящим, в «очернительстве» и «космополитизме». К февралю 1970 г. цель была достигнута: журнал был вырван из рук Твардовского, и, не защищенный его именем, его авторитетом, поставлен на колени...

Чуть не двадцать лет прошло, и появляются эти, «из другого поколения», а глядите, как они похожи на тех, кто беззаветно сражался против демократизации и гласности! Можно ли в это поверить? Можно. Вот как они относятся к сегодняшнему возрождению гласности.

У самовара:

«А я считаю, что нужно не критиковать, а утверждать, утверждать то, что уже есть».

«Я против критиканства, категорически против, против показания этих самых только негативных явлений».

(«Показание явлений»... Но из уст этих молодых мастеров пера мы еще услышим такие словосочетания, как «негативные пороки» и такие выражения, как «его привели в качестве критерия качества» и многое другое...)

На трибуне:

«Слово должно и способно стать единящей силой перестройки. Но что для этого нужно? Разжигать ажиотаж новыми «открытиями» давно известных и отнюдь не «забытых» истин? «Смелыми» публикациями «гонимых» прежде авторов или (?) их произведений?»

Зачем столько кавычек? А затем, чтобы сказать: открытый нет, смелости тоже нет, а гонимых авторов и вообще не было...

«Может быть, и впрямь плохи наши дела, если от писателя требуют гласности? От русской литерату-

* Михаил Алексеев, Сергей Видулов, Сергей Воронин, Виталий Закруткин, Анатолий Иванов, Сергей Малашкин, Александр Прокофьев, Петр Проскурин, Сергей Смирнов, Владимир Чивилихин, Николай Шундик.

ры ТРЕБУЮТ, для которой и в прошлом не было ничего важнее ПРАВДЫ...

Золотые слова! Сколько в них любви к родной литературе! И ведь так и есть: стремился русский писатель писать правду. Он-то стремился, но... Стихи «На смерть поэта» Лермонтова ходили в списках, впервые опубликованы за границей. «Демон» — тоже. С романом «Воскресение» у Толстого были большие неприятности. Что же касается XX века, то у Платонова, писавшего правду, у Булгакова, писавшего правду... Надо ли продолжать?

«...некоторые редакторы, пользуясь гласностью, начали усиленно гоняться за сенсациями. Время идти вперед, вскрывать новые проблемы...»

«Скажем, разоблачение лысенковщины нужно, но национальной культуры этим не обогатишь».

Значит, оратор, спасибо ему, не против разоблачения лысенковщины, но умеренного. Не романы же об этом писать!

С трибуны раздавались голоса, возражавшие против предстоящей публикации романа «Доктор Живаго». Один — на том основании, что роман этот «весьма слабый», а другой — потому что роман «уже переживан на Западе». Не по душе некоторым и публикация прозы Набокова. По словам одного оратора, Набоков был «наиболее чтимый на Западе из писавших на русском языке». Этим знатокам Запада неведомо, что ТАМ обратили внимание на Набокова именно и только тогда, когда он ПЕРЕСТАЛ писать на русском языке.

«...нынешняя переоценка ценностей подлинных ценностей все же не касается... Пока я не слышал, чтобы кто-то восторгался новыми духовными открытиями, и сам я таких открытий не вижу... Есть ли у нас такие писатели, которые шли впереди перестройки, которые своей деятельностью подготовили ее? Есть. Виктор Астафьев, Василий Белов, Валентин Распутин, Сергей Воронин, Юрий Бондарев, Петр Проскурин, Михаил Алексеев, Иван Тарба...» и другие.

Как интересно! Трое из здесь названных были среди тех, кто написал письмо, обвинявшее «Новый мир» Твардовского, среди прочего, еще и в издевательствах «надо всем, что связано с любовью к отчим местам, к родной земле, к деревне и почему-то особенно к русской старине». И вот через двадцать лет мы узнаем, что авторы этого письма готовили перестройку! Если то, к чему их деятельность привела, называть «перестройкой», становится понятно, почему для этого оратора ни поэма Твардовского, ни «Реквием» Ахматовой подлинными ценностями не являются.

В том, что звучало с трибуны и говорилось у самовара, обнаруживается немало общего. Перед нами представители одной группы?

Ни в коем случае! Когда один из гостей высказал за чайным столом такое предположение, то остальные гости на него очень рассердились.

С трибуны разъяснили, что группировок среди представителей «молодой литературы» и вообще нету. Другое есть: «...противоборство двух подходов к литературе, культуре, истории, наконец, жизни, один из которых стремится привить безразличие к коренным вопросам бытия, а другой, сколько хватает сил, утверждает народные и единственно плодотворные устои».

Итак, большинство выступавших у самовара и на трибуне — это представители «подхода, утверждающего народные устои». И те, и другие просили старших, облеченных властью товарищей помогать им, молодым, эти устои защищать.

На трибуне:

Молодым литераторам «надо помогать. Как? Прежде всего предоставляя возможности больше и быстрее печататься. Творческому становлению молодых помогло бы и издание литературного еженедельника».

У самовара:

«Та ситуация, которая сложилась сейчас в литературе с молодыми, она совершенно ненормальная... я дожид уже до брюшка и до лысины... Но вот 25 лет пребываю вроде как в молодых писателях... но для меня как для писателя ни Союз писателей, ни ЦК ВЛКСМ ровным счетом ничего не сделали».

На трибуне:

«Плохо, когда молодые литераторы встречаются с равнодушием, не получают должной поддержки... дележ отпущенного «листажа» делают зачастую люди, которые видят в молодом писателе не товарища, не коллегу, а конкурента».

У самовара:

«...стоит издателям поменьше бояться, тем более мы ведь никакой аморальности не несем, никакой антисоветчины не несем. Ведь мы несем что? Новые взгляды на то, как сделать нашу страну лучше».

Просьбы молодых были услышаны: «Теперь насчет административных форм помощи. План издательства «Советский писатель» утверждается на секретариате... Мы сказали издательству: половину почти рукописей писателей уже именитых, печатающихся, из плана изымите. И поставьте молодых. Если б вы знали, сколько мы нажили себе врагов!» В. Карпов

добавил, что редсовет издательства состоит из «очень именитых писателей, переживающих за судьбы литературы и за вас в том числе».

Итак, «дележ листажа» состоялся: именитых убрали, «молодых» включили. О каких «именитых» речь? Словарь Ушакова утверждает, что прилагательное «именитый», ныне устарелое, означало важное, значительное лицо и чаще всего применялось к купцам: «именитое купечество». Но слово к нам возвратилось в двух значениях: в первом случае «именитый» было попросту произведено от существительного «имя», а во втором — в точном соответствии со значением, указанным в словаре: лицо важное, значительное. Слово, еще в 30-е годы названное Ушаковым «устарелым» (видимо, из-за исчезновения купечества), вновь вернулось к жизни. Ибо из кого состоит редсовет издательства? Из лиц важных, значительных. Вот им ничего не стоило выкинуть из плана почти половину рукописей, возможно, договорных. А сделано это по распоряжению еще более «именитых» — членов секретариата Союза писателей. «Листаж» поделили в пользу «молодых», называя это «омолаживанием литературы» и весомым вкладом в дело перестройки...

* * *

В. В. Карпов сказал, что на чаепитие приглашены те, на кого можно положиться, кто уже «встал на крыло», уже выпустил одну-две книжки. Тех, на чьи плечи, как выразился один из приглашенных, завтра ляжет то, чем занимается нынешняя администрация Союза писателей. Это значит, что они вот-вот могут стать «очень именитыми» и начнут сами производить «дележ листажа».

Надо все-таки познакомиться хоть с какими-то произведениями представителей «молодой литературы». Что, интересно, пишет тот, кто жаловался у самовара, что для него, как для писателя, за 25 лет никто ничего не сделал? Узнаю, что он выпустил сборник рассказов и критических статей тиражом в 50 000 экз. и книжку в «Б-ке «Огонек» тиражом в 80 000 экз. Надо прочитать. Заодно познакомиться с кем-нибудь из поэтов. Тут мой выбор был случаен. Увидела в магазине тоненький стихотворный сборник с портретом автора. Знакомое лицо! Где я его видела? Ах, вон где: тоже сидел у самовара.

Начнем с прозаика. Сергей Лыкошин. «За белой стеной» («Совершенно», 1984 г., тираж 50 тыс. экз.). В первом рассказе мы знакомимся с дипломатом по имени Олег. Он работает за рубежом и с тоской по родине борется вот каким рассуждением: «Я профессиональный дипломат. Я должен понимать, что мое дело — отстаивать интересы Отечества в пределах чуждых — такое же необходимое, как и дело врача, военного, учителя».

В город приезжают на гастроль наши артисты и среди них Стас — друг юности Олега. Олег мечтал в беседах с другом «отвести истосковавшуюся по родным местам душу». Но, увы. Не нравится Олегу поведение Стаса, попавшего за рубеж. «Олег сегодня поймал этот взгляд, пристально рассматривающий какие-то безделушки на полке книжного шкафа. Взгляд недобрый, с оттенком обиды. Бесконечные разговоры о барахле... восхищение мертвыми камнями и витринами...» О каких «мертвых камнях» речь — непонятно. Остальное понятно. Стас: а) завидует убранству квартиры друга; б) восхищен зарубежным изобилием. Олег-то «знал цену этим лощеным мостовым, забитым товаром магазинам, аккуратным прическам и холодным глазам». А Стас при виде «лощенных мостовых» и всего прочего такой же моральной выдержки не проявляет. Хуже того, «что за униженность в этих беседах с приехавшими из западного сектора театральными оболтусами из полупропагандистического и никем не посещаемого театра!» Итак, Стас, очутившись за рубежом, не сумел сохранить присущее нашему человеку достоинство и заискивает перед оболтусами только потому, что они живут на Западе среди изобилия. Но самое неприятное в поведении Стаса — это то, что он за время пребывания на Западе не испытывал тоски по Родине! «Кто-то, кажется, Стефан Цвейг, говорил (вспоминает Олег), что у русского человека ностальгия начинается в тот момент, когда он переезжает границу и покидает Родину... Бред! Как весел, больше того, счастлив до безтактности, до неприличия был все эти дни Стас».

Не прав Стефан Цвейг! Вот Стас. Если он иной раз и падал духом, то только от зависти, а так все время веселился. На вокзале в день отъезда: «Дурачился... рассказывал глупейшие анекдоты и ничем не выразил ни малейшего сожаления в связи с предстоящей разлукой. Олег-то знает эти минуты, как не терпится сесть в вагон поезда и не спится ночью до самого приезда в Брест... Нет, молодой парень из их труппы, кажется, Виктор, вел себя куда достойнее. У него хоть какая-то грусть все время в глазах была».

Итак, Олегу хочется, чтобы его старый друг все дни пребывания в городе ходил «хоть с какой-то грустью в глазах»? Но если сам Олег утешает себя тем, что отстаивает интересы «Отечества в пределах чуждых», то и Стас мог утешаться этим же. Он

явился в эти «пределы» работать! «Грусти в глазах» уж в крайнем случае можно требовать от туристов — эти-то на Западе ничего не отстаивают, а едут исключительно развлекаться.

Ну, а почему же Олега раздражает веселье Стаса на вокзале? В этот радостный день, когда такие, как Олег, от счастливого предвкушения встречи с родными местами не могут заснуть до самого Бреста, в этот-то светлый день почему не повеселиться? Олег обижен, что старый друг «не выразил ни малейшего сожаления в связи с предстоящей разлукой». Но, быть может, Стаса так радовала предстоящая встреча с родиной, что он и с другом расставался без сожаления? Уж это-то Олег мог понять и простить? Но, нет! Он не прощает Стасу ни веселья во время пребывания на Западе, ни веселья в день расставания с Западом. Чем это объяснить?

Но был ли Олег? И Стас был ли? Не вызывают доверия эти персонажи! Произведение, здесь цитированное, явно не имеет отношения к художественной прозе. Оно скорее напоминает инструкцию, адресованную бюрократам гражданам, выезжающим за границу. Им предписывается: ходить с грустью в глазах, на витрины не пялиться, на шею чужеземцам не кидаться. А вот как вести себя на вокзале в день отъезда на родину — четких указаний нет.

Прочитаем еще рассказ... Некий Мещеряков решил остаться холостяком. Почему же он избегает брака? Автор объясняет это тем, что Мещеряков не хотел иметь детей. Сам он вырос без отца, очень страдал и завидовал сверстникам, у которых отцы были. «Именно поэтому, от жестокой сердечной тоски, пережитой в детстве, решил он исключить из числа возможных вариантов с мукой его ребенка».

После варианта с мукой ребенка у меня исчезло желание продолжать знакомство с произведениями прозаика. Перейду к поэту. Борис Маслов. «Письменный подоконник» («Молодая гвардия», 1986 г., тираж 6 тыс. экз.):

*Взгляд ветерана строг и светел,
Он на войне героем был,
Но нам сказал, что не заметил,
Как немца первого убил.*

*...Служил Гаврила хлебопеком
Гаврила булку выпекал...*

Прошу прощения, «Гаврила» тут ни при чем. Почему-то вдруг вспомнился. Продолжим стихи:

*...от страха. И потом сурово
глядел на наш притихший класс.
И рассказал нам про второго
все, как запомнил. Без прикрас...*

*Гаврила ждал в засаде зайца,
Гаврила зайца подстрелил...*

Опять Гаврила! Почему стихи молодого поэта упорно вызывают к жизни Гаврилу? Нет. Опасаясь его нового появления, я не буду цитировать последнюю строфу. Речь идет о том, что ветеран рассказывал школьникам жестокую правду о войне, не щадя их нежных детских душ. «Но о войне и надо так!» — восклицает автор.

А вот о ветеране «надо ли так»? Плясовая интонация, уместная для рассказа о похождениях Гаврилы, совершенно не пригодна для той задачи, какую пытался поставить перед собой поэт. Поэт ли? Вот еще стихи.

*Написал он о многом
За месяц в больнице,
А оставил: «...у окон
Побиралися птицы...»*

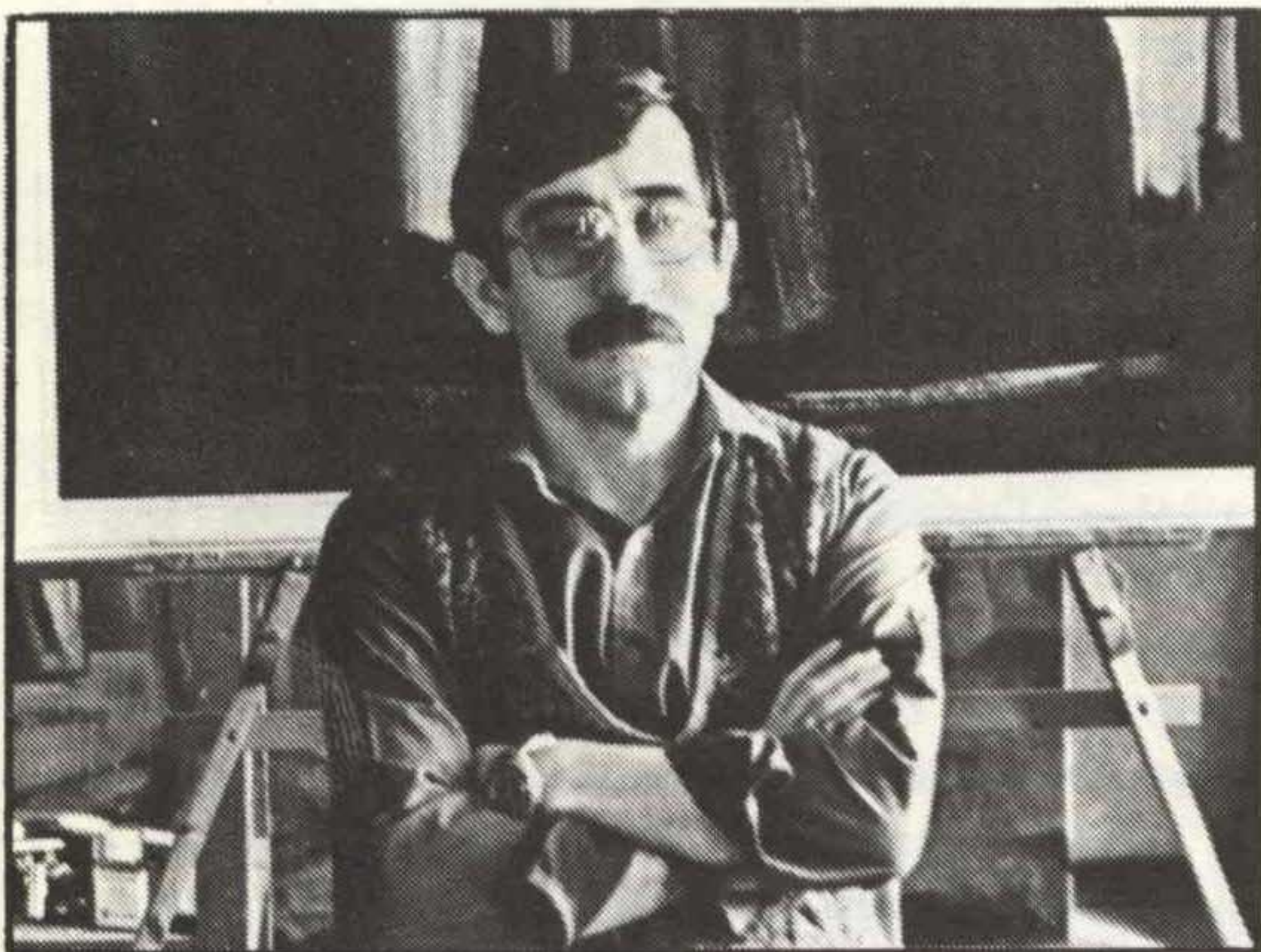
*Он замучил соседей своих сквозняком,
От окна оттолкнул одного старика
И почти что подрался с другим стариком,
Замахнулся... но руку сдержала строка.*

*Написал он о многом
За месяц в больнице
«Трам-па-пам-па... у окон
Побиралися птицы».*

Но если из всего им написанного он всего и оставил: «трам-па-пам-па... у окон побиралися птицы», а остальное самокритично отбросил, то каково же было это остальное? И интересно, между прочим, какая именно строчка удержала руку лирического героя, замахнувшегося на старика? А впрочем, неважно! Какая бы она ни была — благодаря ей старика не побили, и то слава богу!

Допустим, что две мной прочитанные книжки нетипичны. Такие попались, не повезло. Тем более что последнее время в журналах стали появляться новые имена, сразу обратившие на себя читательское внимание. Каков возраст этих одаренных авторов? Не знаю. И читателю до этого дела нет. Ибо не было в России такой категории — «молодая литература». Другое было: либо человек имеет право называться «писателем», либо не имеет. Это право заслуживалось только одним: достоинством произве-

Продолжение на стр. 25

МГНОВЕНИЯ, СОЕДИНЕННЫЕ СО СТОЛЕТИЯМИ...

Ю. С. ГРИГОРЯН.
Род. 1946.
КОРМИЛИЦА. 1986.

С

еления в горах. Их возраст — столетия. И кажется, что за этот срок домики на склоне горы, приблизившись друг к другу под влиянием взаимного притяжения, превратились в единое целое.

Со стороны такое селение поражает прочностью и неизменностью, противостоящими потоку времени. Если же увидеть его изнутри, откроется внутренняя суть этой прочности и неизменности: духовная стойкость здешних жителей, их безграничная верность, стоическое терпение и мужество,

не ведающее о себе... Чтобы ощутить и передать все это, нужно, во-первых, родиться здесь, а во-вторых, родиться художником.

Когда я смотрю на работы Юрия Григоряна — он родом из села Завадых в Нагорном Карабахе, — то ощущаю, сколь естественно и прочно соединено каждое мгновение, запечатленное им, с предшествующими столетиями. В картинах художника словно бы сконцентрирована эмоциональная энергия разных времен. И вместе с тем в них есть строгость и сдержанность, поскольку герои Григоряна — это люди, которые научились сами и передали детям и внукам умение с достоинством встречать радость и горе, не позволяя себе ничего лишнего в выражении чувств. Но тем заметнее их внутренняя значительность.

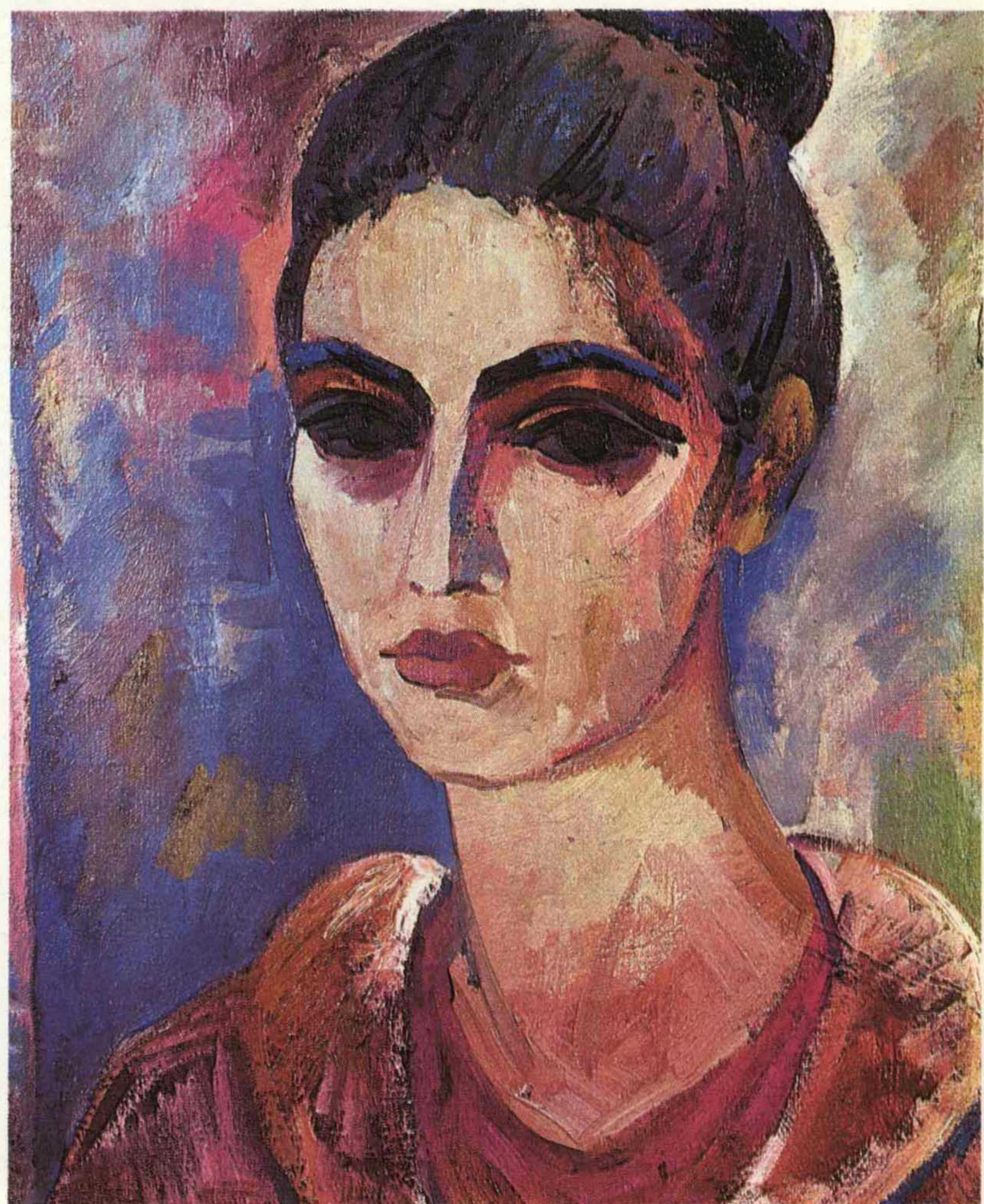
— Я получаю огромное удовольствие, рисуя армянских женщин в национальной одежде, — говорит художник. — В ней главенствуют три цвета: красный, синий и желтый. Эти цвета окрашивают всю историю Армении. Их я чаще всего и использую...

Цвет в картинах Григоряна едва ли не главное средство выразительности. Именно цвет определяет эмоциональный строй картин, выбирая для себя предметы и насыщая пространство.

Художник не стремится с фотографи-

ПАМЯТЬ
О ПОГИБШИХ.
1984.

ПОРТРЕТ ИРЫ.
1977.

ческой точностью воспроизвести каждый предмет. Для него важнее другое — воссоздать соединенность времен, превращение детского волшебства, одухотворяющего все вокруг, в мудрость взрослого.

— Мой отец был железнодорожником, — рассказывает Григоряна. — В детстве его профессия представлялась мне почти сказочной. Когда я видел поезд, то всегда с гордостью прочитывал надпись на паровозе: «СУ» и номер. Я был уверен, что эти две буквы — начало имени моего отца (его звали Сурен) и что таким образом отмечаются его необыкновенные заслуги.

Странно, но и сейчас в глубине моей души живет убеждение, что в те времена, когда по рельсам бегали паровозы с маркой «СУ», все именно так и было...

И еще одно впечатление, которое я, наверное, сохраню на всю жизнь. В моем родном селе живет женщина, которая в годы войны потеряла мужа, осталась с двумя маленькими детьми. Вырастила их, сейчас воспитывает внуков. Но когда я вижу ее, мне кажется, что она только сегодня получила похоронку...

Думаю, что все творчество Юрия Григоряна находится между двумя полюсами, один из которых — детская вера в сказочность реальности, которая прячется в оболочке повседневности, а другой — бессонная память о войне, о трагедии каждой отнятой жизни, каждой изувеченной судьбы.

Андрей БАТАШЕВ

ЗДРАВСТВУЙ, ПЛЕМЯ МЛАДОЕ, НЕЗНАКОМОЕ...

Начало на стр. 23

дения. Талантом. «Таланту ничего не нужно!» — говорил Твардовский. Это значит: талант повышенного внимания к себе не требует, рукописи свои не «пробивает», путь к читателю ищет САМ. А ведь многие из тех, кто выступал у самовара и на трибуне, только тем и занимались, что требовали, обвиняли, жаловались, да еще объявили о существовании «проблемы молодых», решение которой зависит от отношения к НИМ!

Так смею ли я, ознакомившись всего с двумя книжками, делать какие-то выводы? Смею. И вот почему. Скажите откровенно: можно ли, имея за душой такие тексты — выше цитированные, — чего-то требовать? А требуют! И требования удовлетворяются. Издают эти тексты, не жалея на них «листажа» и заодно не жалея читателя. И кто мне поручится, что среди произведений других выступавших мы не найдем ничего похожего? Ведь, судя по языку, каким некоторые из них выражали свои мысли, такое подозрение не беспочвенно... Между прочим, один из выступавших у самовара сообщил, что, готовясь к чаепитию, он просмотрел 167 книг молодых поэтов, и все они являются «совершенно одинаковыми». В этом он винит издателей, которые «не дают молодым открывать и открываться», но меня в этом сообщении поразило другое: цифра. Подумать только! Членов Союза писателей свыше десятка тысяч, а недавно возникших и уже издающих свои книги поэтов — чуть не две сотни!

Как это объяснить? Быть может, литературный дар сегодня уже не является неперенным условием для того, чтобы числиться в писателях? К образованию, видимо, тоже особых требований уже не предъявляют?

Попробуем разобраться.

Представителей «молодой литературы» просили помогать воспитывать подрастающее поколение. А вот как их самих воспитывали? Каковы были литературные нравы в годы молодости тех, кому сейчас под сорок, и в годы ранней юности тех, кому под тридцать? Что говорилось вокруг них? Что они слышали?

А слышали они о том, как богато живут писатели. Не все, конечно, а те, кто занимает ответственные посты: члены секретариата СП, директора издательств, главные редакторы журналов. «Писатель без власти — никто!» Эти слова я услышала из уст жены одного из секретарей СП, а заодно и главного редактора толстого журнала. В те годы — более двадцати лет назад, эти слова меня рассмешили. Скоро я поняла: смеяться было рано.

Этот главный редактор в подведомственном ему журнале печатал свой многостраничный роман — вторая половина 60-х годов. Однажды, зайдя в редакцию этого журнала, я услышала рыдания. Раньше мне не приходилось слышать, чтобы в рабочее время, на рабочем месте так отчаянно рыдали, а главное, все вокруг спокойны, на помощь никто не кидается, смех, разговоры, машинки стучат. Спрашиваю: что это?

— А-а, — отвечают, — это наша сотрудница. Рукопись главного читает и правит. Работа тяжелая, требует уединения, ей и выделили уголок под лестницей.

— Но почему?

— А у нас редакторша первоклассная, Главный ее ценит, боится, как бы в другой журнал не переманили, вот и избавил ее от предварительной работы. Эту бедняжку засадили вычитывать и ошибки исправлять. Целые абзацы приходится переписывать! Еще хорошо, если поймешь, что автор сказать хотел, а бывает, и понять-то невозможно! Видно, опять на такой абзац наткнулась, нервы и не выдержали. Вторую неделю под лестницей сидит.

Рыдания смолкли. Значит, страдальца какой-то выход нашла и успокоилась. Я представила себе маленький стол, втиснутый в уединенный уголок под лестницей, и эту мученицу, склонившуюся над рукописью, над исчерканной, над залитой слезами рукописью...

Начало восьмидесятых. Сидя в поликлинике (оче-

редь к врачу), я услышала, как одна писательская жена хвастается другой писательской женой:

— Мой-то! Четырехтомник себе в Гослите выбил!

А другая фальшивым голосом сказала, что очень рада и поздравляет. И я подумала, что худо придется сегодня мужу этой другой. Много чего он услышит, вроде: «Сидишь как пень! Под лежащий камень... Некоторые вот умеют... А чем он лучше тебя? Да позвони ты такому-то, он же тебе обещал!»

Кое-что, значит, я слышала своими ушами. И все же с трудом верила слухам, ходившим о тех, кто занимается посты, — о «наиболее именитых» и «очень именитых».

Говорили... Что один из них, например, свои многотомные романы печатает: а) в толстых журналах, б) отдельными изданиями, в) в «Роман-газете», г) в томах «Избранного» и д) в собраниях сочинений. Все это переиздается в национальных республиках на двух языках: на родном и на русском. Тиражи — многомиллионные. Издается трехтомник «Избранного» и жены именитого миллионщика. Включились и дочки. Старшая переводит с языков народов СССР (толстые журналы, отдельные издания, «Роман-газета»), младшая... Младшая, кажется, тоже что-то пишет...

А вот что говорили еще об одном... Пока он не стал «очень именитым», держал себя скромно, писал иногда в газеты статейки... Но вот он занял пост директора издательства и сразу ринулся в художественную литературу. Роман написал. Повести. Рассказы. Все это объединил в один сборник. Сборник будто бы несколько раз выпустили все существующие в Москве издательства, а вскоре включились и издательства периферийные. И будто только в одной Москве тираж сборника превышает миллион экземпляров! Я отказывалась этому верить. Быть не может! Да каким же образом?

Мне отвечали:

— Очень простым. Например: в одном московском издательстве работает его сноха или невестка, черт, я вечно в этом путаюсь, короче: жена сына. Значит, наш директор издает у себя книги начальника этой снохи, а начальник пробивает у себя произведения директора...

— А сноха-то при чем?

— Через нее связь установили. Тем временем деверь сына директора...

— У мужчин, кажется, не девери, а шурины. Впрочем, я сама в этом нетверда...

— Неважно! Какой-то, в общем, родственник, так вот он... А что касается периферии, то наш издает ихних директоров, а они — нашего. Теперь, значит, свояченица редактора толстого журнала...

Голова шла кругом от этого хоровода родственников и свойственников. Я долго не верила. Но наша печать постепенно приучала меня верить в эту паразитическую пробивную силу «очень именитых». Я имею в виду статьи, посвященные их творчеству.

Вот, например, едва успела выйти книга одного из них, как толстый журнал посвятил отклику на это произведение 14 страниц: две колонки, шрифт мелкий. Много интересного узнаем мы об этом писателе...

Его «основная характеристическая черта» — «нераздельность художника и мыслителя...» В его произведениях «позция чудным образом произрастает из самой жизни, наполняясь глубоким философско-психологическим содержанием, трепетным человеческим чувством и беспокойно ищущей мыслью».

В статье упомянут Флобер, советовавший пристальнее вглядываться в его произведения. Нам же советуют столь же пристально вглядываться в творчество рецензируемого писателя. «Однако недостаточно лишь пристально вглядываться, надобно, по словам великого Гоголя, много «глубины душевной, дабы озарить картину», взятую из жизни, и «возвести ее в перл создания».

От кого же, боже мой, требуется душевная глубина? Не от нас же, читателей! Ведь мы ничего не озаряем и в перл создания не возводим. Нам бы только суметь пристально вглядываться, а возводить в перл — дело не наше. Автор статьи неясно выразил тут свою мысль. Но сам-то он вгляделся и взволнован: «Уже с первых строк покоряет, властно захватывает... пиршество красок и звуков, блистание природы, ликование жизни...» «Искусство высокого класса...»

Внезапно на сцене появляется древнегреческая трагедия. «Она... и сегодня потрясает нас... Проходит время, является новый художник и творит иную трагическую ситуацию».

Следует обширная цитата из рецензируемой книги. Но внезапно автор статьи прерывает себя: «Опускаю два абзаца — не могу, сердце болит... Продолжаю следующий...»

Боль, пронзившая сердце критика, говорит о том, что наш современный писатель не хуже древних греков умеет ранить души трагедией.

Еще обширная цитата: приводится описание печального события — похорон. «Согласитесь, — с дружеской доверительностью обращается к читателю

автор статьи, — во всем этом есть нечто от Реквиема Моцарта с его мужественной скорбью...»

Прямое отношение к нашему писателю имеет и Шиллер, сказавший, что «истинное искусство только то, которое доставляет высшее наслаждение». А также Гораций: этот советовал примешивать «к своей мудрости немного безумия».

Легко догадаться, что писатель, о ком тут речь, и высшее наслаждение умеет читателю доставить и, чтобы не слишком утомлять его своей мудростью, умеет вовремя примешать к ней немного безумия: «...сверкает... ослепительной искрой, разряжая напряженную обстановку», — как сказано в рецензии. К тому же наш писатель «улыбчив», не чужд юмора. В его юморе «слышится только ему присущая смысловая интонация, мягкая, душевная, прозрачная и ободряющая». Тут на сцену выводят Лескова, Сервантеса и Достоевского. Ибо в юморе писателя «есть нечто от смеха Лескова — доброго, искреннего, с искоркой лукавства и затаенной грусти, много думающего человека». А Сервантес с Достоевским в своем творчестве «отразили две стороны бытия — комическую и печальную». Это же отражает и наш писатель.

Да и жанр, в котором он недавно стал работать, — жанр особый. Ну, «любитель аналогий... может отыскать... и нечто из «Диалогов» итальянца Джакомо Леопарди, из произведений француза Бертрана, даже из древнейших памятников арабской художественной культуры и так называемых стихов Библии...» Ко всему этому добавляю, что и наш родной И. С. Тургенев в этом же похожем жанре что-то там писал, однако, так, да не так! Ведь это писатели разных эпох! А значит, о жанре современного писателя «можно говорить... как об оригинальном жанре, не имеющем аналогов в русской литературе».

А что это значит — быть оригинальным? Разъясняют: «Например, с точки зрения Канта, оригинальность должна быть первым свойством гениальности...» Следом упомянуты Гете и Л. Н. Толстой — им тоже удавалось быть оригинальными.

Вот на этом, думается, автору статьи следовало бы остановиться: дальше идти уже некуда! Но, оказывается, есть куда! Оказывается, наш писатель еще и умеет «опережать общественное сознание...» «...Это свойство великих мастеров. В равной мере оно характеризует и комедии Аристофана, и «Аппасионату» Бетховена, «Войну и мир» Толстого, «Тихий Дон» Шолохова».

Эти выразительные цитаты, доказывающие нам, что рецензируемый автор — «великий мастер», а короче говоря — гений, я почерпнула из статьи «Необычная книга, или Рождение нового жанра», посвященной творчеству Ю. Бондарева. Автор статьи: Н. Федь. «Наш современник», № 5, 1987 год.

Но ведь вопрос о том, кто гений, а кто не гений, решает время. Так было принято и у нас в России, и в других странах мира. Кому из философов, писателей, композиторов, столь расточительно тут упоминаемых, доводилось при жизни читать о себе что-либо подобное? Кому? Данте? Горацию? Флоберу? Канту? Моцарту? Гоголю? Сервантесу? Достоевскому? Кому, я спрашиваю, кому?

А впрочем... Если заглянуть в глубь веков, то нечто подобное — в смысле безудержных похвал, расточаемых в лицо живому автору, — отыскать можно. Император Нерон, как известно, играл на лютне и исполнял песенки собственного сочинения. Этим искусством громко восхищались придворные и прочие приближенные лица. И тоже никакой меры в своих восхвалениях не знали...

Однако вернемся от Нерона к нашим дням. Прочитала я как-то в газете статейку о том, что в одном селе открылся «первый в области литературный музей». Он находится «в доме, бережно подновленном руками мастеров-реставраторов. Войдем в него».

Войдем.

Музей литературный, и там «на широком деревянном столе» хранятся книги писателя с его бесценными автографами. Сохранена обстановка, «старенькая деревянная кровать» отца писателя, и еще разные предметы домашнего обихода. Ну, что-то вроде дома в Ясной Поляне. С той разницей, что там и дом побольше, и мебель побогаче. Там жила семья помещиков, а тут — семья «потомственных охотников». Поэтому стены скромного домика увешаны старинными ружьями, а на столе «стоит небольшая скульптура... вырезанная из кедра» и изображающая отца писателя, который в одиночку ходил на медведя. «Скульптору удалось передать характер самобытный, суровый и одновременно добрый, рассказать о человеке-испытателе, исследователе, землепроходце...»

Кто же этот мастер пера, на открытие музея которого «прибыла автобусная экскурсия школьников... пришли сельчане», приехали гости из города? Кто заслужил такую любовь земляков, что дом, где он родился и вырос, бережно реставрирован опытными умельцами? А соседствующей с музеем библиотеке преподнес свою картину «Подпасок» один ху-

дожник из тех краев. «Она — о детстве и отрочестве писателя. О том времени, когда в 1924 году юный селькор... опубликовал свою первую заметку».

Каким образом удалось художнику в одной картине охватить детство и отрочество писателя в бытность его «подпаском» и одновременно юность, в бытность его «селькором»? Впрочем, и скульптору «в небольшой скульптуре, вырезанной из кедра», тоже удалось многое поведать об отце писателя. И не в этом суть! Суть в том, что писатель, чей отчий дом стал музеем, жив по сей день. Это Г. М. Марков. А живое описание музея принадлежит перу Т. Каленовой из Томской области («Правда», 19 апреля, 1986 г.).

Не знаю, как у них там на Западе, но у нас в России от Хемницера и Державина до наших дней еще не было музеев, посвященных здравствующим работникам пера! Созданием музеев занимались обычно позже. Значит, вышеописанный музей — это эксперимент, доселе неслыханный. Не начнут ли возникать его филиалы? Все может быть!

И это в то время, когда в Шахматове нет... Когда в Переделкине нет... Когда в Захарове нет... Впрочем, если я начну перечислять, чего у нас нет, далеко заведет. Я ведь о том, как живут и прославляются «очень именитые».

* * *

Долгие годы многое в их деятельности было покрыто завесой тайны. Теперь, когда наступило время гласности, эта завеса то там, то сям приподнимается...

Из статьи «Авторы и тиражи» («Известия», июль, 1987 года) мы познакомились с цифрами тиражей некоторых авторов. А еще в статье сказано, что «прижизненные собрания сочинений и тома «Избранного» превратились в настоящий бич издательства. Например, в XII пятилетке этой чести предполагается удостоить 820 литераторов! Более восьмисот живых классиков!» Автор статьи считает, что издательскому делу необходима гласность. Только она поможет устранить «перекося» в этом деле и «бесконтрольное тиражирование уважаемых авторов».

По поводу «бесконтрольного тиражирования» пишет читатель из г. Пермь («Огонек» № 36, 1987 г.): «Так и встали перед глазами завалы «Роман-газеты» в книжных магазинах и киосках «Союзпечати»... миллионы экземпляров. И мелькают одни и те же имена, есть среди них и свои чемпионы. А. Чаковский, например, был здесь издан 21 раз, О. Гончар — 15, В. Кожевников — 16, П. Проскурин — 12, И. Шамякин и С. Бабаевский — по 14 раз...»

А денег-то, а денег сколько ухлопано на эти «завалы»! Редакторы, корректоры, типография, авторские тысячные гонорары и бумага, дефицитная бумага, которой не хватает на классиков!

В интервью, данном журналу «Огонек» (№ 34, 1987 г.), Габриэль Гарсиа Маркес заявил: «Мне рассказали, что мои книги исчезают, не доходя до посетителей книжных магазинов, и возникают на черном рынке... Честно говоря, я не понимаю, как все это происходит».

Откуда же ему понять? У них на Западе делается так. Заключив договор с автором, издатель платит ему аванс, а затем 10% с каждой проданной книги. Если книга разошлась — печатают новый тираж. А если нет? Плохо издателю: он теряет деньги. Не сладко и автору: на один аванс далеко не уедешь. Таковы жестокие нравы мира чистогана.

Наши издательства и лица, их возглавляющие, а также авторы свободны от таких ударов судьбы. Наш свободный издатель может назначить любой тираж, хоть миллион. А если «Роман-газета» — то и три миллиона. И пусть все это пылится на полках — с издателя как с гуся вода: убытки ему возместит государство. Оно у нас велико и обильно и не то ему приходится выдвигивать. И с автора как с гуся вода: свои полистажные и потиражные он получит. Плохо только читателю.

Обездоленный читатель ищет выходы. Много рассказов мне довелось слышать на эту тему. Вот один из них.

«Электричка с такого-то вокзала. Езды 25 минут до станции такой-то. Выходите. Повернете налево и увидите цепочку людей. Молча идите за ними. Упретесь в лесок небольшой, но густой. Тропинка. Выведет на лужайку. Народу там бывает порядочно, но очень тихо. Одни на траве сидят — это продающие. Другие неспешно прогуливаются — это покупающие. Да! Не забудьте заранее написать на картонке, крупными буквами, лучше всего тушью, какую книгу вы желаете купить. Держите картонку в опущенной руке, но так, чтобы текст был виден сидящим. И гуляйте спокойно. Пока вас не остановит легкое посвистывание...» «Милиция?» «Нет, что вы! На это дежурные выделены, в лесу разбросаны. Как завидят милицмейскую форму — предупреждают. Тоже, говорят, свистят, но громко, и на какой-то мотив. Мне этого слышать не пришлось, везло! А легкий посвист означает: есть ваша книга, есть! Шепотом

называют цену. Торговаться не рекомендуются».

Тут обычно рассказчик воодушевляется и сообщает вам, какие прекрасные книги удавалось ему этим способом приобретать. И не какие-нибудь эдакие, в смысле, не наши, а наши, наши, родными издательствами изданные, но тиражами, спрос не удовлетворившими. Бойко идет подпольная торговля. Есть, говорят, варианты зимние. Есть на случай ненастной погоды... А если вдруг милиция? Летом понятно. Можно прикрыть книги рюкзаками, сесть на них и хором затянуть что-нибудь классическое, вроде: «Выхожу один я на дорогу...» Собрались, мол, песни петь. А зимой как?

Там вот и торгуют книгами Габриэля Гарсиа Маркеса, о чем он слышал, не веря своим ушам. А минувшим летом, быть может, на лужайках хорошо расходилась подписка на сочинения Бунина. Не всех членов Союза писателей их родная Лавка смогла этой подпиской обеспечить, что обычно и бывает с книгами, пользующимися спросом. Очереди. Волнения. Мольбы. Проклятия. Лишь пройдя через это, да и то не всегда... А как быть тем, у кого этой Лавки нет? А тем, кто живет на периферии?

Но все же: куда деваются штабеля некупленных книг? Габриэлю Гарсиа Маркесу ни за что бы не догадаться! А я знаю. Вернее, подозреваю. В макулатуру они уходят! Подвезжает к магазину с черного хода грузовик, затем, нагруженный книгами, едет... Куда именно — не знаю. И где, в каких подвалах, какие люди вынуждены заниматься этим производительным трудом — уничтожать ненужные книги, превращая их в нужную макулатуру?

А ведь подтвердились слухи о директоре издательства! Ему «за проявление нескромности и нарушение этических и нравственных норм, выразившееся в многочисленных изданиях и переизданиях своих книг...» секретариат правления Союза писателей объявил выговор («Литературная газета» 26.VIII.87 г.).

...Недавно по телевизору нам показали борьбу милиции с «несунами». Волнующие сценки! Камера следит за человеком, укравшим на фабрике коробку конфет. Человек стоит на улице, стремясь продать конфеты кому-нибудь из прохожих. Вот один остановился...

— Неужели купит? — слышен голос журналиста, участника этой милицмейской затеи. В голосе — волнение. Боже мой, неужели этот прохожий, такой приличный на вид, явно отец семейства, неужели же он купит ворованное, из-под полы продаваемое, нарушая этим наши этические и наши нравственные нормы? Неужели? Купил! Ату его! Свет юпитеров на него или на нее, купивших краденое! К позорному столбу их! Допрашивайте их прямо на улице! А что касается «несуна»...

Да вот, кстати! Их-то, «несунов», мелких воришек, их как наказывают? Тоже выговором? Или более чувствительно? Как? Хотелось бы знать!

А я вот думаю, почему бы милиции вместе с телевидением не направить свой светлый луч в то темное царство, где идет уничтожение миллионов нераскупленных книг? Это было бы волнующее, а, главное, новое зрелище! Ведь «несунами» и милиция и печать уже давно занимаются. А вот деятельность «очень именитых» лишь сейчас понемногу становится достоянием гласности.

Пусть понемногу. И на том спасибо.

В «Литературной газете» (1.VII.87 г.) опубликовано «Письмо в редакцию» за двумя подписями. Там сказано, что в минувшем году одиннадцатым изданием вышел в свет роман одного из «уважаемых авторов». Этим нас не удивит. Мы уже знаем, какой урожай умеют собирать «очень именитые» с одной единственной книги. Но интересная подробность! Роман исторический, действующие в нем лица не придуманы. Авторы письма не берутся судить, «почему критика в течение многих лет обходила эту книгу, но незнание автором исторической ситуации бросается в глаза буквально в каждой прочитанной главе».

Почему молчала критика? Но это же элементарно! Произведения не исторические восхвалять легко — как мы убедились! — дескать, я так вижу, мое прочтение! Но если автор берется за историю и на каждом шагу врет, тут сложнее. Хвалить опасно: надо ли привлекать внимание к этому сомнительному произведению? Но и ругать «очень именитых», уличая их в невежестве, еще опаснее! Лучше промолчать. Что критики и делали. Лишь недавно, узнаем мы из письма, в период гласности, когда мы все так расхрабрились, «Военно-исторический журнал» отважился сообщить «о многих ошибках и неточностях» романа. Вот одна из «неточностей»...

Два персонажа романа, люди, реально существовавшие, были когда-то неправедно осуждены, но давно реабилитированы. «Роман же, автор которого до сих пор ничего не сделал для восстановления истины, по-прежнему бросает тень на этих людей».

Итак, в первых изданиях романа два исторических персонажа ходили с клеймом «врага народа». Официальное признание в том, что никаких преступлений

они не совершали, не помогло. Клеймо осталось во всех изданиях романа, включая одиннадцатое, прошлогоднее.

Автор счел нужным дать объяснения («Литературная газета» 30.IX.1987 г.)... Дело в том, что над своим романом «Грозный год — 1919-й» он начал трудиться еще в конце сороковых годов. Ну, а в те времена искажал историю не он один. Кого-то из действующих лиц не разрешалось упоминать вообще, другие же числились во «врагах народа». Доступ в архивы закрыт, и вообще писатель был связан по рукам и ногам. Значит, не виновен?

Но простите. Речь-то идет о последних переизданиях, а самое из них последнее: 1986 год. Почему же автор не задумался над изменениями, происшедшими в репутации его героев за сорок, боже мой, лет? Почему?

А я думаю вот почему. Недосуг ему было свое произведение перечитывать, а тем более исправлять. Надо было засадить за чтение и исправление какую-нибудь из сотрудниц возглавляемого им журнала. Вот пусть бы она, бедняжка, сидела бы, проверяла бы, плакала, снова проверяла... Но не догадался. А у самого времени в обрез. Одни хлопоты о переизданиях сколько сил отнимают!

Тебя переиздают, а ты в своем журнале печатаешь либо произведение самого директора издательства, либо жены его, либо сына, либо дочери. Где тут найти время для перечитываний и исправлений?

Да. Я забыла назвать автора романа «Грозный год — 1919-й». Это Г. К. Холопов.

* * *

А теперь скажите, чего можно ждать от молодых, пусть и сорокалетних, живших в обстановке подобных литературных нравов? Безвременье, вызванное многолетним застоём во всех областях, набравшая силу и уверенная в безнаказанности бюрократически-коррупционная система — это воспринято некоторыми молодыми как норма. А слова «писатель без власти — никто» — как аксиома.

Летом 1970 года я услышала из уст Твардовского врезавшиеся мне в память слова: «Они писать не умеют, но им это и не нужно». Это было сказано о нескольких членах Союза писателей, занимавших «посты».

Лето семидесятого года. «Нового мира» Твардовского больше нет.

На страницах этого журнала впервые появились произведения тех авторов, имена которых ныне известны всем. Правда «очернительской» быть не может, «одна неправда нам в убыток» — таков был принцип журнала, любимейшего журнала всех мыслящих людей страны. В своем отделе критики журнал бескомпромиссно выступал против всяких подделок под литературу, невзирая на посты сочинителей...

Вот одна из причин, почему так страстно сражались против «Нового мира» тогдашние силы торможения, расчищая себе дорогу. И одержали победу. «Новый мир» свое существование прекратил. Спокойно стало. Тихо. Никого не опасаясь, ни на кого в испуге не косясь, стало возможно публиковать какие угодно сочинения. Литературный уровень снижался на глазах. Образовалась целая каста «неприкасаемых» авторов. Мнимая литература, серая литература заявляла о себе все громче и росла, поглощая тонны бумаги. В издательствах целые семейные кланы возникали. Да что тут говорить...

И глядите! У тех, кому оттепель, наступившая после XX и XXII съездов, не по нраву была, не по силам, не по способностям, появились наследники. То время — с чужих, видимо, слов — они называют «попустительством» и появлением «ползучей фронды». Не нравится им — а это уже на собственном опыте — и то, что делается в стране сегодня. Они это называют «погоней за сенсациями». И вообще — им этого не нужно.

А ведь казалось бы... Кончился период немоты и лжи. Можно вслух говорить о том, что было, и о том, что есть. Какой простор для литераторов! Сколько всего они могут сказать того, о чем нам говорить было заказано. Однако их больше устраивает положение дел, сложившееся в последнее десятилетие. Оно проще. Тут главное не пером владеть, а уметь «пробивать» свои писания. Тут не по достоинству будут оценивать твои сочинения, а по тому, КТО за ними стоит. Не писать тут надо уметь, а стараться овладеть одним-единственным оружием, но оружием бесценным — властью.

По-видимому, слова «Проблема молодых начинается с отношения к нам!» означают: подвиньтесь-ка вы, старшие! Поделитесь с нами властью. Пора: ведь вы ею уже попользовались, дайте и нам. Да и время: вам уж немного осталось!

Итак, выступления большинства представителей «молодой литературы» у самовара и на трибуне надо понимать, я думаю, вот как: в борьбу за право писать плохо включились свежие силы.

В последнее время все чаще раздаются справедливые призывы расширить наше внимание за столичные пределы и вслушаться в голоса поэтов, живущих и творящих на огромных пространствах страны. Сегодня мы представляем читателям стихи волжского поэта Бориса Сиротина. Он живет в Куйбышеве, вошел в поэзию еще на рубеже 1950—1960-х годов, издал около двух десятков книг.

Глубокая серьезность его духовных исканий, богатство и утонченность поэтических образов обеспечивают ему, на наш взгляд, почетное место в современной литературе. И едва ли можно сомневаться в том, что явно недостаточная пока известность Бориса Сиротина объясняется слишком узкой сосредоточенностью на «столичной» поэзии.

Борис СИРОТИН

ПОМНЮ ВСЕ, ЧТО С РОДИНОЮ БЫЛО

История России тяжела,
Но и светла: народ свои печали
Не смел лепетать и не помнил зла
Подолгу — как тиранов мы прощали!

Хоть вороны по золотым крестам
Рассаживались, впрок не шли уроки:
Достоинства мы находили там,
Где видели вчера одни пороки.

Поэтому отнюдь не без причин,
Веков российских оглашая своды,
В тиши воскликнул славный Карамзин:
«История злопамятней народа!»

Чиновник, управляющий искусством,
Баском, в котором слышался металл,
Взволнованно, с почти актерским
чувством
Мне монолог о доблести читал.

Он пристально сверкал горячим оком,
По кабинету не спеша ходил,
А я в окне, холодном и высоком,
За медленными листьями следил.

Летели листья осени — чего в них
Я видел?
Просто реюший полет;
Что стар, хотя еще удал чиновник,
Что он в гостях, наверное, поет;

Что тыща лет вот этим занавескам,
Двойным дверям, массивному столу
И человеку, в устремление резком
В искусстве разгоняющему мглу...

Такая мысль пришла. И вслед за нею
Я в ужасе подумал: «Боже мой,
Неужто он и листьев сих древнее,
Летающих грустно! И Земли самой!

И если правда, что когда-то Слово
Создало твердь и воду, гладь и шквал,
Он был при сем, стоял, седоголовый,
Прислушивался, медленно кивал...»

В поэзии крестьянствовать негоже;
Грешно рабочим клясться лемехам,
Что ты их возлюбил до смертной
дрожи,—
Ведь это клятва собственным стихам!

Грешно и неприлично клясться воле,
На самом деле только плен любя,
И все поминать родное поле —
Ведь этот звук для самого себя!

И вовсе уж постыдно, на рыбалке
В ленивых водах лета отразясь,
Потом твердить про этот подвиг
жалкий
И некую воскреснувшую связь.

Земле оставьте пыль ее и слякоть,
Воде оставьте рябь и гладь,
Оставьте им права от нас отдельно
плакать
И перед ликом Вечности стоять!

Родимые пашни любил,
Мир видел сквозь детские слезы.
Но все-таки суетно жил,
Не без артистической позы.

Он думал о жизни: игра
И пестрой дышал круговертью,

Он думал о жизни: пора,
Всего лишь пора перед смертью.

Но старость не младость. Сейчас
Подумал: не бег бесполезный
Есть жизнь, а спокойствие глаз
И ясность души перед бездной.

Всего и осталось идти
До той вон опушки маящей.
Но этот отрезок пути
Стал жизнью его настоящей.

На речном откосе меловом
Он маячил, сам белее мела.
На каком пожаре мировом
В эту душу искра залетела?

Для чего и луч ему как меч —
В пальцах, и внизу клубятся реки?
Почему его простую речь
Рифма исковеркала навеки?

Тень и свет проходят по челу,
Вздрагивают брови и ресницы.
Он и сам не знает, почему
Весь простор в груди его теснится.

За рекой от пахоты черно,
Там деревни, города, могилы.
Он и сам не знает, отчего
Помнит все, что с родиною было...

КОСМОНАВТЫ

Пролетают меж чуждых полей
Те, которых бы мы не узнали,
Лишь земной стороною своей
В бортовом отражаясь журнале.

Пролетают, глазами без сна
Временные пласты раздвигая.
Как другая Луны сторона,
Нам незрима их сущность другая.

Да и сами они в пустоте,
Что снаружи грозит ежечасно,
Ощущают, что стали не те...
Но об этом и думать опасно!

Долгий бег в грандиозном кольце,
Вне понятий о жизни и смерти,
Если не отразится в лице,
То в душе сохранится, поверьте!

И когда возвратятся они,
Замерцают, смеясь, на экране,
В эти лица простые взгляни,
В простоту их не веря заране.

Сквозь приветственных слов
вензеля,
Сквозь прорывы оваций и гула
Ты подумай: просто Земля
Эти лица им снова вернула.

И ни страха в глазах, ни тоски,
Возвратились, ничуть
не состарясь,
Только тени вселенской мазки
Кое-где под глазами остались...

Старый город деревянный
Мне сегодня чем-то люб.
Не скупинкой окаянной,
Не поджатьем строгих губ.

Здесь стоит не рот-разиня,—
Крепко заперт каждый дом.
Ну и что ж, моя Россия,
Ты держалась и на том.

И еще на том держалась,
Что в какой-нибудь избе
Кто-то вдруг почувст жалость
Нестерпимую к себе.

К дому отчему, к соседям,
Ко всему, чем жив народ.
И взлохмаченным медведем
Он по улице пойдет.

С непокрытой головою,
По сугробам во всю прыть;
От тоски едва не воя,
Станет жителей мутить.

Что уста хмельные скажут,
То уже не возвратишь.

Но навалятся и свяжут.
И опять тоска и тишь.

Вот из этой скучной пыли,
Видя даль во все концы,
Не однажды выходили
И бродяги, и купцы.

Быт суровый в душу кроя,
Здесь бежали от тщеты
Иль в безвестные герои,
Иль в известные шуты...

ВСАДНИК

...проскакал на розовом коне.
С. Есенин

Я под утро сквозь сон услышал,
Даже мельком взглянул
в палисадник —
Кто-то мимо окна проскакал,
Некий быстрый, таинственный
всадник.

Я спокойно отметил — ну что ж,
Это просто колхозник, по делу...
Но какая-то странная дрожь
Пробежала по сонному телу.

То ли детский восторг, то ли страх
Испытал я в преддверии света
В Новоселках, в немногих верстах
От обители скромной поэта.

Вспоминалось минувшее мне,
И сжималась душа в укоризне,
Что на розовом резвом коне
Слишком быстро скакалось
по жизни.

Что лишь каплю испил я земной
Красоты в этой скачке поспешной,
Не заметив, что конь подо мной
Уж не розов, а масти кромешной.

Ты к какому несешь рубежу,
Вороной? — Я не знаю, не чаю,
Лишь и радости — крепко сажу,
Лишь и гордости — все примечаю...

II
Солнце алое, душу согрей,
Утолите, заокские дали!
Нынче утром Есенин Сергей
Проскакал — лишь его и видали.

Проскакал — и ни тени вокруг,
Только песня с землей расстается,
Только целую жизнь этот стук,
Этот топот в груди раздается.

Наступило спокойное время,
Мир улегся в десяток клише,
Только некое тонкое бремя
Все равно — как ледок — на душе.

Как царапинка — на сердце мета;
И беснуется телегерой,
И слепит, надвигаясь, комета,
Только все это — как за горой,
За горой, по ту сторону света...

Время лени и нервных нагрузок,
Сытен стол твой, лежанка мягка,
Но простор для дыхания узок,
Щель меж крышами невелика.

А беды недвусмысленны жесты,
И на дом надвигается ночь.
На границе тревог и блаженства
Надо, надо нам сон превозмочь!

**Цепко держится в памяти
детская сказка:
лишь на седьмом лепестке
волшебного семицветика
девочка додумалась
до доброго дела.
Так ведь она —
ребенок несмышленный.
А как
с разумными взрослыми?
С их состраданием
и соучастием
в государственном масштабе?**

Юрий ИВАНИЧЕНКО

В детстве я мечтал жить вечно. Мальчишеская фантазия видела это каждый раз по-новому: то появлялся добрый волшебник, то в самодельном сачке оказывался не тривиальный выюн, а самая настоящая Золотая рыбка, а то в старом сундуке вдруг отыскивалась Волшебная палочка.

Позже, в юности, осуществившись вдруг блаженная фантазия, я бы еще серьезно подумал. Пришло уже тогда понимание, что важно не сколько, а как жить и что есть вещи страшнее смерти.

А вот сейчас, встретить я на узкой дорожке волшебника, или вылови Золотую рыбку, или заполучи Волшебную палочку — опять бы попросил вечной жизни. Ну пусть не совсем вечной, но долгой и здоровой.

И не для себя.

Я хочу бессмертия или хотя бы очень долгой жизни для всех своих близких — чтобы не пришлось кого-либо из них мне хоронить.

Я знаю, что это такое, так как не раз уже прошел этот скорбный путь в моем городе.

Я выстоял, раздвигая ворот, в душном и страшном подвале, где у нас помещается Бюро ритуального обслуживания. Я смирялся с тою ассортиментной казенщиной, которая мне предлагалась, и со временем, выделенным мне из принципа наибольшего моего неудобства.

Там же, прислонясь к поваленной стене, я писал тексты для траурных ленточек, безошибочно предчувствуя, что все что можно и что нельзя все равно перепутают.

За венками к этим ленточкам я ездил в кладбищенский магазин и выстаивал в очереди еще и там, и соглашался на то, что осталось, а затем ловил грузовик или пикап, чтобы перевезти этот груз.

Потом заказывал гроб. Заказывал — если в мастерской все было в порядке с материалами. Если же не оказывалось ни материалов — у них, ни больших денег — у меня, то метался по заводам, вымалывая у знакомых и незнакомых доски.

Обряжал. Дома с этим проще: находилась пара сердобольных старушек, вечная им благодарность. В морге сложнее, но и там обязательно находился кто-нибудь; и ко времени, когда он «находился», любые условия уже казались мне допустимыми; не мог только принять, что в конце концов раскроется дверь, и **хозяина трупа** пригласят принимать работу.

И вновь летел на кладбище, выбирал место. Как? Заплатив, и, конечно же, неофициально, получал выбор (в соответствии с уплаченной суммой) между двумя-тремя свежестрытыми ямами. Прикидывал: где вода, где удобнее подход, как добираться до секторов. Выбирал, насколько мог в таком состоянии мыслить здраво.

Затем организовывал продукты для поминал. Вскоре приедет — если договорился, если не перехватили другие заказчики, разодетый кто во что горазд и так же точно играющий оркестр, перекурит и заново нечто тревожащее память из Моцарта и Шопена.

С опозданием всего-то в пределах пары сожженных до губ сигарет прикатит астматичный «пазик» с черной полосой.

Если хватило выдержки в свое время, чтобы отказать от казенно-душещипательного ритуала в специальном, выдержанном в дизайне присутственных мест зале, то проедете прямо к выбранному месту. Оно может оказаться не тем самым — перекупили, но что-то изменять уже и поздно, и нет сил.

Оркестрик опять выдает что-нибудь, и, пока проходит самое потрясающее, самое непереносимое время последнего прощания, опустит трубы, и трубаچی примутся судачить о том, как, например, на прошлой неделе вот так же **ховали жмура**.

Прощание закончилось. Опустим, засыпем, копчик оформит холмик. Надо заплатить.

Оркестр еще раз, перед уходом, недружно пострадает. Надо заплатить. Довезут домой — тоже надо заплатить, а еще лучше дать бутылку с собой... И так все время. Ты унижаешься, ты просишь, ты платишь, ты получаешь как бы незаслуженно, как бы от чьих-то щедрот, и при этом еще сам осознаешь мучительно свою неумелость и необязательность. Плохо, и вроде бы все делается специально для того, чтобы стало еще хуже; хотя можно на это посмотреть и иначе — организация ритуала никак не позволяет слишком вдумываться и вчувствоваться в значительное, серьезное, вечное, а старательно возвращает тебя в земную суету и сиюминутность. А еще, показывая плохой, но не самый худший уровень, заставляет утешаться тем, что в других местах еще хуже. В Николаеве, например, где из-за временного отсутствия лесоматериалов некогда хоронили в мешках. Или в Феодосии, где централизованно, в государственном порядке, почти ничего нельзя было сделать и спасали только родственные и дружеские связи. Или в Киеве, где для осуществления в разумные сроки обычного процесса требовалось вмешательство едва ли не первых городских, а то

Важнейший внешний инструмент разрушения — замалчивание. Информации практически нет; официально, на всех уровнях воспитания и образования, ее нет вообще, и даже на неофициальном, семейном, скажем, уровне она прячется, как нечто не совсем нормальное. Я узнал о традиции, о ритуале, только когда стал взрослым и делать все это пришлось самому. А до этого меня уводили в сторону, нигде никогда и ничего не объясняли. Пришлось восстанавливать по крупицам, по чужому опыту то, что непременно должно быть во мне с самого младенчества, то, без чего просто немислимы и не существуют ни настоящая любовь к Родине, ни настоящий патриотизм. Были дела без слов и слова без дел — как раз достаточный разрыв, чтобы удержать сознание в том, что касается, к примеру, этой стороны бытия на дикарском уровне. Стоит ли удивляться, как я был смущен во Львове и Вильнюсе, когда экскурсоводы приводили нас на городские кладбища и пытались объяснить, что именно с этих полей начинается? История? И лишь когда я повзрослел и прошел скорбные пути, выдавливая из себя дикарство, то увидел воочию другие степени верности народным традициям, и когда замер перед бульдозерами на старом городском кладбище в Симферополе, то почувствовал, понял всем сердцем и разумом, что все это не просто затрагивает жизнь, а входит в ее глубинную суть.

Бюрократическая организация или дезорганизация погребальной традиции — это следствие соци-

ДОЛГ

и республиканских руководителей. Или во вторых, в третьих, в десятых городах и селах, откуда во «всесоюзное бюро жалоб», в редакции органов центральной печати летят и летят душераздирающие письма... Привычно, не правда ли, утешаться тем, что другим еще хуже? Это тем утешительней, чем неоправданно хуже тебе самому...

Но унижения на похоронах не заканчиваются. Надо еще обрядить могилу, заказать надгробие или памятник. Местные власти могут гордиться: у нас, в Симферополе, это можно сделать без особых усилий и даже не в чрезмерные сроки. Обычное бетонное надгробие, один из четырех ассортиментных вариантов, изготавливается в порядке очереди что-то за года полтора или два, и обходится это недорого. Таких памятников на новом городском кладбище едва ли половина.

На изготовление стелы из прекрасного гранита и даже благородного габбро тоже можно записаться, хотя сложно (в редкие специальные часы), и ожидать надо лет пять. Если материал особенно дефицитен и не хочешь ожидать, оставляя погребение дорогого человека под ливнями и снегами, то надо стучаться, искать дорогу в городские или еще лучше областные инстанции, доказывать, что твой дорогой и незабвенный заслуживает, и заручаться письмом на бланке. По письму делается быстрее.

Проходит время, и замечает, что все остальные, «соседи», товарищи по несчастью, простые и непростые смертные, смогли сделать как минимум то же самое, что и ты. Всем хватило бетона или камня, металла и труб, производственных мощностей и труда умельцев. И всем не хватило помощи, человеческого участия, заинтересованности извне в их судьбе. Иначе говоря, материального дефицита попросту нет, но зато в изобилии дефицит моральный. Фактически, по материальным предпосылкам, объективно мы можем сейчас или в самое ближайшее время дать возможность всем и каждому отдавать первый святой человеческий долг в разумные сроки, без унижений и неоправданных затрат.

Но пока что реально происходит разрушение важнейшей народной традиции. И самое важное, что бюрократическое убожество и все перекосы на пути осуществления традиции не причина, а следствие разрушения.

ального бедствия. Проявление того, что распалась и никак еще не восстановилась связь времен. Но, наверное, не только у меня нет в душе до сих пор органичного чувства неотделимости от предков, от предшествующих поколений вообще, нет естественного восприятия связи времен, а следовательно, нет потребности в истинно человеческом осуществлении всего, что входит в погребальный ритуал, и тем самым не хватает решимости бороться за его нормальное соблюдение.

Мы отделены от своих предков, от своей памяти: иначе говоря, дела отцов, все они вместе, не имеют для нас главной и заслуженной ценности.

В душе у каждого почти живет любовь и благодарность к собственным родителям. Но именно к собственным, искусственно и произвольно вычлененным нами из их поколения. И мы подменяем необходимое каждому сознательному человеку чувство единства с прошлыми поколениями особенным отношением к своим родственникам. После их смерти. Вместо равной любви и благодарности ко всем ушедшим соотечественникам и особой к собственным предкам, выражающимся в постоянном внимании и уходе за погребениями, в бережном хранении семейной памяти и преданий, мы все больше идем по линии внешнего противопоставления своих всем остальным. В результате кладбища превращаются в ристалище амбиций. Семьи порой впадают в непомерные долги, возводя просто нелепые по своей претенциозности памятники, и забывают о мертвых, едва просыхает бетон. Сколько тысяч раз, омертвляя свой весьма нелегкий труд, выкладывались на одно усилие, столь же кратковременное и преходящее, как большинство усилий текущей жизни, лишённой смысла и перспектив, и лишали себя именно того, что необходимо: постоянной связи, постоянной верности традициям, памяти... Мы забыли о том, что памятник особенный — это не дело родственников и даже клана заинтересованных друзей, а всего народа. Воздвигая памятники хотя бы своим, мы несознательно компенсируем накопившиеся в обществе уродства и нелепости с важнейшим делом хранения народной памяти. Если на площадях и улицах появляются памятники не тем, порою забываемым сразу же после официальных мероприятий, и не хватает памятников «тем» людям и «тем» событиям, кото-

рые живут в душе народной, так стоит ли удивляться, что семьи берут создание мемориалов на себя, утверждают не столько свою память и честь, сколько свою житейскую организованность и силу...

Распад связи времен пробивается и в наших погребальных мытарствах, и в ненужностях, непомерностях деталей погребального ритуала. Это же пробивается в дикарском и повсеместном пренебрежении к памятникам истории и культуры. Это пробивается в нашей внутренней установке на сиюминутное, во многом и определяющей отношении к происходящему. Меня слишком долго ориентировали на то, что надо перейти еще один этап, преодолеть вот это — и дальше все пойдет как по писаному. Я уже приучен, что надо один раз перетерпеть, один раз совершить нечто и все станет хорошо; приучен настолько, что уже не удивляюсь, когда оказывается «последний раз» далеко не последним. И так почти во всем; я даже не слишком поражаюсь, что при горьком и святом деле приходится тоже терпеть, смиряться, преодолевать. Я готов был платить, сколько бы это ни было тяжело, и за выбор хоть чуть более приемлемого места, и за сверх тарифа оркестру — чтобы не заиграли свадебный марш, и за ускорение изготовления, и за качество, и за установку, за все, внутренне допуская, что так мне и надо, что вот это можно и нужно перетерпеть, и дальше станет легче.

Я позволял наживаться на моем горе, совал эти синенькие, красненькие, коричневые бумажки, внут-

же, — вполне. Дюжины взрослых и нормально обеспеченных жителей города-героя Севастополя, города матросской славы. Города, где каждый камень полит кровью, где размещены панорама и диорама и где совсем недавно пустили под нож бульдозера кладбище павших в Севастопольскую Страду; и так ли важно, что похоронены были на том кладбище солдаты и матросы, сражавшиеся — покоряясь извину тогдашней политики — по другую сторону бастионов?

Мы не подковыривали ножом бульдозера надгробий знакомых и незнакомых предков, обеспечивших жизнью и смертью своей день сегодняшний. Нет. Тем более во имя ускоренного сооружения стадиона для будущих замполитов. Воспитателей молодых бойцов. Но нашлись люди, которые разрешали, и разрабатывали проектно-сметную документацию, и исполняли. В Симферополе, где которое десятилетие остается нераскрытым и не превращенным в заслуживающий своего особого места во всесоюзном или даже во всемирном реестре Неаполь Скифский, где в крошечном центре снесены удивительные по архитектуре, но ветхие дома, где воздерживаются от слишком многого, связанного с многовековой памятью, зато не скупятся на новые памятники, удивляющие всю страну своим специфическим «художественным уровнем».

Мы не стали щелкать из мелкашки по звездочкам на пирамидках, как это происходило в героическом Заполярье или в той же Керчи. В Керчи, где памя-

В последние семьдесят лет мы учились прикрывать бюрократов. Пусть не везде и не во всем, но по крайней мере теоретически научились многому. Надо только понять раз и навсегда, что разрушение народной традиции погребений — не наше личное унижение и не наша личная проблема, а дело всеобщее и безотлагательное. Что все мы люди только в той мере, в какой храним гордость за прошлое, память предков, чувство причастности к делам народным. Что здесь вопрос не бытовых неудобств, а самой жизни, настоящей жизни, ценнее и значительнее которой нет и не может быть ничего. А посему любая наша решимость, любые наши поступки в защиту святого оправданны. В рамках нашей цивилизованности, естественно.

Второй уровень — это нарушение связи времен в душе. И вот здесь ни в коей мере нельзя пассивно ожидать, пока прозвучат необходимые авторитетные речи и от внешних усилий само собой проникнет в наши души единственно верное сознание и понимание. Учебники и монографии современного уровня исторической правды необходимы, но они будут решающими для воспитания поколения следующего. И то лишь в том случае, если наша жизненная практика не «воспитает» по-своему.

Сознательно действовать надо нам и действовать сейчас. Зная причины и реальность, не надо обрывать потомков, близких и родных своих на нравственные страдания и ненужные затраты. Не надо перекладывать решения на плечи наших детей — у них наверняка будет достаточно своих проблем. И тем более не надо лишать их ни одного из «предметных учебников истории», ни одного памятника, ни одного звена большой Истории.

Сознание способно сделать многое. Сознание способно, овладев массами, стать фактом бытия и преобразовать бытие. Сознание способно преодолеть в каждом колебания, неуверенность, слабость и дикость, что, собственно, и заложено в понятии прогресса.

Но не стоит уповать на коллективное прозрение от вышестоящих указаний ни работников коммунальных, ни тем более «деятелей», помогающих сейчас за большие и никак не учитываемые деньги осуществлять минимум, подсказанный совестью. Надо просто учесть, что в исполкомах работают граждане нашей же страны и в их душах те же тени и та же неуверенность, что и у остальных, да еще и с печальным добавлением: знания реалий нашего запущенного коммунального хозяйства и, конечно же, разлагающего влияния бюрократической системы. Им надо помочь восстановить правильное сознание. В каждом конкретном случае.

Этого нельзя добиться привычными формами воздействия. Все центральные журналы и газеты, вместе взятые, не смогут реально и конкретно поднять голос по каждому эксцессу в каждом из наших городов и сел, не смогут заступиться за миллионы человеческих драм и трагедий. Принципиально необходимо действовать на местах, в каждом городе и каждом селе.

Избирательная система дает возможность и в Симферополе, и в Иркутске, и везде объяснить каждому кандидату в депутаты, дать ему наказ по проблеме, затрагивающей всех без исключения жителей. Избирательная система предполагает, что мы, конкретно мы, спросим с нашего избранника за все, что он сделал и чего не сделал во имя дела, более святого и более важного, чем благоустройство нового микрорайона или даже, страшно сказать, изменения режима работы молочного магазина.

И тысячи городских и районных газет просто обязаны помогать понять неизбираемым работникам, какое святое дело им поручено и насколько сейчас уже реально небольшое необходимое для установления повсеместного режима человечности. В каждом случае называя поименно.

А уж если слов окажется недостаточно для действительного понимания, если найдутся деятели, уверенные то ли в своем личном бессмертии, то ли в том, что касающееся всех ничуть не касается их самих, то надо помнить о законе. Мы все имеем право на помощь, на сочувствие, на поддержку в трудную минуту. Мы имеем право жить и умирать, не испытывая унижений. И те, кто нарушил наши права, должны ответить. По закону.

Нас много, и мы не безоружны. Мы несравненно сильнее всего, что мешает становлению жизни, достойной великих народов нашей страны.

Ни феи, ни золотые рыбки, ни волшебные палочки не появятся. Нет и не будет ничего, не сделанного нами самими.

Симферополь

ПЕРВЫЙ

ренне допуская, что это часть фактически сложившегося ритуала.

Я вроде бы даже немного успокаивался, потакая кладбищенским и прочим вымогателям и вида, что в итоге «мое» оказалось не хуже, чем у других.

Так я приучен. И если я закричал, если понял, что вовлечен в социальное бедствие и дальше так продолжать недопустимо, то прежде всего потому, что увидел однажды своими глазами, как пыжились тяжелые бульдозеры, расчищая участок городского кладбища под стадион для курсантов Симферопольского высшего военно-политического строительного училища.

И потому, что я прочел статьи и подборки писем, присланных из десятков городов и сел.

Откуда только не долетали эти гневные и скорбные вести! Из Искова и Иркутска, Ленинграда и Новосибирска, Севастополя и Запорожья... Стон, гнев и плач.

Ломают.

В основном организованно, расчищая место под авто- и теплотрассы, стадионы и рынки, жилмассивы и гаражи. Но хватает и «самодельного творчества» — от мелкого хулиганства до такого вандализма, что и пересказывать совестно.

Такого вандализма, что по сравнению с ним выходки заграничных варваров, уродующих мраморные надгробия, вполне созвучны по уровню.

И это происходит не где-то там, в Европе, а в градах и весях единственной нашей любимой и незаменимой Родины. И происходит не только с нашего молчаливого согласия, но и в собственных наших душах. И то, что это делают не все, означает только, что процесс не дошел до своего логического завершения, еще только расцветает. Раз уже на «предметные учебники истории», кладбища, посягают не маньяки и даже не выродки, а вроде бы совсем обыкновенные граждане, означает, что уже созданы, уже существуют широкие социальные возможности для одичания всех остальных.

Мы, даже зная, где это, все же не полезли бы с фонариком и заступом в братскую могилу, ров на восьмом километре Феодосийского шоссе, не стали бы выламывать золотые коронки из праха расстрелянных людей. Мы для себя это отвергли. Для нас это недопустимо. Для дюжины сограждан, однако

ников античности и современности больше чем достаточно для превращения города во всесоюзный туристский центр, но запущенность коммунальных служб и градостроительства огромна. Дело в том, что произошло и происходит с каждым из нас. Мы — в широком понятии народ — такими не были. Мы такими не хотим и не имеем права быть — но уже подошли к опасной черте. Часть общества уже переступает через нее. И чтобы остановиться, надо понять, что с нами произошло. Что произошло с нашей школой, которой теперь недовольны все, разве что кроме чиновников Минпроса?

Что произошло, о чем забыли во всех группах внешкольного воспитания, от октябрят до комсомола, который — если верить делегатам последнего съезда — начинает сам преодолевать кризис? Что произошло, что утрачено каждой семьей, дающей — или не дающей — столько же, если не больше, чем все остальные сферы?

Все, что происходит с погребальным ритуалом, с памятниками, с кладбищами, происходит с ведома, при молчаливом согласии и попустительстве каждого из нас.

Принимая пусть даже со скорбью и недейственным возмущением происходящее, мы тем самым показываем, что важнейшее для нас отошло на второй план, что терпение здесь у нас еще не исчерпалось. Показываем, что мы запутываемся в частности, боремся с частностями, обрекая себя на бесконечную борьбу и бесконечную суету, упустив главные ценности бытия. Показываем, что вновь не стали людьми в главном и высоком смысле этого слова.

Социальное бедствие четко разделяется на два уровня. Первый — это бюрократическая система, сформировавшаяся в коммунальных предприятиях, система, разделяющая людей на ранги. И живых, и мертвых.

Все то, что я весьма кратко и весьма облегченно описал на скорбном погребальном пути, предназначено только для нас. Для большинства. Для простых смертных. Это для нас предназначены очереди и казенное убожество, откровенная незаинтересованность служб и торговельский цинизм, едва преодолимый «дефицит» и цепкая система выколачивания денег из наших слез и нашей растерянности.

ПОЭТИЧЕСКАЯ АНТОЛОГИЯ

РУССКАЯ МУЗА XX ВЕКА

ВЕДЕТ ЕВГЕНИЙ ЕВТУШЕНКО

Итак, поэтическая антология про- жила вместе с журналом «Огонек» це- лый год — ровнохонько 52 номера! Честно признаюсь, не только прожи- ла, но и выжила, ибо составителю ан- тологии пришлось выдержать нелег- кую борьбу с различными мнениями не только вне редакции, но даже и внутри нее. Составитель был заран- нее готов к этому, ибо антология, ко- торая угодила бы абсолютно всем, практически невозможна. В телегу единого вкуса «впрячь невозможно коня и трепетную лань». Даже антология, составленная коллегиально, все равно субъективна. Возьмите, например, очень неплохую для своего времени антологию 1957 года, составленную Беловым, Замотиным, Винокуровым, Коваленковым, и вы увидите 12 сти- хов Грибачева, и всего-навсего четыре стихотворения Цветаевой, 16 стихов Суркова и всего-навсего три стихотво- рения Хлебникова. Нет вообще Ман- дельштама, Гумилева, Ходасевича, многих других. Я ни в коем случае не становлюсь в позу обвинителя — ли- тературно-политическая ситуация того времени не позволяла составите- лям быть шире. Но были, на мой взгляд, и явные срывы во вкусе — невключение ни одного раннего сти- хотворения Маяковского, «Незна- комки» Блока, предсмертного стиха Есенина «До свиданья, друг мой, до свиданья», стихов из «Столбцов» За- болоцкого, о Любке Фейгельман Сме- лякова, «Верки Вольной» Голодного, «Натали» П. Васильева и т. д.

Эта антология — дитя гласности, и за все недостатки несу ответ лично я, а не время, которое помогло печат- тать эту антологию. Я благодарен всем читателям, которые в своих письмах указывали мне на досадные опечатки в стихах, а иногда и факти- ческие ошибки во врезках. Так, на- пример, я благодарен Л. Озерову, на- помнившему мне о том, что именно он, а не Сельвинский был первооткрыва- телем темы Бабьего Яра, хотя моя печатная приписка психологически исходила из того, что стихотворение Сельвинского «Я это видел!», напи- санное в 42-м году в Керчи, с такими, например, строчками: «Рядом истер- занная еврейка. При ней ребенок. Совсем, как во сне. С какой заботой детская шейка повязана маминым серым кашне» — накладывается и на ужасы Бабьего Яра. Эту невольную ошибку, как и многие другие, указан- ные мне читателями, я исправлю в отдельном издании антологии.

Выступая в Ленинграде, В. Боков упрекнул меня в том, что Ахматовой я уделил гораздо больше места, чем, например, Демьяну Бедному. Согла- сен с Боковым, что Бедный заслужи- вает быть представленным гораздо шире, что и будет в отдельном изда- нии. Но я не могу понять, как Боков, переживший тяжкие годы опалы, не- печатанья, опубликовавший недавно в «Новом мире» замечательные стихи о тех своих мытарствах, пожалел для Анны Андреевны, тоже мытарствами не обделенной, сотню лишних строч- ек. Я хотел помочь массовому чита- телю прочесть лучшие стихи Ахмато- вой, ибо их можно купить лишь на черном рынке за дорогую цену. Судя по их благодарным письмам, многие читатели «Огонька» вырезают стра- нички этой антологии, переплетают их и, кстати, жалуются на то, что редак- ция не всегда придерживается пра- вила полной страницы, на что жалу- юсь и я. Именно благодаря редакци- онному (жестокому) фотонабору, ко- торый происходит уже без меня, та- кой любимый мной поэт, как Светлов, оказался представленным всего од- ним стихотворением вместо заплани- рованных четырех. Поэта Луговского, как правильно заметили многие чита- тели, конечно же, называли «брове- носцем советской поэзии», а не «бро- неносцем». Это опечатка. Однако, признавая недочеты антологии, я хочу резко возразить всем тем, кто обвиняет «Огонек» в «субъективно- сти» моих врезок, моего подбора сти-

хов. Эту антологию составляет не «Огонек», а поэт Евгений Евтушенко, то есть антология не редакционная, а личностная. Например, Станислав Куняев в другом журнале, допустим, в «Молодой гвардии», имеет полную возможность написать свою антоло- гию, в которую, судя по его неодно- кратно высказываемым вкусам, вряд ли войдут Багрицкий, Светлов, Куль- чицкий, Коган, Высоцкий. Вообще надо, чтобы у нас было побольше ан- тологий, а читатель сам в них разбе- рется. Спорить надо предлагаемыми лучшими вариантами, а не кислыми гримасами. Некоторые читатели поче- му-то воспринимают критические ню- ансы в моих врезках как бестактно- сти. Так, например, читатели снобист- ско-дегустационного типа были недо- вольны моими ироническими пасса- жами во врезках к поэтам периода декаданса начала века. Другие чита- тели, охранительско-набатного типа, были недовольны слишком мягким, по их мнению, анализом декадентской и эмигрантской поэзии, а иногда и са- мим фактом этих публикаций. Ничего нового в смыкании этих двух претен- зий нет. Снобизм — это догматизм наоборот, а догматизм — это снобизм в апологетический раж, ни в полити- ческую дидактику. Признаюсь честно, за исключением антологии, состав- ленной Ежовым и Шамуриным (1926), мне не нравились ни зарубежные, ни наши отечественные антологии поэ- зии XX века, ибо они искусственно рассекали надвое развитие русского поэтического слова, деля всех поэтов на чистых и нечистых в зависимости от политической конъюнктуры. В сво- ей антологии я пытался осуществить собирательство раздробленных кня- жеств русской поэтической словесно- сти в единое государство. Насколько мне это удалось, судить не мне. Одни читатели внушают мне, что надо в ан- тологии печатать только «крупных поэтов». Другие говорят, что в ан- тологии самое интересное не «уже от- крытые поэты», а «открываемые», и призывают меня к собирательству не шедевров (они всем давно якобы известны!), а поэтических раритетов. «Кому нужны такие поэтические ко- зьявки типа Бурлюка! — восклицает один читатель, — даешь Есенина!» «Есенина я и без вас знаю...» — пишет второй. — А вот спасибо, что вы от- крыли мне Зоргенфрея...» Что каса- ется меня самого, то мне ближе всего точка зрения читателя Г. Шеховцева

из Перми: «Антология показывает значительность так называемых не- значительных поэтов. Влияние вели- ких поэтов на маленьких достаточно исследовано. В этой антологии можно понять и обратное влияние. Мне даже пришло в голову, что незначи- тельных поэтов вообще нет, если, ко- нечно, у каждого из них есть хоть одна значительная строка. Продол- жайте антологию в том же духе, со- единяйте знаменитых с незнамениты- ми...»

Ну что ж, по благословению Г. Ше- ховцева и, надеюсь, редакции «Огонь- ка» я и буду продолжать в том же духе. Открою маленькую редакцион- ную тайну: и я, и редакция думали, что закончим эту антологию в 1987 году. Однако по мере погружения в работу, в бездны архивов и библио- тек я понял, что в сжатом журналь- ном варианте антологии будут неми- нуемые непростительные провалы. Ведь сейчас мы с вами только входим в тридцатые годы, и перед нами еще поэзия первых пятилеток, поэзия Великой Отечественной, поэзия два- дцатого съезда, поэзия борьбы за мир, против ядерной катастрофы; поэзия борьбы против застоя, поэзия перестройки и, наконец, поэзия просто как поэзия всех этих трагиче- ских и одновременно героических лет, когда душа нашего народа выдержала все испытания, устояла. Этот год мы открываем стихами, печатаемыми по конкретным предложениям наших читателей, заметивших наши упуще- ния в прошлом году. Читательница Э. Крапивина из Павлово-Посада пи- шет: «Геннадий Фиш был больше все- го известен как писатель-документа- лист. А между тем он был одним из лучших переводчиков Киплинга и на- чинал как поэт». Библиофил И. Кур- зенков из Ленинграда прислал редкую книжку забытого А. Рославлева, из которой я выбрал одно стихотворе- ние. В. Зенченко из Куйбышева пред- ложил опубликовать стихи известной исторической романистки З. Шишовой. Семья Тишковых (Чита) поде- лилась с нами редкой книжкой С. Ро- дова, отметив именно то стихотворе- ние, которое я выбрал бы и сам. В следующем выпуске вас ждет встре- ча с двумя крупными советскими поэтами — П. Антокольским и И. Эрен- бургом.

Итак, с Новым годом, в котором вам предстоит столько встреч на страни- цах «Огонька» с русской поэзией XX века!

Геннадий ФИШ

1903—1971

ПОЛИТКАТОРЖАНИН

Идет по улицам туман,
Растут сугробы, вечер пьян —
Шатается между домами,
Шатаясь, встал он на мосту
И смотрит долго в темноту
И плещет снежными речами.
Выходят с пьяными речами,
Кричат котами и грачами —
Попарно — люди из пивной.
Но он встает, и, уставая,
Под башмаками мостовая
Бежит, как дождь, как проливной.
Он помнит, в этом низком доме
С слепыми окнами в заливе,
Шуршала сабля по соломе,
Был голос осени визглив,
Жандарм высокий — слишком
ласков
Был, забирая шрифт и краску
Из типографии ночной.
Потом коней морозный пар —
Летят пожарных колымаги,
Грохочет ведрами пожар;
Горят года, горят бумага,
И только вечером сырým
Из Петербурга в путь в Нарым.
Он мерз. Он поднял воротник —
Как будто к снегу не привык;
Он шел по линии трамвая;

Рассвет сочился из дворов;
Привстав за штабелями дров —
Гудел завод — народ собирая;
Вот свет из тесных ставень льет,
Еще здесь мечется фокстрот,
Еще в паркет чечетка бьет —
И песни ссылки с ними льются.

Он шел; и город революций
Вставал, как памятник чужой.

Александр РОСЛАВЛЕВ

1883—1920

ЧАСОВЩИК

Кто вечность разделил и выдумал
часы,
Кто силою минут связал безумье
снов,
Кто жизнь связал и бросил
на весы,
Того клянупроклятьем всех веков.
Кто б ни был ты, коварный
часовщик,
Не мог ты запретить безвременных
путей,
Для верящих — любовь как
бесконечный миг,
И, как всегда, беспечен смех
детей.
Я пьян собой, я смею превозмочь
Возвратный час рассудка моего,

В добре и зле, равняя день и ночь,
Я здесь и там для всех и для
всего.
Хотя твой взор был дьявольски
жесток
И за предел предельного проник,
Но в злобном торжестве, всему
назначив срок,
Ошибся ты, коварный часовщик.

Семен РОДОВ

1893—1968

ТОРГ (фрагмент)

В одном должны мы присягнуть,
Что жажда почестей, наживы
Не волновала нашу грудь,
Что на иной, спокойный путь,
Не призовет наш стих неживый
В борьбе великой отдохнуть.
Мы исстрадались до конца,
Мы ослабели до предела,
Но не забыли наше дело,
Не прикрывали подлнца,
Как не корили отупело
В борьбе усталого бойца.
Пусть сытые, и в наши дни,
Пусть огрубевшие от власти
Бегут трусливо от несчастий
И, прячась, строят западни,—
Их путь — не наш. Они
Давно погибли в сладострастьи,
В болоте гнусной болтовни.

Пылай же, ненависть, сжигай
Их пошлый и непрочный рай,
Восстань над ним огнем багровым,
Их заклеими кровавым словом
И новой бурей взыграй,
Чтоб разметать из края в край
Глухие гнезда хищных стай.
Греми, рабочая гроза,
Ломай былое с новой силой,
Не то по осени унылой
Оно нам выклюет глаза
Над свежей братскою могилой.

21.8.21

Зинаида ШИШОВА

1898—1977

Длинною окольной дорогой
Я к смиренной истине пришла,
Я уже календаря не трогаю
С красного десятичного числа.
По утрам одна брожу и слушаю
По двору, заросшему травой,
И глаза от солнца, равнодушная,
Закрываю слабою рукой.
И рука моя на солнце светится,
Можно жилку каждую найти...
Если мне большое счастье
встретится,—
Я его оставлю на пути.

ГОРЬКИЙ ПЛОД

Начало
на стр. 4.

цию и свое место в научной работе и борьбе научных мнений, то вряд ли поддается благожелательной оценке деятельность даровитых, в достаточной мере образованных ученых, все понимавших и тем не менее продававших свою честь.

Примечательна в этом плане деятельность профессора Н. И. Нуждина, выполнившего исследование для докторской диссертации по классической генетике, а затем мгновенно сообразившего, что нужно ее переписать на лысенковский лад. Всю последующую жизнь Нуждин служил Лысенко и выслуживался перед ним, получил в качестве гонорара звание члена-корреспондента АН СССР. Только благодаря принципиальной позиции академиком В. А. Энгельгардта, И. Е. Тамма и других Нуждин не прошел в академики, как того хотели в течение ряда лет Т. Д. Лысенко и покровительствовавший ему Н. С. Хрущев.

Вряд ли вполне объяснима трудностью момента «трансформация взглядов» тех, кто стал сотрудничать с лысенкоистами. Кое-кто так вошел в роль, что и позже, в пятидесятые годы, продолжал клеймить генетику, причем даже в тех работах, которые к генетике отношения не имели (так поступили М. Е. Лобашев в книге «Очерки по истории русского животноводства», 1954, и А. Е. Гайсинович при редактировании «Избранных биологических произведений» И. И. Мечникова, 1950). Конечно, слабоволие и малодушие всегда были широко распространены, и хоть ни один из актов уступок реальному влиянию на ход событий уже оказать не мог, а сиюминутный карьеристский выигрыш приводил к проигрышу в более позднее время, но каждый такой акт прибавлял ужаса в глазах окружающих, подталкивал и других к сходному поведению.

В этих условиях особенно возрастала ценность и показательность мужественной позиции немногих из ведущих генетиков, которые ни на какую сделку с совестью не пошли. В Горьком ректор университета А. Н. Мельниченко вызвал заведующего кафедрой генетики С. С. Четверикова и предложил покаяться. Но покаяния не последовало, а выдающемуся ученому пришлось остаться без работы. Несколько лет маялись без работы С. Н. Ардашников, В. В. Сахаров, В. Я. Александров. Уехали в отдаленные от центра места России не сдавшиеся под напором диктата и не вставшие на колени Я. Л. Глембоцкий, Н. Н. Соколов и Б. Н. Сидоров (они перебрались на работу в Якутию), М. И. Камшилов (уехал в Дальние Зеленцы на Белом море), Е. Н. и Б. Н. Васыны (оказались на Сахалине), Ю. Я. Керкис (стал директором

овцеводческого совхоза в Средней Азии), Р. В. Хесин (переменил специальность и стал работать в Каунасе).

Сразу после окончания августовской сессии ВАСХНИЛ приказом министра высшего образования СССР С. В. Кафтanova № 1213 от 23 августа 1948 года В. С. Немчинов был снят с поста директора Московской сельскохозяйственной академии имени К. А. Тимирязева и заменен В. Н. Столетовым. А. Р. Жебрак был также отстранен от работы, и его лаборатория закрыта. П. Н. Константинов после смерти П. И. Лисицына, последовавшей 20 февраля 1948 года, был приглашен заведовать кафедрой селекции и семеноводства полевых культур (оставаясь одновременно на кафедре методики опытного дела). Теперь его освободили от руководства этой кафедрой, чтобы его место занял сам Трофим Денисович. Благодаря этому Лысенко внедрился и в Тимирязевскую академию, в очередной раз показав, что не мог не использовать любую возможность, чтобы занимать чужие кафедры, институты, академии.

Полоса массовых увольнений прокатилась по всем университетам, по большинству сельскохозяйственных, медицинских, педагогических, лесных, пищевых и других вузов, по многим научным учреждениям. Всего было уволено по стране около трех тысяч ученых-биологов. Это была настоящая эпидемия варварских гонений на науку. Русская генетика, давшая образцы великолепных исследований, признанных во всем мире, прекратила свое существование. Над биологическими науками в целом опустилась черная ночь.

29 сентября 1948 года Президиум Верховного Совета СССР наградил Т. Д. Лысенко в связи с его 50-летием очередным орденом Ленина «за выдающиеся заслуги в деле развития передовой науки и большую плодотворную практическую деятельность в области сельского хозяйства». Постановлением Совета Министров СССР в те же дни Одесскому селекционно-генетическому институту присвоили имя Т. Д. Лысенко. А в докладе, посвященном 31-й годовщине Октября, первый заместитель Председателя Совета Министров СССР В. М. Молотов в присутствии самого Сталина сказал:

«Научная дискуссия по вопросам биологии была проведена под направляющим влиянием нашей партии. Руководящие идеи товарища Сталина и здесь сыграли решающую роль, открыв новые широкие перспективы в научной и практической работе».

Никто в то время не мог знать, как долго продлится шатающийся мракобесов, хватит ли жизни, чтобы дождаться триумфа подлинной науки. Находились даже проникательные ученые, считавшие, что пройдет много десятилетий, прежде чем развеется кошмар этой вальпургиевой ночи. И они были не слишком далеки от истины. Следы лысенковского буйства оставались и по сей день остаются вполне осязаемыми, выросли и новые лысенки в среде руководителей биологии.

А Россия тем временем теряла славные позиции, некогда с почетом завоеванные. Если вести отсчет

от «августовской сессии ВАСХНИЛ», то всего пять лет оставалось до открытия американцем Джеймсом Уотсоном и англичанином Френсисом Криком двойной спирали ДНК — открытия, начавшего эру молекулярной генетики. А ведь не в Америке и не в Англии, а в Советской России двадцатью с лишним годами ранее Н. К. Кольцов предсказал, что наследственные молекулы должны иметь двойное строение. Подхватить бы эстафету от Кольцова, создать его школе условия благоприятствования! Но нет, затравили и самого Николая Константиновича, обзывали его и фашистом, и мракобесом и сколько раз призывали посадить его, школу уничтожить, чтобы ростков не дала, чтоб продолжения не последовало.

Точно так же не где-то на Западе, а в Советской России С. С. Четвериков заложил основы целой науки — популяционной генетики, значение которой сегодня — в пору всеобщего экологического бедствия — и оценить-то сообразно весомости этой науки вряд ли возможно. Но выгнан был сразу после сессии ВАСХНИЛ великий ученый, унижен и оскорблен. Он умирал в Горьком, ослепший, беспомощный, забытый у себя же на Родине в то время, когда на Западе ему присуждали золотые плакетты, печатали переводы его статей по-английски, разыскивали его портреты.

А разве не в Советской России Г. А. Надсон и Г. С. Филиппов открыли радиационный мутагенез, а М. Н. Мейсель — мутагенез химический. Разве не в нашей стране С. Г. Левит создал первый в мире медико-генетический институт! Но расстреляли в тюрьме Левита, а институт и всех сотрудников разогнали. И дух института истребили. Талантливейший ученик Левита С. Н. Ардашников несколько лет маялся без работы, да так по специальности места и не нашел. И. А. Рапопорт первым в мире начал широкие опыты с химическими мутагенами, но даже книжку с его пионерской статьей велено было в 1948 году сжечь. И сожгли! И вскоре угнали по этапу второй раз в жизни бескомпромиссного борца с лысенковщиной В. П. Эфроимсона.

А впереди страну ждало еще много испытаний: отставание и в генетике, и в селекции, и в лечении наследственных болезней, и в промышленном производстве антибиотиков. И самое тяжкое испытание: полная отстраненность от гонки западных стран в важнейшей отрасли, имеющей и экономическое, и военное значение, — биотехнологии. Советский Союз оказывался на обочине дороги, по которой умчались вперед даже те страны, которые некогда и помыслить-то не смели, чтобы посоревноваться с Россией генетической по части изучения свойств и структур наследственности, со страной, в которую будущий Нобелевский лауреат Герман Меллер приехал жить и работать бок о бок с великим Вавиловым.

Тлетворная плесень лысенков и презентов с гигантской скоростью пускала новые поросли и прекрасно развивалась на том сусле, которое булькало, пенилось и пыжилось, заполняя собой поры государственного организма. Горьким оказался плод, созревший на этой питательной почве!

ВОЗВРАЩАЯСЬ К НАПЕЧАТАННОМУ

НЕ МОСКВА ЛЬ ЗА НАМИ?

По вопросу охраны памятников истории и культуры Москвы в последнее время обнаруживается немало столкновений мнений.

Нет-нет, да и высветится на телевидении, в печати точка зрения крайняя, казалось бы, изжившая себя: «А что жалеть-то старье? Ведь городу развиваться надо!»

Но не станем спорить с теми немногими, кто по сию пору разруху сотен московских памятников истории и культуры считает закономерным явлением или не слишком большой потерей. Это экстремизм особого инерционного или, может быть, ведомственного порядка, напоминающий порой, как ни странно, экстремизм сугубо противоположного, группового толка, когда под маской «ура»-патриотизма лишь более откровенно бранятся и машут кулаками. Спор с экстремистами — дело неблагоприятное.

Однако гласность — это не только «согласие», но зачастую острые и принципиальные разногласия. И если противоположные мнения хоть как-то обоснованы, социально приемлемы, то они имеют право на обсуждение.

К таким разногласиям редакция «Огонька» отнесла было мнение Л. Г. Бызова и опубликовала его в № 28 журнала в подборке писем читателей.

К сожалению, оказалось, что при подготовке к печати письмо это не было проверено должным образом. Резкую критику в адрес руководства Московского городского отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры пришлось проверять другим организациям. Многие факты письма, как говорится, не подтвердились.

Но разногласия между членами МГО ВООПИК все-таки остаются. В чем же их суть?

Об этом мы беседуем с депутатом Моссовета, заслуженным деятелем искусств РСФСР, художником А. С. ТРОФИМОВЫМ, новым председателем МГО ВООПИК, и его заместителями С. В. КОРОЛЕВЫМ и В. А. ВИНОГРАДОВЫМ.

Прежде всего о дискуссиях. Добрый спор, конечно, необходим. Добрый спор создает благотворную созидательную атмосферу, он залог успешного дела. Были споры и на X отчетно-выборной конференции МГО.

Дискуссия позволила сформулировать три основных нынешних подхода к проблеме охраны памятников:

— принять допущенные разрушения многих московских ансамблей за свершившийся, хотя и болезненный, но непоправимый факт. Защищать отдельные оставшиеся памятники архитектуры, не допуская так называемых «новоделов». Сосредоточить усилия на первоочередной консервации, так как сразу все реставрировать нет возможности.

— заботу о памятниках понимать шире, а именно как сохранение остатков городской среды. Там, где это возможно, — восстанавливать городские ансамбли, отдельные памятники, пусть пока небольшие, не боясь в данном случае слова «новодел», как не побоялись варшавяне и вся Польша «снова сделать» — восстановить из руин свою великолепную заповедную Варшаву.

Заниматься и консервацией, и реставрацией, и восстановлением отдельных памятников, и регенерацией исторического облика столицы, городской среды — архитектурных ансамблей, садов, парков и т. д.

Казалось бы, эти позиции не так уж и расходятся, но при внимательном рассмотрении ясно, что первая удовлетворяет лишь немногих приверженцев того или иного памятника, ансамбля, района.

В Московском городском отделении общества утвердился более широкий, содержательный взгляд на наследие прошлого, на основе которого, например, возникло предложение о государственной охране всего исторического центра Москвы как единого градостроительного, культурного и историко-революционного памятника. Разве это нормально, что центр столицы апельсинными дольками поделен на тринадцать районных подчинений?

Конечно, нельзя забывать и о памятниках вне центра Москвы. Лефортово, Коломенское, Старое и Новое Симоново, могилы Пересвета и Осляби, четверть века ожидающие обещанного восстановления надгробий, да и многие другие комплексы памятников продолжают требовать повышенного к себе внимания, заботы общественности. Жизнь дает пример настоящего, недекларативного патриотизма. Пример тому — шефство над памятниками, ставшее знаменательным явлением наших дней. Тысячи москвичей, от мала до велика, регулярно посвящают свой досуг восстановлению памятников столицы.

Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры, как известно, основано на принципах сугубой добровольности, и двери его открыты для любой доброй инициативы. Дело найдется каждому, кто стремится связать свою любовь к Москве с заботой о ней, без ненужного здесь самомнения и наскоков. Вместо музейного «Руками не трогать» мы предлагаем «Трогать», проникаться историей, знать, понимать и уметь защитить свое наследие от ран, наносимых временем и людьми, душевно черствыми и невежественными.

Михаил ПОСПЕЛОВ

**В МОСКОВСКОМ
ТЕАТРЕ КУКОЛ —
БЕНЕФИС!
СТО ЛЕТ «КАШТАНКЕ» —
ТРОГАТЕЛЬНО-НЕЖНОМУ
И БЕСКОНЕЧНО
ЧЕЛОВЕЧНОМУ РАССКАЗУ
АНТОНА ПАВЛОВИЧА
ЧЕХОВА.**

В а годы Советской власти произведение издавалось сто семьдесят пять раз на пятидесяти трех языках народов мира общим тиражом одиннадцать миллионов сто тридцать три тысячи экземпляров. Эти сухие, но совсем не скупые цифры — свидетельство всенародного признания.

Любовь же наша к «Каштанке» искренняя и неизмеримая. Для этого было достаточно взглянуть в глаза зрителей, детей и взрослых, до отказа заполнивших уютный зал театра в этот праздничный вечер. Никакие кино и телекамеры, свет многочисленных прожекторов и щелчки фотоаппаратов не смогли отвлечь внимания от происходящего на сцене.

И как всегда, гром аплодисментов!

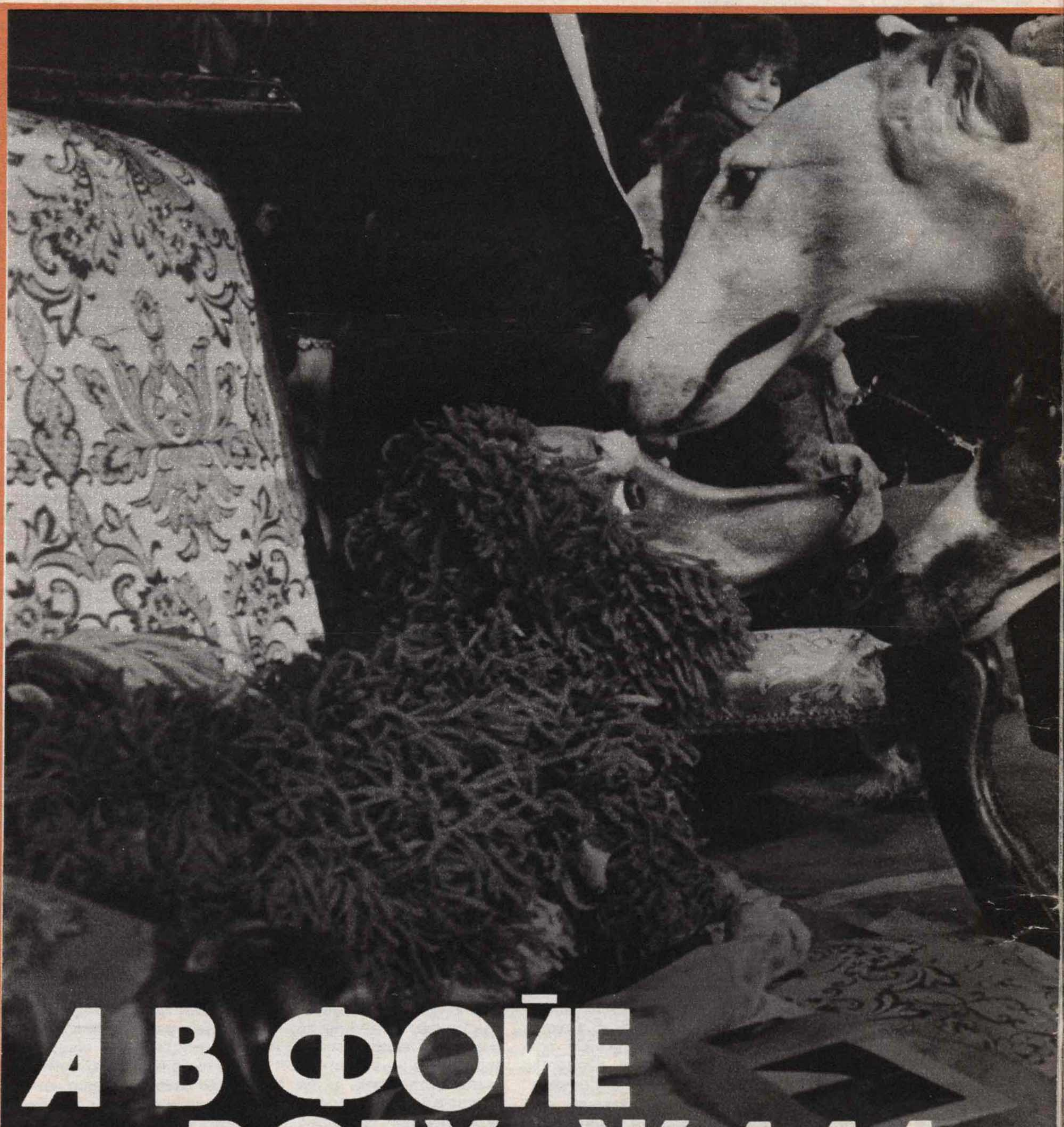
А в фойе всех ждал сюрприз — на встречу со зрителями пришли члены клуба «Фауна» и привели своих четвероногих друзей. Сколько было радости! Девтора даже про буфет забыла.

— Ой, какие хорошенькие! Мама, посмотри какие лапки! Папа, ты мне такую купишь?

...В этой взаимной любви рождается настоящий человек — добрый и отзывчивый, такой, каким был сам Антон Павлович в его рассказе «Каштанка».

Давайте все вместе беречь и развивать это чувство.

Игорь ГАВРИЛОВ
Фото автора

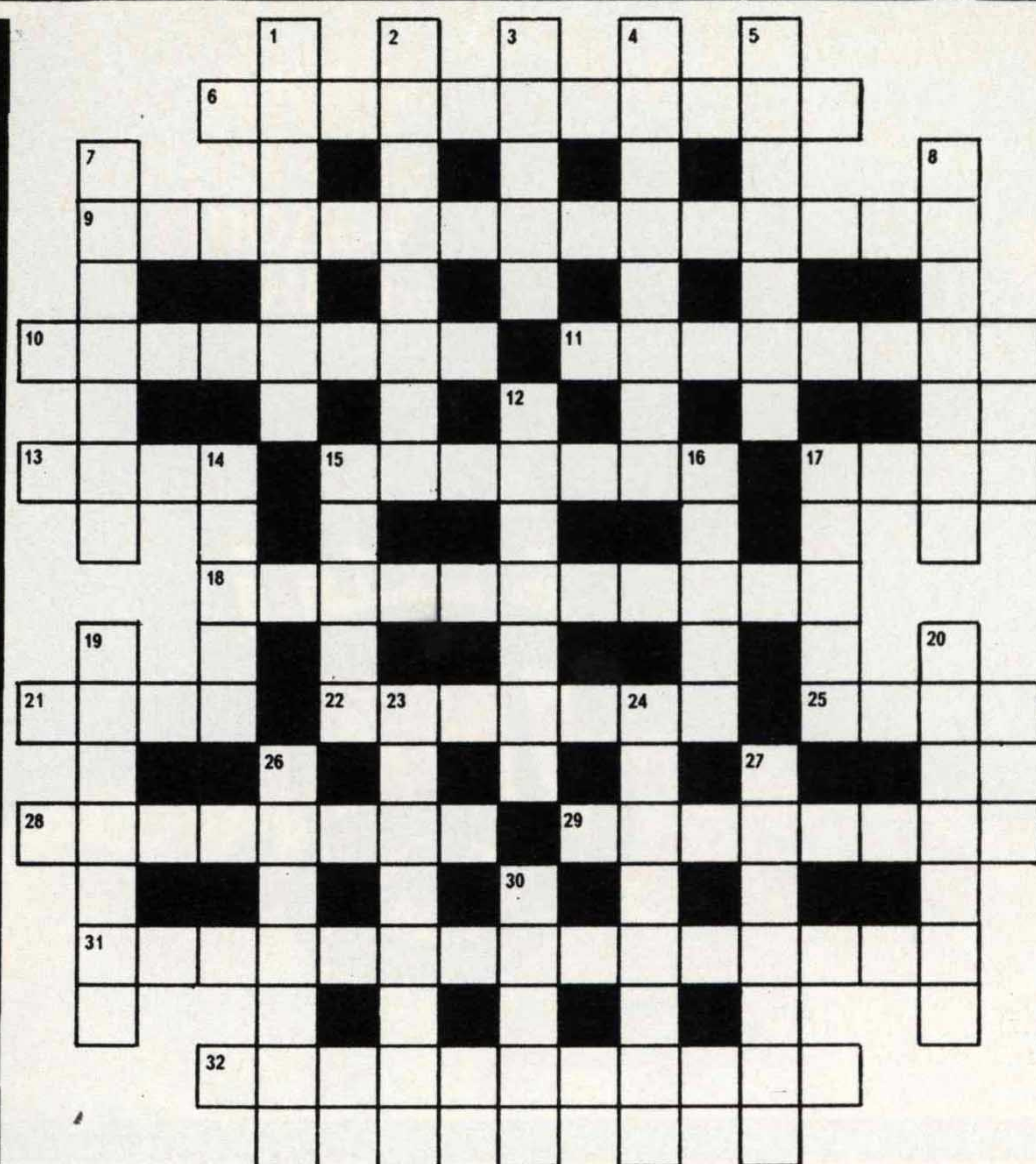

А В ФОЙЕ ВСЕХ ЖДАЛ СЮРПРИЗ...

КРОССВОРД

По горизонтали: 6. Балерина, народная артистка СССР. 9. Часть речи. 10. Советский живописец, передвижник. 11. Артиллерийское подразделение. 13. Горючее полезное ископаемое. 15. Народный писатель Азербайджана, Герой Социалистического Труда. 17. Награда победителю в состязании. 18. Помещение для научных и технических опытов, исследований. 21. Немецкий писатель, антифашист. 22. Учащийся вуза. 25. Эфиромасличная культура, пряность. 28. Источник звука, служащий эталоном при настройке музыкальных инструментов и в пении. 29. Полуостров в Дании и ФРГ. 31. Город в УССР. 32. Видоизменение.

По вертикали: 1. Учебное полугодие в вузе. 2. Ряд ступеней для подъема и спуска. 3. Наука, изучающая превращения веществ. 4. Река в Гайане. 5. Химический элемент, металл. 7. Персонаж романа М. А. Шолохова «Тихий Дон». 8. Мотив, напев. 12. Спутник Урана. 14. Ночная птица. 15. Загадка. 16. Простейшее грузоподъемное устройство. 17. Народный артист СССР, актер театра имени Моссовета. 19. Плоскодонная парусная рыболовная лодка. 20. Северное созвездие. 23. Геодезический инструмент. 24. Орган, удостоверяющий сделки, оформляющий наследственные права. 26. Химический элемент, газ. 27. Наследственное родовое наименование. 30. Порт в Турции.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 1

По горизонтали: 5. «Журавли». 8. «Самовар». 10. «Салют». 11. «Гальяк». 13. Аккорд. 15. Силосование. 16. Зверьков. 19. Буратино. 21. Интерьер. 23. Скамейка. 26. «Воительница». 28. Офелия. 30. Стрела. 31. Виток. 32. Стручок. 33. Акробат.

По вертикали: 1. Тургенев. 2. Тиса. 3. Уста. 4. Мандарин. 6. Атлас. 7. Хлопок. 9. Ополе. 12. Колокольчики. 14. Контрабасист. 17. Енот. 18. Веер. 19. Бокс. 20. Иней. 22. «Нежность». 24. Карнавал. 25. Флейта. 26. Виеру. 27. «Алеко». 29. Явка. 30. Сказ.

НЕТ ПРОБЛЕМ?

Рисунок Виталия ПЕСКОВА.

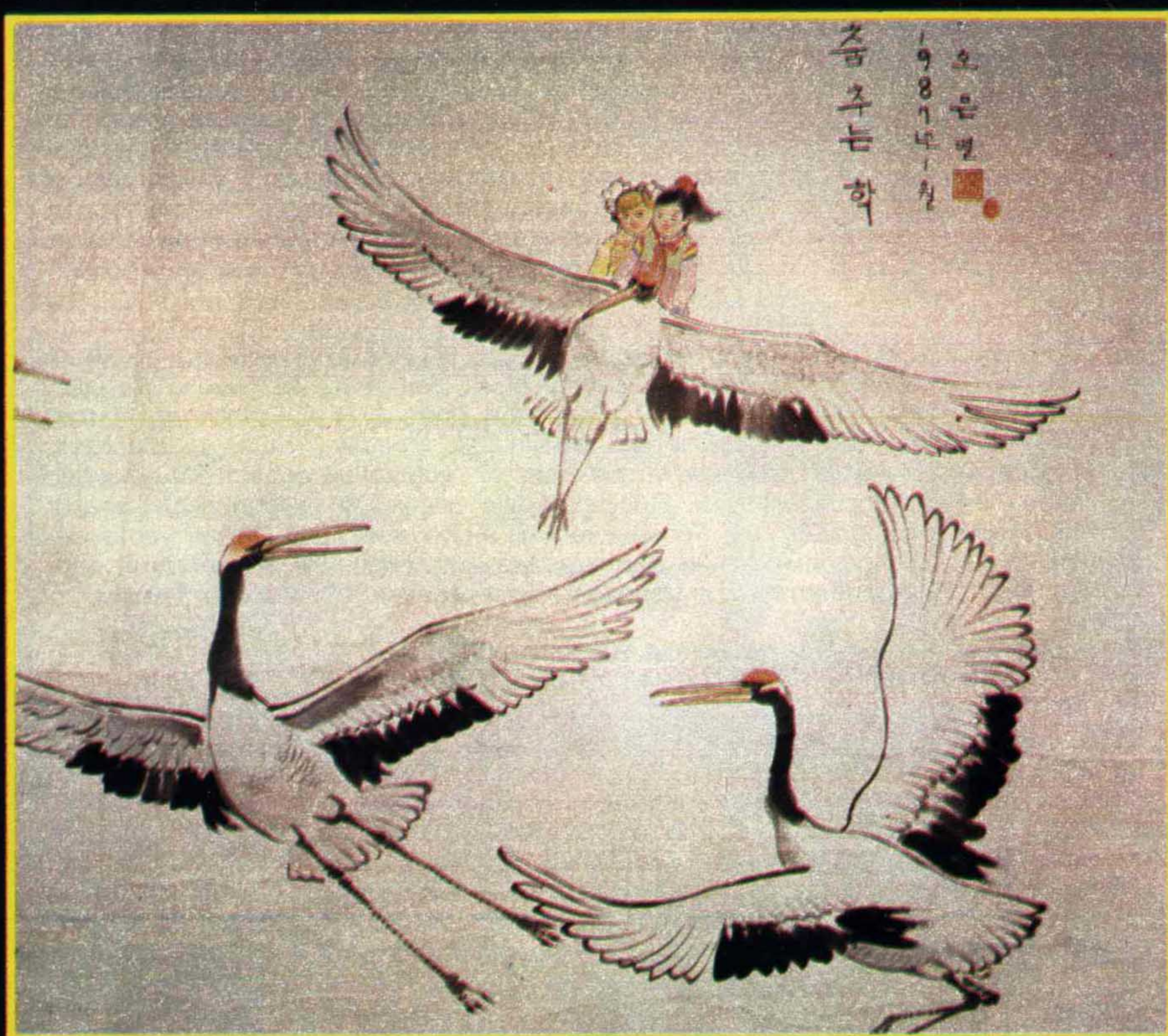
КРАСКИ ДЕТСТВА

Великие поэты и художники даже в глубокой старости умели сохранить детскую непосредственность восприятия мира. Так, например, гениальный рисовальщик и живописец Анри Матисс уже в преклонном возрасте высказал счастливую мысль о том, что наконец-таки он научился рисовать, как ребенок.

...30 тысяч рисунков из шестидесяти стран поступило на традиционный детский конкурс «Герой моей любимой книги». Самой младшей участнице этого вернисажа — 6 лет. Оын Бель на Московскую книжную ярмарку приехала из КНДР с родителями. «Мы летим на Луну» назвала корейка свое панно.

Первую премию за серию рисунков получила школьница из Волгограда Екатерина Самойленко. Юная художница, нарисовав

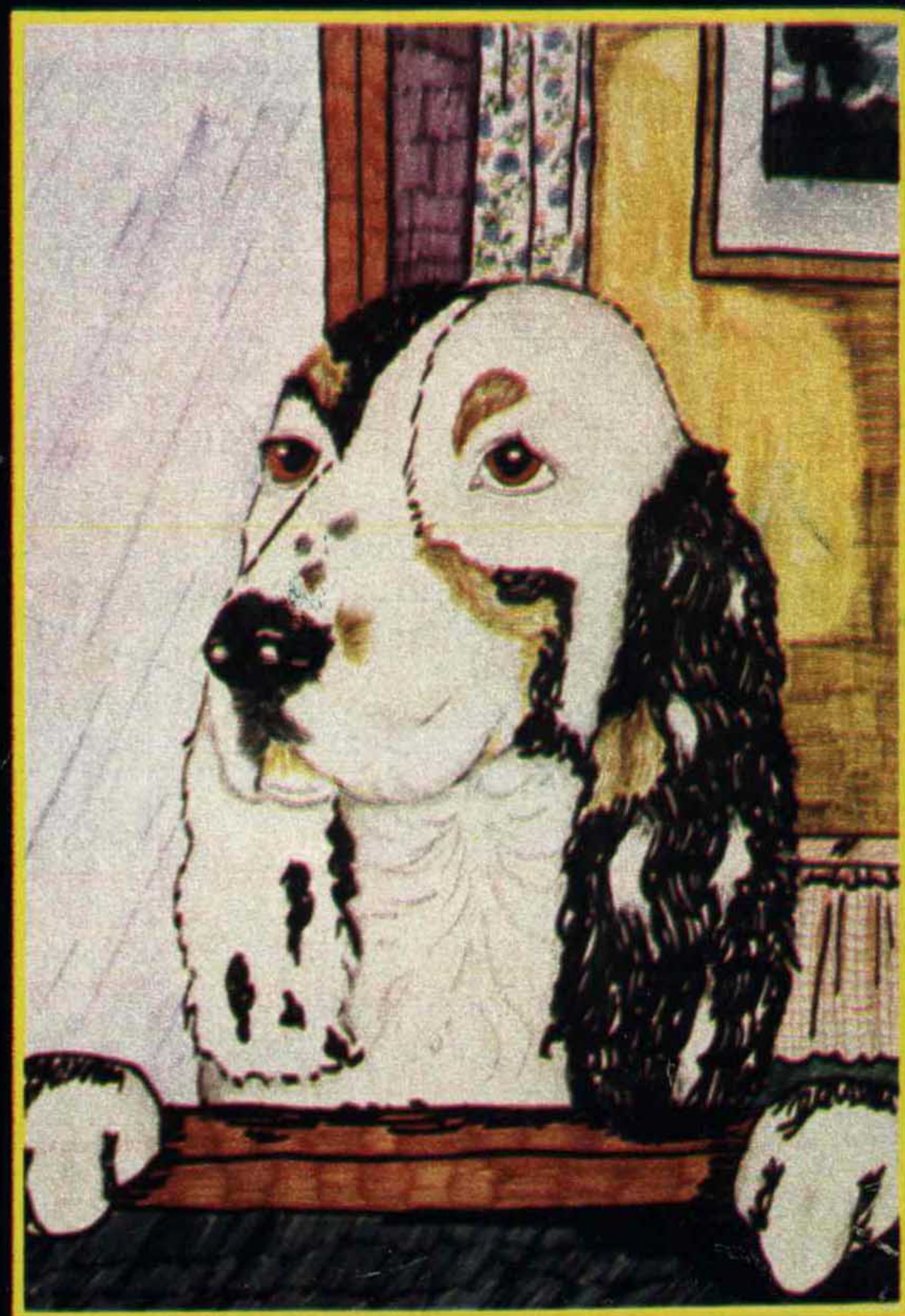

Хуан Миранда Кольясо, 10 лет.
Куба. «Космос на службе мира».

Сари Хухтала, 12 лет.
Финляндия.
«Белый Бим Черное ухо».

Оын Бель, 6 лет.
КНДР. «Мы летим на Луну».

Катя Самойленко, 5 лет. СССР.
«Красная шапочка».

сказочного богатыря Добрыню Никитича, так пояснила свою работу: «Конечно, он человек добрый, не зря ему такое имя дали...» А вот Хуан Миранда Кольясо, судя по его работе «Космос на службе мира», мечтает о полетах на дальние планеты. В отличие от маленького кубинца Сари Хухтала (Финляндия) беспокоят сугубо земные проблемы. «Белый Бим Черное ухо» — так Сари назвала свой рисунок, посвященный нашим «братьям меньшим».

Конечно же, далеко не все ребята станут сарьянами и матиссами, не все изберут профессию художника, но прикосновение к миру красок и фантазии, несомненно, даст свои всходы, независимо от избранного пути.

Олег ТУРКОВ

ОГОНЁК

